

Алексис Парнис

Стихотворения и поэмы

Литературный фонд «Дорога жизни»

Возрождение **Тобольска**
общественный благотворительный фонд

Санкт-Петербург
2023

□ Алексис Парнис □

Стихотворения и поэмы

Санкт-Петербург, «Любавич»
2023

УДК
ББК
П

Парнис Алексис.

П Стихи и поэмы: [избр. поэзия] /сост. В. Рыбакова; дизайн, вёрстка, графика – А. Евменова; графика – Г. Евменова; вступ. ст.: А. Захаридиса; предис. Д. Мизгулина; фото А. Парниса из личного архива (офицер демократической армии Греции. Гражданская война, 1949 г.). – СПб.: Литературный фонд «Дорога жизни»: Любавич, 2023. – 400 с.

ISBN

Алексису Парнису – 98 лет!

Из них в Советском Союзе он провёл лишь тринадцать. Но, тем не менее, себя он называет не иначе, как «российский поэт греческого происхождения... Россия – моя литературная Родина. В России я стал писателем. Им меня сделала великая русская литература».

Активный участник Движения Сопротивления в Греции, освобождавший осенью 1944-го Афины от гитлеровских оккупантов, раненный во время восстания против английских оккупантов, Алексис Парнис в конце 1949 года вынужден был эмигрировать в СССР.

В 1955-ом он получает Главную литературную премию на Варшавском фестивале молодёжи и студентов за эпическую поэму «Сказание о Белояннисе». А спустя год блестяще оканчивает Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. В 1950–1960 гг. он был самым популярным драматургом. Его пьеса «Остров Афродиты» только в 1961 году шла в 171 отечественном театре с оглушительным успехом.

Но в 1963 году Парнису пришлось срочно покинуть СССР. После этого и поступил негласный приказ «забыть» прежде популярного драматурга и его пьесу.

И вот о нём вспомнили! В 2019 году при поддержке Литературного фонда «Дорога жизни» вышли его книги: «Бульвар Пастернака» и «У каждого своя Прага».

ISBN

© А. Парнис, текст, 2023
© В. Рыбакова, составитель, 2023
© А. Евменова, дизайн, графика, 2023
© Г. Евменова, графика, 2023

АЛЕКСИС
ПАРНИС

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

Авторизованный перевод
с новогреческого

РУССКИЙ ПОЭТ ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Алексис Парнис. Многие из вас, думается, слышат это имя впервые. Или основательно подзабыли. И не мудрено – 24 мая этого года ему исполнится... 99 лет!

Участник Движения Сопротивления, осенью 44-го он освобождал от гитлеровцев родные Афины. В конце сороковых – боец повстанческой армии Греции, первой после большой войны восставшей против зарождавшегося англосаксонского миропорядка. После поражения в 49-ом эмигрировал в СССР. Спустя 2 года – студент Литературного института им. А. М. Горького в Москве. В 1955 году Пабло Неруда вручает Парнису первую литературную премию на Варшавском фестивале молодёжи и студентов. Его стихи печатаются в «Литературной газете», «Новом мире», «Юности», переводятся на десятки языков. И вдруг..

* * *

В зените славы Парниса исключают из компартии Греции, перестают печатать и выселяют из Переделкино, Мекки советских писателей. По клеветническому навету завистников, бывших товарищей по перу и оружию, его обвиняют в антисоветизме. Что следовало за подобным обвинением... многие ещё помнят. Либо читали. Вот только одна фраза из того грязного письма:

«Греческие политэмигранты — коммунисты своевременно сообщили ряду советских организаций многие серьёзные факты, связанные с поведением Парниса». Высшее проявление низости — клевета с гордостью!

Поэта вызывают в «ряд советских организаций» — на Лубянку и на Старую площадь. Надо только поставить подпись под осуждением бывшего руководства компартии Греции во главе с кумиром Парниса Никосом Захариадисом — и все блага вернуться! Не буду описывать все перипетии этого сложного периода в жизни поэта. Скажу лишь, что за него вступились Константин Симонов, написавший письмо в ЦК, Александр Твардовский, представлявший Алексису страницы своего «Нового Мира», Назым Хикмет, Борис Полевой, его поддерживали многие писатели и поэты.

Позже, в одном из стихотворений, посвящённом 13-ти годам, проведённым в СССР, его литературной родине, Парнис напишет:

А память так и тянет в молодость вернуться
 За хлебосольный стол в дому моём московском ...
 И снова мнится мне: вот-вот там соберутся,
 Как прежде, Полевой и Симонов с Твардовским.
 Давно их с нами нет ... А в годы те лихие
 Лишь им благодаря от наговора спасся.
 Вновь с ними я брожу в бескрайностях России,
 Там, где и мой Пегас, как выяснилось, пасся.

Давно по мне Гулаг, нутром я чувал, плакал...
 Решили наверху — пора кончать с несносным!
 Как вдруг, в последний миг стащили меня с плахи
 Всё те же: Полевой и Симонов с Твардовским.

* * *

Алексис Парнис, как и тысячи других сторонников Захариадиса, несправедливо оклеветанного, отправленного в ссылку и, в конце концов, доведённого до самоубийства (в 2014-ом в Сургуте, где он провёл последние 11 лет жизни, открыта мемориальная Доска и появилась Аллея Никоса Захариадиса, а сейчас заканчивается работа над документальным фильмом «Неистовый Никос», где много о своём кумире и друге рассказывает и Парнис), не пошёл на сделку с совестью. Он боролся, и его, совместно с Борисом Полевым, вмешательство предотвратило высылку в Сибирь сотен ташкентских греков.

Именно такие «неподдающиеся» люди – в центре всего творчества Парниса.

Люди, совершившие моральный подвиг.

Зато и впредь как были – будем –
 Какая вдруг ни грянь гроза, –
 Людьями из тех людей, что людям,
 Не пряча глаз,
 Глядят в глаза.

Эти строки из поэмы друга Парниса Александра Твардовского «По праву памяти». Власть предержавшим во все времена не угодны были люди, «не прятывшие глаза». Алексис Парнис не прятал. И в наше непростое время, когда вечные ценности пытаются заменить материальными (а то и вовсе с запашком серы), когда последователи тех, от кого Парнис очищал Грецию в 44-ом, опять зигуют (и не только на Украине), каждый, пусть маленький, моральный подвиг таких людей – шагоч человечества по пути вперёд. А значение для прогресса, как говорили древние греки, имеет лишь духовный

рост. Поэтому мир никогда не забудет самопожертвования Джордано Бруно, Жанны д'Арк или трёхсот спартанцев. Да, персы победили при Фермопилах, но тени царя Леонида и его воинов преследуют их до сих пор. И в наше беспокойное время беспримерные подвиги защитников Донбасса и стойкость духа его простых жителей – вклад в сокровищницу вечных ценностей и залог победы добра над злом. Поэтому и надо о них рассказывать. Чтобы знали все.

* * *

Через всё творчество Парниса проходит мысль о том, что политические судилища, свидетелем которых он был и в Греции, и на его литературной родине – в СССР, не властны над временем. Есть высшая инстанция – суд поэтов. И именно им, этим судом, вынесенный вердикт остаётся в памяти народной.

Говоря о клеветнических измышлениях и преследовании Никоса Захариадиса, Парнис пишет:

Так знайте же, «наперстники разврата»,
У тех судов шкала заслуг богата:

От низшего и до Ареопага
Всего превыше честность и отвага!

Там смотрят на тебя все судьи мира
Глазами Пушкина, Эсхила и Шекспира.

* * *

Этот сборник стихов Алексиса Парниса, что вы сейчас держите в руках, должен был выйти в издательстве «Художественная литература» более 60-ти лет назад, летом 1961 года. Того самого года, когда его пьеса «Остров

Афродиты» с триумфом шла в 171 театре Советского Союза, а «Бульвар Пастернака», сценический вариант одноимённого романа, собирал аншлаги в знаменитом театре О'Нила на Бродвее. Но... вот, что написала Парнису литературный критик Алла Киреева (однокурсница, как и её муж, Роберт Рождественский, Алексиса по литинституту).

— Алексис, мне позвонил В. Сякин, заместитель главного редактора издательства и, называя книги, почти готовые к выпуску в свет, назвал твоё имя. Потом замешкался и сказал: «Парниса, если будете упоминать все эти имена, мне кажется, называть не стоит». Я спросила: «Почему?» «Видите ли, книжка временно приостановлена по причинам, от нас не зависящим. Сверху».

Я возмутилась и решила написать об этом разговоре тебе. Можешь использовать моё письмо в любой инстанции. За свои слова я отвечаю.

Выход сборника был «временно приостановлен». На 62 года. Но всё это время русский поэт греческого происхождения, как он сам себя называет, Алексис Парнис с огромной благодарностью вспоминал годы, проведённые в Советском Союзе. Переводить русских и советских поэтов на греческий язык он начал ещё на втором курсе. То бишь, в начале пятидесятых.

* * *

А в 2016-ом, год культуры России в Греции и, наоборот, в Афинах вышла книга «Русский Парнас», антология российской поэзии. От Тютчева и Пушкина через Серебряный век и шестидесятников до современных поэтов. «Чтобы в Греции могли наслаждаться великими стихами», как сказал Парнис. И в том же году — сборник стихов замечательного питерского поэта Дмитрия Мизгулина. Обе книги — в переводе Парниса. Слышали бы вы, как эти два выпуск-

ника литинститута (с интервалом в 37 лет!), Парнис и Мизгулин, вспоминали знакомых (общих!) преподавателей и наперебой декламировали Пушкина, Есенина, Межирова и Пастернака – единственного из небожителей Переделкина, кто общался с Алексисом на древнегреческом. Это ли не взаимопроникновение двух великих культур?! Культур двух народов, чья связь нерушима и не подвластна никакому разгулу мракобесия и русофобии, поскольку освящена Верой Православной и совместно пролитой кровью. Четыре века русские цари помогали братьям по вере бороться с османским игом. В Греции этого не забудут никогда. Как не забудут россияне преступно долго замалчивавшуюся помощь, оказанную маленькой Элладой большому Советскому Союзу в 41-ом. Вермахт планировал нападение на СССР 15 мая. Генералы торопили своего фюрера, чтобы взять Москву до зимы. Но разгром греческой армией фашистов Муссолини вынудил Гитлера вторгнуться на Балканы. И, как он писал в своём известном «завещании», записанном Борманом 14 февраля 1945 года: «... если бы не трудности, созданные нам итальянцами, и их идиотская кампания в Греции, я напал бы на Россию на несколько недель раньше».

Уточним – почти на шесть. Шесть бесценных недель для Красной армии.

* * *

Вчера позвонил Алексису поздравить с новым 2023 годом. Он радостно сообщил:

«Час назад закончил перевод «Руслана и Людмилы». За последние 7 лет в Афинах вышли сборники стихов Пушкина, Маяковского, Есенина, Ахматовой, Цветаевой, Мизгулина, Пастернака, отдельно «Евгений Онегин». Переведены и готовятся к изданию Твардовский и Блок.

Мне повезло. Я познакомился с Алексисом в далёком 1956 году, будучи шестилетним пацаном. Сейчас часто бываю у него дома. Побывали там и все мои многочисленные российские друзья. Он обожает принимать гостей.

Особенно из России.

Алексей Захариadis

АЛЕКСИС ПАРНИС
ДМИТРИЮ МИЗГУЛИНУ

Принадлежим с тобой мы к разным поколениям,
На разных пишем языках и в разных странах.
Но мы в одном строю, и наше назначенье
Служить поэзии достойно и упрямо!

Есть сокровенное в стихах твоих, Димитрий,
Прост, вроде, матерьял — да зданье величаво!
В награду — новый труд. А золотые слитки
Не манят... Бог тебя ведёт, не жажда славы.

И станет храм святой пристанищем нам верным,
Чтоб «в наш жестокий век» мы к милости зывали.
Так вечным символом бессмертия Вселенной
Златые купола в твоей России стали.

Спустился Бог с небес в обличии солдата,
Чтоб приоткрылись нам земные тайны жизни,
И в Храме Фёдора Святого, Стратилата,
В твоей поэме мы беседуем с Всевышним.

«Не верят в меня люди так, как прежде, —
Господь нам сообщил с печалью необычной, —

Жизнь потому течёт на лучшее в надежде,
Что верю Я в людей. И верю безгранично».

Потом спросил меня: «Ты жил в России. Трудно?»
Я отвечал: «В часы душевного смятенья
Постиг я высший смысл поэзии и бунта,
Через распятие пройдя и возрожденье».

А память так и тянет в молодость вернуться
За хлебосольный стол в доме моём московском ...
И вот уж мнится мне: вот-вот там соберутся,
Как прежде, Полевой, и Симонов с Твардовским.

Давно их с нами нет ... Я в годы те лихие
Лишь им благодаря от наговора спасся.
Вновь с ними я брожу в бескрайностях России,
Там, где и мой Пегас, как выяснилось, пасся.

Я помню Сталинград — штыками и зубами
Стояли насмерть там ... Но сколько ж Веры было!
Что заалеет над рейхстагом наше знамя,
Которым Русь весь мир от свастики укрывала!

Я помню чудный фильм, где журавли летели ...
Там, где Самойлова блистала и Баталов.
Величье и беда в одной там шли шинели,
Как гимн стране, что новой матерью мне стала.

Бог нас хранил! В час новых испытаний
Герои Грамоса¹ без страха и сомненья

¹ Грамос – горный массив на севере Греции, где во время гражданской войны были самые напряженные бои.

С Захариадисом в одну шеренгу встали,
Когда подвергся он неправедным гоненьям.

Давно по мне ГУЛАГ, нутром я чуял, плакал ...
Решили наверху: пора кончать с несносным!
Как вдруг, в последний миг стащили меня с плахи
Всё те же: Полевой, и Симонов с Твардовским.

Скажи, Господь, ужель не следует причислить
К лику святых отдавших жизнь, других спасая?
Пусть не с Христом в душе и Девою Пречистой –
Серпом и молотом дорогу прорубая?

С улыбкой молвил мне, стараясь не обидеть,
Господь: «Ответ тебе дать не могу пока я.
Узнаешь сам, когда в небесную обитель
Взойдёшь ты. Ждать не долго, как я понимаю».

Я сразу полюбил стихи твои, Димитрий,
Там, сокровенное, там вечные вопросы ...
Читаю их – и Бог мне одевает митру,
Которая нас, смертных, к вечности возносит.

Кто был ничем – тот станет всем! Но как без Бога?
Хочу я верить: час придёт всенепременно,
Все взявшись за руки, найдём во тьме дорогу,
И к свету путь укажет твой «Кривоколенный»²

Перевод Алексея Захариадиса

² Стихотворение Дмитрия Мизгулина «В Храме Фёдора Стратилата» заканчивается словами «... переулок Кривоколенный поворачивает не спеша».

**АЛЕКСИС
ПАРНИС**

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

Авторизованный перевод
с новогреческого

«Художественная литература»
Москва, 1961

У ЭТОЙ КНИГИ НЕПРОСТАЯ СУДЬБА

Книга, подготовленная к публикации в одном из лучших советских издательств (Москва, «Художественная литература») в 1961 году, она так и не увидела свет. У меня в руках – сигнальный, единственный экземпляр, чудом уцелевший в вихре перемен и подаренный мне автором – замечательным греческим писателем Алексисом Парнисом.

Тираж так и не был напечатан...

Имя молодого греческого поэта гремело в СССР. Он эмигрировал в страну социализма в конце 1940-х – вместе с бойцами греческой повстанческой армии, основу которой составляли коммунисты, потерпевшие поражение в гражданской войне в Греции

Эту армию возглавлял Генеральный секретарь Компартии Греции Никос Захариадис, который и запомнил молодого редактора фронтовой газеты.

В 1951 году на встрече Сталина и Захариадиса вождь мирового пролетариата отметил необходимость прославления в веках подвига греческих коммунистов и предложил отправить самого лучшего литератора на обучение в литературный институт им. А. М. Горького в Москву.

Этим писателем стал Алексис Парнис. Признание пришло достаточно быстро: талантливого поэта и драматурга поддержали А. Т. Твардовский и К. М. Симонов, Назым Хикмет и Б. Н. Полевой...

Однако в дело вмешалась политика. После смерти Сталина Захариадис стал неугоден новому руководству страны во главе с Хрущёвым, не будем здесь останавливаться на причинах, и – было принято решение сме-

стить Никоса с поста руководителя Компартии, а затем отправить его в ссылку.. Соппротивление сторонников Захариадиса было сломлено. Но этого советским руководителям показалось мало — они решили добить своего противника морально и стали требовать от греков-эмигрантов открытого осуждения своего бывшего командира.

Алексису Парнису отводилась едва ли не ключевая роль в этом процессе: известней его в греческой диаспоре, проживающей в СССР, пожалуй, никого и не было... Однако Алексис оказался преданным своему боевому командиру соратником. Ни слова осуждения не прозвучало из его уст, наоборот, он был одним из немногих, выступивших в поддержку опального Никоса Захариадиса и единственный, кто продолжал встречаться с ним, приезжая в Новгородскую область...

Ответ советских властей не заставил себя ждать: Алексиса исключили из компартии, уволили с престижной редакторской работы, перестали печатать... Запрет на издание этой книги — так же месть за твёрдость духа и отказ от предательства...

В одном из товарищеских застолий с Александром Твардовским, молодой Алексис Парнис искренне недоумевал по поводу бушевавших в СССР репрессиях: почему никто не противостоял беззаконию, не заступался за своих родных, родителей, братьев и сестёр, супругов. Ведь если бы все защищали тех кого они знают и любят, то не прокатилась бы такая волна беззаконий по всей стране... А. Т. Твардовский обиженно и молча вышел из-за стола и покинул дружеское застолье... У него были арестованы и отец, и старший брат...

Может памятуя эту встречу, Твардовский первый из писателей встал на защиту Парниса. В разгар гонений на опального поэта, Твардовский открывает 9 но-

мер журнала «Новый мир» в 1960 году пьесой Парниса «Остров Афродиты»... Вообще пьесы редко печатались в литературных журналах, тем более никогда не открывали номер ...

А потом – при поддержке Бориса Полевого – эта пьеса попадает окольными путями в руки народной артистки СССР легендарной Веры Пашенной и с её участием имеет оглушительную премьеру на сцене Малого Театра в Москве. А потом – в 1962 году выдерживает около 6 тысяч постановок в 171 театре страны – до сих пор непревзойдённый результат...

В этом же триумфальном для него году Парнис покинет СССР и вернётся в Грецию...

Несмотря на свои 98 лет Алексис и сейчас полон творческих планов – переводит на греческий А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, М. И. Цветаеву, А. А. Ахматову и других русских поэтов. Недавно в Афинах вышла его книга «Русский Парнас» – переводы русских поэтов на греческий язык, ставшая событием в литературной жизни России и Греции. Недавно закончил перевод Василия Тёркина – главного произведения своего старшего друга Александра Твардовского.

Справедливо, что эта книга всё-таки увидела свет и попала в руки читателю – пусть и почти после 60-летнего перерыва. Необходимо отметить также, что переводы стихов выполнены выдающимися русскими поэтами: Михаилом Светловым, Евгением Винокуровым, Борисом Слуцким, Леонидом Мартыновым, Константином Ваншенкиным, Робертом Рождественским, что делает это издание значимым событием в жизни русской поэзии.

Дмитрий Мизгулин

ПИРЕЙСКОЕ
РОДНОЕ

ПУТЬ

Зовущие, манящие
Кораблики звенящие,
Бегущие весной
По глади голубой...

Ещё томясь в тумане, я
О вас мечтал заранее;
О вас я видел сны,
Дни голубой весны.

Так долго вас не видя, жил,
Немало зим я выдюжил.
Пришёл желанный миг,
А я грести отвык!

Хоть руки и развязаны —
Не двинутся сейчас они;
Заржавел остов мой,
Бездействуя зимой.

И вот, за изучение
Алфавита движения
Берусь: авось прочту
Я старую мечту!

И снова мачты ставятся,
 Чтоб снова в путь отправиться,
 Чтоб снова корабли
 Ахеяне сожгли.

Эй, чёрные грабители,
 Опять не захотите ли,
 Чтоб снова, как Тантал,
 В отчаянье я впал?

Нет! Дни мои суровые,
 А мускулы – здоровые;
 В густом лесу рублю
 Я мачты кораблю.

И, в даль маня весеннюю,
 Сверкает в отдалении,
 Не старясь никогда,
 Мечты моей звезда

И никуда не денется,
 Огнём рассвета сменится.
 Так помоги, заря,
 Поднять мне якоря.

Зовущие, манящие
 Кораблики звенящие
 Отправились весной
 По глади голубой.

ПИРЕЙСКАЯ КАНТАТА

I

Кантата порт-пирейская,
Стаканов звон и струн
И пляжи фалирейские,
Места, где был я юн!

Стиха стихия вечная,
Наставница моя,
Созвучий первой грамоте
С тобой учился я!

Поэзия – мудрейшее
Из всех земных морей!
Немало вёсел сломано
В твоих волнах, Пирей.

Играли ветры книгою
Небесно-голубой,
Где белою обложкою
Кипит морской прибой.

II

На белых стенах в сумраке
Знак ставила луна,
Как мелом пишут юноши
Любимых имена.

Забрызгали, как известью,
Нас лунные лучи —
Многоэтажник радости
Мы строили в ночи.

Вот так мне вспоминаются
Былые времена,
И поцелуи первые,
И девушка одна.

Ведь подарили ритмами,
Просящимися в стих,
Её шаги, звучавшие
На улицах родных.

Всё обретало значимость:
Её красую горд,
Вдруг океаном делался
Пирейский тихий порт.

Механики и грузчики,
Дробители камней
Бросали труд, чтоб ласково
Сказать словечко ей.

И комплименты сыпали
Они наперебой:
Мол, камень осчастливила
Ты лёгкою стопой!

А ты? Ты — ноль внимания!
И люди там и тут,
Оставив воздыхания,
Опять брались за труд.

И был бы нестерпимым он,
Труда солёный пот,
Когда б в Пирее не было
Таких, как ты, красот.

III

Рассветные, закатные
Приходят корабли.
Они не контрабандою
Чудес нам навезли.

К отплытью вездеходная
Готовится заря,
На праздник солнца ясного
Паломников зовя.

И ты, вкусив причастия
На празднике таком,
Окрепший возвращаешься
С закатным кораблём.

И вот перебираешься
Ты на корабль ночной,
Чтоб плыть в таверны шумные
Иль к девушке одной...

Дни – лодочки, а месяцы –
Судёнышки крупней,
А годы, точно лайнеры,
Идут через Пирей.

На некоем судёнышке
И я в свой путь пушусь,
И вновь, Пирей, когда-нибудь
К тебе я возвращусь!

Эгинских губок дайте мне
Смыть старую печаль!
Я нынче – поле майское,
Цветёт в душе миндаль!

Моя гитара щедрая,
Звени, да так сейчас,
Чтоб вместе с нами радостно
Пошли и волны в пляс!

А с ними солнце щедрое
Пришло на праздник мой,
В лоб музыканту каждому
Влепило золотой.

Я знатными персонами
Не украшал стола, –
Беспечная компания
На праздник мой пришла.

Как родичи весёлые,
Пируют здесь со мной –
Сиянье солнца майского,
И ветер, и прибой.

IV

Стиха стихия вечная,
Наставница моя,
До глубочайшей старости
С тобою буду я.

Твоею лирой буду я
И буду много лет
Пить песенными чашами
Лазурь твою и свет.

Жизнь – бденье, сон – как будто бы
Открытое окно.
Тебе пичужьим гомоном
Входить в меня дано.

Кантата порт-пирейская,
Стаканов звон и струн
И пляжи фалирейские,
Места, где был я юн!

МИНДАЛЬНЫЙ ЦВЕТ

Зима ещё бушует на излёте,
 Ещё морозы Аттику гнетут,
 А вы цветёте в поле там и тут,
 У самой пасти зверя вы цветёте,
 Весенний посылая нам привет,
 Цветы бесстрашные – миндальный цвет!

Миндальный цвет – весенняя звезда!
 Весны разведчики в одеждах снежно-белых,
 Вы, на манер парламентёров смелых,
 Взываете: «Сдавайтесь, холода,
 Сдавайтесь, тучи! Побеждает свет!»
 Вот что такое ты, миндальный цвет!

Вы – прокламации на зимних стенах рабства.
 Жандармы-ветры кинулись на вас,
 Хотят сорвать и скрыть от наших глаз,
 Но только зря придётся им стараться:
 Всё прочтено! И люди, как в ответ,
 Сердца раскрыли. Жив миндальный цвет!

Вы, белые апостолы весны,
 Стоите прямо на земле на голой,
 Подобной камер каменному полу,
 И льдистые наручники видны
 На ветках рук. Ложится иней, сед,
 Венцом терновым на миндальный цвет.

Ещё зима-палачка завывает,
 Свирепствуя в предчувствии конца,
 Старается прогрызться вам в сердца,
 А кой-кого и насмерть убивает,

Но всё равно, как будто смерти нет,
Везде, кругом кипит миндальный цвет.

На каторге морозной постарев,
Ты к праздникам весенним отцветаетешь,
Но всё-таки улыбки посылаешь
Другим цветам, листве других деревьев
С живых вершин своих преклонных лет,
О, ветеран весны, миндальный цвет!

Свой горький опыт, терпкость несозревших
Миндалин, в сердцевинках не таи!
Ведь белые миндалинки твои,
Как сотни глаз в слезах окаменевших,
Глядят и видят: выполнен обет,
Который дал ты, о миндальный цвет!

Уже не горек, сладок, сладок ты,
Когда весна, преодолев невзгоды,
Печатами на паспорте природы,
Смеясь, наставит алые цветы,
И синие, и белые им вслед,
С чего и начал ты, миндальный цвет!

Предвещающий о приближеньи
Весны, которую с надеждой ждёшь,
О, как на нашу душу ты похож,
На душу молодого поколения.
Ты щит и герб наш, символ всех побед,
Всепобеждающий миндальный цвет!

ГРЕЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР

Стон стоял четыре долгих века, —
Встал султан пятой на горло грекам...
Им — крестьянам, мастерам, матросам
Был язык Гомера незнаком,
Отвечал их взгляд немим вопросом
Всем, кто шёл к ним с этим языком.
Весь их быт не походил нисколько
На величье Греции былой.
Их страну Европа называла
Очагом, подёрнутым золой.
Даже Байрон, добрый друг, нередко
Принимался гневно их ругать:
«Вы забыли славу ваших предков,
Вы — как дети, что забыли мать!»
Стон стоял четыре долгих века, —
Жал султан пятой на горло грекам...
И они, не вытерпев, восстали;
В крики злобы превратился стон.
В крепостях захватчики дрожали.
Греки осадили Парфенон.
Задыхался враг в кольце осады,
У врага кончался пуль запас,
Звал к себе повстанцев храм Паллады.
Приближался штурм грозный час.

Иностранцы вытирали слёзы:
«Греки, перед вами к славе путь!»
Но крестьяне, мастера, матросы
Не были горды собой ничуть.
Чистили оружие и одежду
И держались с прежней простотой.

Иностранцы хмурились: «Невежды!..
Храм Паллады — звук для них пустой».

Час назначен штурма Парфенона.
Брань внезапно лагерь потрясла:
«Эй, смотрите, там дробят колонну,
Уничтожить храм хотят дотла!»
Загремели голоса прибором:
«Псы, зачем ломаете вы храм?» —
«Прочь, гяуры, — враг ответил воем, —
Здесь свинец, для боя нужный нам!»

Застонал, как пленник в заточенье,
Величавый древний Парфенон,
Сам погибнув, гибель и мученье
Принести повстанцам должен он.
«Слышат ли они? Ужель не в силе
Услыхать мольбу колонн и плит?
Если речь отцов своих забыли,
Разве в жилах кровь не говорит?»

Но они стоят, храня молчанье,
И на чудо белое глядят,
И, быть может, от его сиянья
Застилает влага гневный взгляд.

Помолчали... Тяжело вздохнули.
Сами привезли свинец врагам:
«Нате вам, для нас готовьте пули,
Но не смейте трогать этот храм!»

Вот характер моего народа,
 С детства унаследованный мной!
 Тем, кто предал нас вчера и продал,
 Я кричу, как сын земли родной:
 «Из ошибок наших вы, ликуя,
 Льёте пули, чтобы нас убить.
 Есть ещё ошибки, и могу я,
 Если надо, вам их подарить.
 Ошибались мы, само собою,
 Ошибались мы десятки раз.
 Все ошибки нате вам, для боя,
 Пополняйте чёрных пуль запас.
 Но не троньте памяти героев,
 Дней Сопrotивления борцов!
 Не касайтесь храма, что построен
 На бессмертном прахе храбрецов!»

ИММИТОС³

Рассвет, рассвет,
 Всегда встаёт он первым,
 Чтоб отшвырнуть твои остатки, ночь,
 Как мастер верфи, что движеньем верным
 Подпорки корабля отбрасывает прочь.

И солнце новое
 Над блеском водным
 Скользит в просторе голубом,
 Чтоб снова плаванье начать свободным,
 Как будто вовсе новым, кораблём.

ПЕНТЕЛИ⁴

Гора, в твоей голубизне
 Вскипает мрамор белой пеной,
 Как будто посреди Вселенной
 Воздвигнуть памятник волне
 Сама природа пожелала
 И, словно Фидий, изваяла
 Неповторимый образ твой,
 Эгейскую волну поставив
 Натурщицей перед собой.

³ Гора в Афинах, из-за которой всходит солнце.

⁴ Гора в Афинах, где добывали мрамор для постройки Парфенона.

ТВОРЦЫ

Дети перелистывали время, как букварь,
 Доводили гомоном улицу до одури
 И весёлой стайкой выбегали на бульвар,
 Где отцы и братья в мастерских работали.

Кузнецы, сапожники... Подростки, старики.
 Никакого отдыха – вечное движенье, –
 Ножницы мелькали, стучали молотки,
 Храм труда свершал своё богослуженье.

Как они работали, скромные всегда!
 С детских лет придавлены нуждою бесконечною!
 Разговор наивный, жалоб – ни следа,
 Лишь одна работа – с рассвета и до вечера.

На них смотрел я долго и не понимал,
 Что вместе с этим деревом, железом и глазурью
 Мою лепили душу, ковали, как металл,
 Чтоб горю не сдавалась и выдержала бурю.

ИСТОРИЯ С СОБАКОЙ

По улице зимней
 С рассветом, в клочьях тумана,
 Бредут безработные мимо последних огней.
 Озябшие руки
 Засунут в пустые карманы
 И выдернут сразу:
 В карманах ещё холодней.

Дорога ведёт их к фабричным воротам,
 И сторож встречает ругательством длинным,
 И лавочник бдительно смотрит им в спины,
 И всё они бродят,
 Всё ищут чего-то,
 Какого-то дела, подобия дела,
 Чего-то такого, чтоб руки согрело:
 То палку строгают, — ведь всё же работа, —
 То палку строгают,
 То леску сплетают
 И зимнее утро тихонько ругают..

Но как-то, —
 С неделю тому назад, —
 Собака им встретилась на перекрёстке;
 У неё был не слишком доверчивый взгляд
 И шрам за ухом от камня острого,
 Но эти люди ей были сродни:
 Она бездомной стала в те дни
 И жила по-собачьи,
 Как и они.

И люди стали собаку ласкать.
 И стали, мальчишкам на удивление,

Учить «служить»,
 Кепку таскать,
 Лапу давать,
 Палку носить,
 Еды не просить, –
 Ну, словом, хорошему поведению.
 И она полюбила их, как могла,
 И по утрам
 На углу ждала.

И среди взглядов холодных, чужих
 И зимних ветров косых
 Мокрый и тёплый собачий язык
 Рук их касался, озябших рук,
 И стало жить им немного теплей
 Вдруг.

Но однажды, лаем будя дома,
 Пришёл собачий фургон-тюрьма,
 Пришёл неожиданный, как судьба.
 Бессмысленна борьба:
 Вышел мундир,
 Жёлтый, как смерть,
 И на собаку набросил сеть,
 И подбежали её друзья.
 Но жёлтый мундир сказал: – Нельзя!
 Штраф! – жёлтый мундир сказал. –
 Кто хозяин? Кто будет платить?! –
 Текла из собачьего глаза слеза,
 Тоненькая, как нить...
 – Так кто же хозяин? –
 Но люди молчат.
 Молчат, опустив глаза.

В утробе фургона собаки рычат.
 А эта скулит и виляет хвостом,
 Как будто хочет сказать о том,
 Что хозяева есть,
 Что хозяева здесь,
 Что её забирать нельзя.
 Но люди молчат,
 Их взгляды горьки,
 И только смотрят в собачьи зрачки,
 В которых смогли уместиться
 Полные нечеловечьей тоски
 Их человечесьи лица.

Фургон укатил...
 Продолжают стоять...
 Смотрят на угол: собака, вот тут
 Встречала их столько дней...
 Руки в пустые карманы суют
 И сразу выдёргивают опять:
 Там холод ещё сильнее!

ЖЕЛАНИЕ

В одних стихах – всё розово,
 Спокойно всё и нежно.
 С зарёю так по озеру
 Плывёшь себе неспешно.

В других – есть солнце доброе
 И слышен звон капели,
 Как будто в книжке собраны
 Все марты и апрели.

А третьи, смотришь, – грустные,
 Исполнены печали.
 А те прочтёшь – почувствуешь
 Вдруг крылья за плечами!

А пятые – неласковы,
 Спартанцы и аскеты.
 И есть ещё кабацкие,
 Заблудшие поэты.

Пускай шумят, волнуются
 Мои стихотворенья,
 Похожие на улицы
 Родимого Пирея.

И чтоб собой напомним
 Наш порт с причалом главным,
 Чтоб души всем наполнили
 И мятою, и лавром.

Как мол Кшавери, дымными
 Мне видеть их хотелось,
 Как Терпсифеа – дивными,
 Где о любви мне пелось.

Пусть тот, кому достанется
 Прочеть стихотворенья,
 Как будто прогуляется
 По улицам Пирея,

По Какиняс, Эгáлео,
 Где люди терпят муки,
 Где капиталы – малые,
 Зато надёжны руки!

Рабочая, особая
 Душа у этих улиц!
 Она вскипает злобою,
 Дворцам не повинуйсь.

Костром горит, угрозю,
 Как самый веский довод!
 История амброзию
 На нём, как мать, готовит!

МАЙСКОЕ УТРО

Трава как море – за волной волна
 Бушует, маки алые вздымая,
 Как будто это бакены весна
 Зажгла навстречу паруснику мая.

ЛИХОРАДКА

Отца измучила тоска,
 Как лихорадка злая.
 И это я издалека
 По письмам замечаю.

Вот здесь кривые строчки вниз
 Сползают безутешно,
 А здесь внезапно поднялись,
 Но тоже безнадежно.

И мечутся упрямою
 Больничной диаграммою.

Так тянется не первый год...
 Болезнь неизличима.
 Её лишь мой приезд убьёт
 Или его кончина.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, МОЯ ЗЕМЛЯ!

*Побывав в Афинах, поэт Сергей Смирнов
Привёз мне горсть родной земли.*

Добро пожаловать, моя земля!

Вдыхаю снова

Афинский запах твой,

Держу тебя в руке.

Читаю вновь тоску о днях Дождя Большого

На сухости твоей, на камне, на песке.

Я узнаю тебя –

Твой вкус, твой цвет.

Сквозь чуждые моря прошла – не изменилась.

– Пусть ветер дул чужой, – ты говоришь в ответ, –

На русском сердце я покоилась, хранилась.

И умолкаешь вдруг. И смотришь, чуть грустна,

С вопросом, мне в глаза...

– Нет, нет! К чему тревога?

Родная лира – ты, а я – твоя струна.

Не сделала другим меня моя дорога.

Я словно чуткий грот в береговой скале,

Чей голос – эхо твоего прибоя.

Как стрелка компаса, в любой дали и мгле

Перо моё к тебе обращено – тобою.

На плечи горе мне (чтоб стал я слаб и тих)

Не пало камнем,

крыльев в пыль не затоптало.

Пусть Граммоса загар сошёл со щёк моих

Душа моя в пути его не потеряла.

Нет, не менял я дум и песен никогда,
 Мой греческий огонь ветра не угасили.
 Ведь был и я согрет в нелёгкие года
 У сердца понимающей России.

ОЖИДАНИЕ

Давно ждут в Фалиро⁵ тебя твои сестрёнки-лодки
 И то всплывают на волне, то замирают кротко.
 Как дети, что к своим отцам вскарабкались на плечи,
 Они глядят: быть может, ты идёшь к ним издалече.

ИГРЫ

Возле скал твои играют дети,
 Белые пускают корабли.
 Только жаль: далеки скалы эти
 От родной земли.

Но приказывают дети храбро:
 – Не тони, кораблик белый мой,
 Приплыви, пожалуйста, кораблик,
 В Грецию, домой!

И припоминаешь, что когда-то
 У далёких, у Эгейских скал,
 Так же, как сейчас твои ребята,
 Корабли пускал.

⁵ Залив в Эгейском море.

И, пуская, говорил, чтоб плыли
Белые бумажные суда
В Аргентину, в Перу или в Чили,
Бог знает – куда.

Та мечта неясная – отныне
Стала явью самую земной.
Только поседел ты на чужбине,
Как земля – зимой.

Ты мечтал тогда о целом свете,
И твоя мечта была слепа.
Но о родине мечтают дети,
И прекрасна будет их судьба!

ОДИССЕЯ

Мы родину покинули,
Любимую страну,
Свели нас с Адриатикой
Пути-дороги дальние,
И там с тоской мы вспомнили
Эгейскую волну –
Всех в мире волн прекраснее,
Синей, сильнее, печальнее.

Когда ветра альпийские
Бряцали сотней струн,
Олимпа ветер ласковый
С волненьем вспоминали мы:
Он арфу сердца бережно
Чуть тронет, свеж и юн, –

И словно вмиг растаяли
Все горести с печальями.

Во фьордах солнце — бледное,
Как губы старика.
На юге солнце — сладкое,
Целует одалискою.
И только солнце родины —
Как нежная рука,
Как ласка материнская,
Душевное и близкое.

Заморского вина
Немало нами выпито.
В любом глотке — забвение,
Весь мир в тумане кружится...
А пьёшь «рецину» добрую —
И жизнь ясней видна,
Как будто в собутельники
Ты к солнцу зван по-дружески.

Надеждами влекомые,
Как табуны коней,
Таланты наши мчались
В Техас, в луга богатые, —
И поняли: привольнее
И во сто крат милей
Пахать в горах на родине,
Где травы пахнут мятою...

Мы, первооткрыватели,
Плывём на край земли.
Печатью Одиссеевой
Судьба наша украшена.

И там, под небом тропиков
 И в северной дали,
 Мы открываем Грецию,
 Святыню сердца нашего!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Причалил к берегу изгнанья
 Корабль из Греции на днях.
 Стоит, и облаком седым
 Из труб его клубится дым.
 Как площадь в праздничных огнях,
 Душа раскрылась перед ним.

О дым отечества, устал
 Ты ждать отверженного, что ли,
 И сам отправился к нему,
 Чтоб разыскать его сквозь тьму,
 Найти и крикнуть: «Хватит боли,
 Вернись, все ждут в родном дому!»

An abstract painting in shades of blue, white, and brown. It features a classical column with a scroll capital in the center, a fish in the lower left, and a white circle in the upper right. The background is composed of various geometric shapes and brushstrokes.

КРАСАВИЦА
НА МОРСКОМ
БЕРЕГУ

КРАСАВИЦА НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

О, крепость юности!
 Взгляд светел и глубок.
 Уверен я, что создал это тело
 Не в день шестой
 От дел уставший бог,
 А в первый день —
 Восторженно и смело.

Ещё и глины даже не создав,
 Он сотворил в восторге
 Тело это
 Одним рывком, велик и величав,
 Из мудрого раздумия и света.

Заря, соперница её, как медь красна,
 И всё же перед ней
 Бледнеет поневоле.
 И, зная то, смущается она,
 И это её красит ещё боле.

Она снимает платье.
 Напряжён
 Прекрасный стан...
 Как лезвие кинжала,

Что медленно выходит из ножен,
Она, робея, тело обнажала.

Как исповедь —
Открыта и чиста!..
Лишь в огненные волосы одета,
Как памятник
В простом куске холста...
О, ветру разреши сорвать и это!

Мир ожидает, оробев слегка.
Ни одного вокруг
Чужого взгляда.
А солнце, а над морем облака?
Они свои —
Стесняться их не надо!

Свои и скалы сизые — вон те,
И эта чайка,
Что летит, стеной.
Ведь красота твоя
Их красоте, —
Об этом знают все! —
Сестра родная.

О, как заря завидует тебе!
Она с минутой каждой всё багровой,
Как губы,
Что в мучительной борьбе,
От зависти прикушены
До крови.

...На море зыбь,
Но высота ясна.

Откуда зыбь в спокойную погоду?
 То дрожь свою передала она,
 Когда вошла, поёживаясь,
 В воду.

О, как идёт морская пена к ней!
 И кажется,
 Уже слетелись в гости,
 Воркуя, сотни тысяч голубей
 И с шумом белых крыл
 Клюют из горсти.

В трепещущих
 Хитонах голубых
 Она стоит под небом,
 Молодая,
 А ветер разрывает в клочья их,
 От гневной ярости
 Рыдая.

Стареет день,
 Но весела она.
 Ну что же,
 Если близок час заката?
 Что время ей!
 Прекрасна и юна,
 Она смеётся, радостью объята.

Она выходит,
 Гордая собой,
 И вот сейчас,
 Стряхнув морскую пену,
 Сошедшая с арены голубой,

Взойдёт
На повседневности арену.

Когда полнеба озарит закат,
Чтоб любоваться
Гребнями цветными,
На берег моря люди зашпешат:
Она в тот вечер,
Будет вместе с ними.

Пожар! Пожар!
Горят остатки дня!
В пылающее платье одета,
Она глядит на пламя,
Заслоня
Ладонями глаза свои
От света.

Насколько всё же
Женщиной была
Она и в этот миг!
Забыв про жалость,
На похороны весело пришла
Соперницы своей –
Не удержалась!

Немало дней,
Что угасают без следа,
Она, смеясь, проводит,
Но когда-то
Наступит грозный день,
И вот тогда
Он посмеётся...
Близится расплата!

Но пусть же он приходит!
 Будет горд
 Лик этой женщины
 И за могилой...
 Ну что такое дни?
 Ведь красота падёт
 Лишь перед их числом, —
 Не перед грубой силой.

ПЕСЕНКА

Из узкого, как щель, оконца
 Я вижу лишь толпу людей
 На шумной улице моей,

Полоску моря в стружках солнца,
 Клочок платановой листвы,
 Кусок небесной синевы.

Когда ж по улице проходит
 Та, чью улыбку я ловлю,
 Та девушка, что я люблю,

Тогда из моего окна
 Мне вся Вселенная видна.

УТРЕННИЙ СОНЕТ

Свидания ночами у залива,
 За скалами, подальше от людей...
 Она была как самый ясный день,
 Что сохранился на земле счастливо.

Легко жилось нам, семнадцатилетним.
 Счастливые, прощались на заре.
 Соседки сплетничали во дворе,
 А матери, прислушиваясь к сплетням,

Потом в сердцах отчитывали нас:
 – Ночь напролёт мы не смыкаем глаз!

Какая ночь? Понять нам было трудно.
 Мы думали: на свете ночи нет.
 Тогда нам было по семнадцать лет
 И жизнь была – одно сплошное утро.

НАША ПОДРУГА

Ты и я.
 И среди нас любовь,
 Как подруга, преданная верно, –
 Свет наш общий, бьющий вновь и вновь,
 Тень, что тоже общая, наверно.
 То ли мы с собой её ведём,
 То ли нас ведёт она с собою.
 Госпожой порой её зовём,
 А порой зовём её рабою,
 Богом, чёртом.

Тлеет в ней огонь.
 Иногда она, не зная страха,
 По земле летит, как резвый конь,
 Иногда ползёт, как черепаха.
 По земным путям бежит она,
 Мы в смятенье гонимся за нею:
 – Ты виновен! – Нет, твоя вина!
 Ссора разгорается сильнее.
 И когда мы думаем: «Конец!»,
 Прежние укоры повторяя,
 Вновь она касается сердец,
 Нас своим приходом примиряя.

ЦЕРКОВУШКА

И снова на пригорок к церковушке
 Идут старушки, чтоб зажечь лампадки,
 И девушку ведут старушки,
 Ту самую, чьи губы сладки,
 А стан – стройнее кипариса,
 А грудь упруга, как морские воды.

На эту девушку не нагладишься.
 Как будто мать её – сама природа,
 А не угрюмая крестьянка эта,
 Которая за девушкой шагает
 И всё ворчит, что я, мол, близко где-то,
 Всё дочку от меня оберегает.

Ну ладно, перестань ворчать, старушка,
 Так злобно поносить меня не надо.
 Пора понять: я тоже церковушка,

В которой следует зажечь лампаду.
 Я – мученик, бессонницей запытан,
 Жгуч пламень страсти, бич желанья хлёсток,
 Твои слова гвоздям подобны, вбитым
 В мой крест, вот в этот самый перекрёсток,
 С которого я слышу постоянно,
 Что дочку за помещика ты выдашь!

Тебя ни в чём я убеждать не стану,
 Но не позволю – это ты увидишь! –
 Чтоб ясный день попал в объятия ночи.

Тебе я говорю: мы с нею вместе будем,
 Зажгутся для меня ласкающие очи,
 Воскресну, мученик, чтоб жить, как должно
 людям!

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Бескрылый полдень. Нет движенья
 В покое неба и земли.
 Под густолиственную сенью
 Жнецы устало прилегли.

Бастуют ветры. Замолчали
 Станки деревьев вековых.
 Крестьяне спят: они устали,
 На солнце разморило их.

Спят девушки, раскрыв объятия,
 Над ними дремлет синева,

И лишь порою ворот платья
Во сне колышется едва,

Как будто ветры всех побережий
Туда укрылись отдохнуть,
Чтоб их груди коснуться свежей
И бодро устремиться в путь.

БЕЛОЕ И ЧЁРНОЕ

Печаль утрат... Казалось, сердце стало
Потухшим факелом, афинскою ладьёй,
Что парус траурный домой несёт устало,
Миносов Крит оставив за кормой.

Но с классною доской сегодня смело
Сравню я сердце. После лет тоски
Я светом дня, как белоснежным мелом,
Пишу: «Люблю» по черноте доски.

Жизнь, как художник, долгими годами
Сгущала чёрный фон, свой замысел тая:
Чтоб белизны твоей на нём взметнулось пламя,
Мой лучезарный день — любовь моя.

ЛЮБОВЬ

Сначала она была как река.
Горная, бешеная вода, —
которая в движенье всегда,
которая мчится, плюя свысока
на сплетни возвышенных берегов.

Она была молнией из облаков!
Серебряной молнией, злой и прекрасной, —
которая времени не подвластна.

Ровной она не была никогда,
и равнодушной она не была, —
эта пенящаяся вода.

Даже на миг разрешить не могла
никому отразиться в стекле реки.
Не признавала она ничего!
Седые обычаи мира сего
с гневом она рвала на куски.
Сразу!..

Точно также, наверно,
рвёт водопад, что с горы несётся,
круглое изображение солнца,
которое слишком в себе уверено...

Потом она пониже спустилась.
Покинула горы. Стала другою.
В медленную дорогу пустилась,
стала широкой, зрелой рекою.
Со своими соседями очень ровно
переговаривается река.

Теперь отражаются в ней подробно
солнце, деревья и облака.
Теперь уж нарушить она не решается
традиций, которые в ней отражаются...

Правда, случается иногда:
молодость вспоминает вода.
Бунтует взволнованная вода!
Страшно плыть по реке тогда.
Она швыряет на грудь земли
спокойные, грузные корабли,
которые несла неизменно,
как обязанности семейные...

Течёт река, раздвигая просторы.
Но вот уже тот поворот, за которым
печальной становится навсегда
медленная вода.
Она не гордится своею красою.
Ветер здесь пахнет рыбой и солью.
Чайки проносятся над волною, —
над белою сединою...

И вот уж подходит издалека
к морю — к концу своему — река...

К нему она подойдёт присмирив,
У его берегов укротит свой гнев.
Потом в солёной пустыне растает, —
Воспоминанием станет...

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Напрасно осаждаю
 Твой дом я издавна:
 Доподлинно троянским
 Упорством ты полна.

Но всё ж взяла ты книгу
 Стихов моих, и вот
 Поэзия проникла
 Через запретный вход.

И с улицы я вижу:
 Ты за столом сидишь,
 На моего Пегаса
 С тоскою ты глядишь.

Пегас? В твоей квартире
 Стоит троянский конь,
 И жду я с нетерпением:
 А ну-ка, книгу тронь.

Чтоб вышли из засады
 Стихи-богатыри
 И замкнутые двери
 Открыли изнутри!

ГОРДОЕ ЧУВСТВО

Чувство моё вчерашнее,
 Верное, как колонна.
 Крышу моей души
 Ты несло непреклонно.
 Чувство моё бесстрашное,
 Как с тобой быть, скажи?

Подошла к тебе старость,
 И молодых зубов
 У тебя не осталось
 Не по тебе — любовь.
 Вижу, что ты оглохло,
 Часто тебя ловлю,
 Что различаешь плохо
 Слово одно — «люблю».

Выпала львиная грива...
 Но ты покуда — лев!
 И не глядишь тоскливо,
 Сникнув и присмирив.
 И в стариковском взоре
 Не замечаю горя.

Чувство моё вчерашнее!
 Видишь: твой трон отныне
 Заняли чувства разные,
 Новые, молодые.
 Что же тебе осталось?
 Как тебе дальше быть?

Псом, вызывая жалость,
 Возле калитки выть?
 Или сойдёшь ты гордое.
 Боль от всех утая,
 Дерзко откинув голову,
 В лоно небытия?

Ты уходи без ревности,
 Горечи и тоски,
 Словно спартанцы древности,
 Строгие старики.
 Если их кудри белели,
 Если их руки слабели
 Так, что ни меч, ни мотыгу
 Не поднять человеку, –
 Смело, без плача, без крику,
 Выстроившись в шеренгу,
 Молча прощались с городом
 И, точно в бой когда-то,
 С воинской песней гордою
 Шли бросаться в Кеаду!⁶

ПОДСОЛНУХ

Налево лес, направо – речка вьётся,
 Тут птиц полно, а там полно стрекоз,
 Но взор подсолнух обращает к солнцу.
 Хозяину в глаза так смотрит пёс.

⁶ Пропасть, в которую бросались старики Спарты, когда уже не могли носить оружие.

Бредёт за солнцем целый день подсолнух.
 Когда ж оно уходит почивать,
 Он остаётся сторожем бессонным,
 Чтобы с утра всё повторить опять.

.....
 Он и она, взглянувши на подсолнух,
 Прощаются. Пусть хорошо любить,
 Но каждый быть желает только солнцем,
 Подсолнухом никто не хочет быть.

КАЛИПСО

Глядит на Одиссея Калипсо,
 На смертного бессмертная взирает.
 Как жертвенник любви, его лицо
 Её сжигает всю и воскрешает.

Подвластны всюду смертные богам.
 Так что ж такое приключилось ныне:
 Склонилась к Одиссеевым ногам,
 Как женщина влюблённая, богиня.

И вот она скитальца вводит в грот,
 Пусть отдохнёт, забудет все лишенья...
 Подумать только: этот дивный плод
 Ей подарило кораблекрушение!

Не боги, не всесильный Зевс-отец
 (Таких плодов в садах Олимпа нету!),
 А море, море, как огромный жнец,
 Собрало дар прекраснейшего лета!

И Калипсо от человеческих рук
 То плачет, то смеётся... И неожиданно
 Её «люблю» в чаду любовных мук
 Звучит то грохотанием вулкана,

То шёпотом мирского очага...
 Она прекрасна в нежности и злобе.
 Пьян Одиссей. Но жжёт его тоска
 По родине, по милой Пенелопе.

А нимфа шепчет: – Снова загрустил?
 Ты дом родной не вспоминай отныне.
 Ты смертный. У тебя не хватит сил
 Противоборствовать богине!

Ты корнем будешь. Буду я листвою.
 И пусть тебе не грежится свобода.
 Ты одинок. Кто встанет за тобой?
 За мною встанут боги и природа!

Не убегай. Я тотчас изловлю.
 Поверь, добра из этого не выйдет.
 Как женщина, сейчас тебя люблю,
 Но как богиня, буду ненавидеть.

Спокойно отвечает Одиссей:
 – Ну, что ж, богиня, рассердись, попробуй!
 Ты многих женщин на земле сильнее,
 А всё-таки не сладишь с Пенелопой.

С тобою Зевс и всех богов семья,
 С тобой в союзе буря, гром и ветер,
 Но с Пенелопой родина моя,
 А родина сильнее всех на свете!

С ней моря моего голубизна...
 Так что мне бури, и ветра, и боги,
 Коль Пенелопа поразить вольна
 Всех тех, кто станет на моей дороге.

ПИГМАЛИОН

Она во сне ко мне приходит, —
 та женщина, которую я создал
 в своём воображении, смешав
 в квашне огромной времени
 свет и надежду.

Она всегда одета в белый
 хитон мечты. Её босые ноги
 ещё не трогали земных дорог
 и волосы ещё не развевал,
 суровый ветер жизни.
 Она всегда является бесшумно
 из тёмных коридоров сна,
 из катакомб молчанья.
 С её приходом исчезают
 кошмары, как побитые собаки,
 как демоны при появлении бога.

Она как светлая заря,
 которую привозит ночь
 в своей бесшумной колеснице,
 нетерпеливо погоняя
 часы — своих арабских лошадей.

Она как песня,
 которую на крыльях мне приносит
 молчание.
 Она, как Афродита,
 встаёт из волн бесшумных сна.

И сердце вдруг становится дворцом,
 чтобы она вошла туда, как королева.
 То бедным шалашом становится,
 и вот,
 она, как возвратившаяся с поля
 крестьянка, отдыхает там со мной.

Но тихим озером становится вдруг сердце,
 и она
 в нём отражается, как дальняя звезда.
 А сердце стало веткой и она
 цветок на ней.

И, взявшись за руки,
 мы поднимаемся на Эверест любви,
 как пилигримы входим в белый храм,
 и вот уже
 бог высоты благословляет нас.

Спускаемся в подводные пещеры,
 где сталактиты, как огромные органы,
 стократно повторяют
 наше тихое «люблю»;
 они то шёпот наш берут,
 то возвращают нам же
 уже наши звуки многоголосым хором
 с многообразьем вариаций.

И вот бежим мы к Ниагаре
и смотрим, как падает она
к ногам любви необычайной нашей.
Как правоверный,
не потеряв при этом
ни капли гордости своей.

Мы с каравеллами Колумба
плывём навстречу
шестому континенту:
счастью.

Мы совершаем кругосветный путь,
следуя за параллелью
любви.

И каждую зарю
встречаем криками восторга,
как первобытный человек, который
приветствовал открытие огня.

Так я встречаюсь с ней ночами,
с прекрасной женщиной моей мечты.
Она красива,
неисчерпаемая, как природа,
свои скрывающая тайны.
И взор её простой, знакомый,
как день сегодняшней.
Загадочный, как завтра.
Она как радуга на небесах
моей души,
как радуга, что обещает
безоблачные времена.

Её походке, стати
идут одежды всех времён.
Все песни мира
подходят голосу её.
И мира легкие сандалии
и сапоги походов её ногам подходят.
Но к сердцу
подходит сердце лишь одно —
моё.

Здесь — дом её родной, и колыбель,
здесь имя получила в первый раз:
Мечта.

Её я спрашиваю часто:
когда же час придёт
нам в жизни встретиться, под солнцем,
под взглядами людей,
когда Мечту заменит Явь?
— О, это будет скоро, — говорит она, —
Я появлюсь перед тобою,
как трава,
которая взяла так много силы
в гостеприимной темноте земли,
чтоб прыгнуть к солнцу..
И вот, как обещала, предо мною
сегодня женщина моей мечты явилась.
Из тысячи её бы мог узнать я.
Так, как солдат своё узнает знамя
из тысячи других знамён.
Так, как матрос узнает свой корабль
из тысячи других.
Она с небес мечты
на землю опустилась, как Христос,

чтобы спасти меня
от одиночества...

Да, то была она!
Она явилась, оставляя за собой
туман афинского заката,
как будто это был её хитон вчерашний,
который сбросила она,
чтобы надеть простое
земное платье.

Как быстро эта женщина привыкла
ходить среди людей
по тротуарам пыльным,
и это та, что до сих пор витала
лишь только в облаках фантазии моей!
Как быстро подружилась с солнцем,
а знала только ночь.

На перекрёстке
две наши группы встретились.
И кто-то вдруг сказал мне:
– Познакомьтесь.
И странно, женщина мечты даёт мне руку,
как будто видит в первый раз меня.
А, понимаю! Ты не хочешь,
Чтоб эти люди знали, что с тобою
мы старые знакомые.
Я понимаю, почему так равнодушно
ты смотришь на меня,
любимая...

Играй же роль свою,
 ты хорошо скрываешь нашу Тайну.
 Пусть будет так, как хочешь ты,
 пусть думают, что мы с тобой впервые
 здесь встретились, забудем оба,
 что перед тем, как сделать первые шаги
 под солнцем, по земле, тебя я встретил
 во сне моём, на родине твоей.

Забудем это.
 И скажем,
 что ты ходишь двадцать лет
 под солнцем, по земле,
 и лишь сегодня
 ты делаешь свой первый шаг в любви.

Нет, мы себя не выдадим ничем.
 Я вижу, как ты хмуришь брови,
 как собираются они
 взлететь, как молнии,
 когда в своей руке твою сжимаю руку.
 Ты хорошо свою играешь роль.
 Пусть эти люди не узнают никогда,
 что я люблю тебя давно,
 пусть не узнают,
 что день сегодняшний —
 лишь мост, который переправил
 Тебя
 с туманных берегов Мечты
 на берег жизни.

ПОСТАРЕВШАЯ КРАСАВИЦА

Стёрлись тонкие черты.
 От вчерашней красоты
 Лишь остались фотографии да записки волокит.
 Эти слепки с биографии бережно она хранит
 И без устали показывает,
 И о юности рассказывает...

(Так певец, давно осипший,
 Тычет вам в лицо афиши
 И газеты давних лет.
 Отгремела, сникла слава,
 И в неё поверишь слабо:
 Голоса в помине нет...)

Женщине другой не нужно
 Снимки старые беречь;
 Улыбнётся простодушно,
 Коль зайдёт о прошлом речь,
 И на дочь свою покажет:
 – Хороша собою дочь! –
 И с лукавой грустью скажет:
 – Я была такой точь-в-точь!

А у этой – дочек нету.
 Блекнут давние портреты...
 Вот и бегают она
 К фоторетушёрам тихим,
 Как в былые времена –
 К маникюршам и портнихам.

Одинокая, весь день
 Бродит в комнате, как тень,
 Избегает сквозняка и не поднимает шторы,
 Прячется вроде должника, что боится кредитора.

Жизнь ей в долг красу дала,
 Не напрасно прождала,
 Чтобы долг ей возвратила,
 Чтобы дочку родила
 Или сына подарила.

И не раз стучалась в дверь,
 Говорила: — Вы поймите...
 Женщина не отвечала.
 Годы шли. И вот теперь,
 Как судебный исполнитель,
 Появилась старость.

И, явив могущество, женщину ославила,
 Вывезла имущество, карточки оставила.
 Ненужные как керенки, стоят они, висят...
 И женщина потерянный на них бросает взгляд.

В глазах изобразив мольбу,
 Заглядывает в зеркало,
 Но ей в ответ: Свою судьбу
 Сама ты исковеркала!

Всё сникло, кануло зазря,
 И зря сегодня тужишь,
 Что синих глаз твоих моря
 Бесцветны, словно лужи.

И тела твоего ладья,
 Как после шторма, смята,
 У берега заката
 Лежит... А грудь твоя,
 Высокая и гордая,
 Что так была прекрасна,
 Поникла, словно головы
 Приговорённых к казни.
 — Ты опоздала! Опоздала! —
 В воде и в хлебе это слышит
 И в воздухе, которым дышит.
 — Ты опоздала! Опоздала! —
 Кричат ей тыщи голосов.

И даже маятник часов
 Кричит о том со всеми прочими...
 И эта времени рука,
 Что так вчера была легка,
 Сегодня ей даёт пощёчины.

An abstract painting featuring a central lyre instrument. The lyre is rendered in dark brown tones and is set against a textured, yellowish-green background. The overall composition is a collage of various colors and shapes, including blues, purples, pinks, and greens, with visible brushstrokes and a layered, collage-like appearance. A semi-transparent brown rectangle is overlaid on the center of the image, containing text and a logo.

МОЯ ЛИРА

МОЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Рубцами на лицо легла война,
 Морщинами – печали и волненья.
 Но вот – глаза! Их глубина полна
 Безмерной человечностью влюблённой!
 В них – горы, травы, птицы, в них – весна,
 Готовая на добрые свершенья...
 Лицо его как эпос непреклонный,
 Глаза – лирические отступленья.

Он горе знал. Ожесточён был, юный,
 В грозу и ветер.
 В нём и сейчас всё начеку – и взгляд и руки.
 Но знаешь, муза, не смущайся этим:
 Ведь чем сильнее натянуты все струны,
 Тем тоньше и нежней бывают звуки.

ПОЭТ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Я не звезда! Огромны звёзды,
Сравниться с ними не могу.
И не планета я, а просто
Костёр на ближнем берегу.

Не ярк я, хотя и светел,
Частица общего огня.
Порой меня пригасит ветер,
Порой поднимет вновь меня.

Готовлю пищу, работяга,
Или тепло даю жилью.
Но если надо, красным стягом
На баррикадах я встаю.

И не трещу я бестолково,
Я искоркой таюсь в золе,
Покуда мне не скажут снова,
Что нужен я родной земле.

И нахожу я с каждым нужный,
Понятный для него язык.
Для матери — я сын послушный,
А для невесты — я жених.

Шли годы надо мной, бывало,
Как ветры над хребтом горы,
Как парни в ночь Иван Купалы,
Перелетавшие костры.

Бессмертие моё и счастье
 Не в птице феникс, а в ином —
 В простых соседках, что стучатся
 С утра в мой неприметный дом,

Что входят медленно и чинно,
 Надвинув чёрные платки,
 И, запалив свои лучины,
 Несут в родные очаги.

Я не поэт-звезда, я вежа,
 Что начинает звёздный путь.
 ...Когда в дороге человеку
 Необходимо отдохнуть,

Он остановится и просто
 Присядет около огня,
 А после обратится к звёздам,
 Тепла набравшись у меня.

КИНЕГИР

Тяжёлый понеся урон
 В бою при Марофоне,
 Садились персы на суда,
 Спасаясь от погони.

В тот день Кинегир, храбрый грек,
 Свершил свой подвиг трудный:
 Он, в море бросившись, схватил
 Рукой чужое судно.

Свирепый перс взмахнул мечом —
Расстался грек с рукою,
Но зубы сжал и за корму
Схватился вновь другою.

И ту срубили. Но герой
Зубами в борт вцепился
И отпустил корабль, когда
Лишь с головой простился.

...О, зря хохочете, враги!
Пускай пора иная,
Но о Кинегире сейчас
Не зря напоминаю.

Я понимаю, что борьба
Неравна и жестока,
Что, может, рук и головы
Лишусь я раньше срока.

Зато останутся стихи,
Что сочинял ночами,
А им ни головы, ни рук
Не отрубить мечами.

Когда бежать на кораблях
Задумаете подло,
Мои стихи, как храбрый грек,
Свершат такой же подвиг.

БЕРЁЗА ЕСЕНИНА

Как жену чужую, целовал берёзку.

|

Как же ты, Есенин, вдруг сказал такое,
Как свою берёзку ты назвал чужою?

Как сказать такое слово ты решился,
Ведь ещё мальчишкой с ней ты обручился?

И душой вы были неразлучно вместе,
Позабыл ты, что ли, собственные песни?

В них она сияет красотой вечной...
Разве так напишешь о случайной встречной?

Ты, как тонкий мастер, делал песни эти,
Чтоб одни, как кольца, ей одеть на ветви,

А другие были зеркалам подобны,
Где б она светилась красотой доброй.

Ты бродил порою дальними краями,
Но она, в Россию уходя корнями,

Оставалась дома на родной лужайке,
Оставалась дома, как жена-хозяйка.

Знала, что покинешь ты сады Ширази
И опять вернёшься к ней, голубоглазой.

И в слезах счастливых ты после разлуки
Ещё крепче будешь целовать ей руки,

Что зимой дрожали – мёрзли в стужу злую...
Разве так целуют женщину чужую?..

II

Ты ушёл однажды, не сдержав обиды,
Хлопнув дверью жизни, словно муж сердитый.

И она осталась на земле вдовою
И к земле склонилась низко головою.

Многие пришли к ней, чтоб её утешить,
И слагали песни – те же, да не те же.

Многие поэты засылали сватов,
Но никто ей не был мил, как ты когда-то.

Как на ней бывает свеж наряд весенний,
Так свежа в ней память о тебе, Есенин.

Память – в ней вся радость, вся её отрада,
За издание книжек денег ей не надо.

Скажет тем, кто спросит: «Мне всего дороже
То, что дружно-ладно жили мы с Серёжей.

Сочинял он песни, и всегда украдкой
Я склонялась молча над его тетрадкой,

То смотрела, тихо проверяя строки
Как учитель в школе классные уроки,

То к плечу, как скрипку, ветку прижимала,
Чтобы он слышал, как строка звучала,

То женой ревнивой наклонялась низко,
Чтоб узнать, чьё имя пишет он в записке...

Ласковый и кроткий, звал меня родною,
Дрался он с другими, тихим был со мною.

Ну, а что чужою обозвал однажды:
Пьян он был от горя, так бывает с каждым.

Видно, горе было у него такое,
Что чужим казалось самое родное».

III

Слушаю берёзу, вместе с ней горюю,
Вспоминаю с болью Аттику родную.

Вспоминаю сосны, кипарисы, мирты,
Чьи в родную землю прочно корни врыты.

Вспоминаю ветви мигдали⁷ зелёной,
Вспоминаю с грустью взгляд её влюблённый.

Я ушёл однажды, чтоб с врагом сражаться
И пришлось солдаткой ей одной остаться.

⁷ Миндальное дерево.

Так её любил я, так меня любила,
 Что она за мною всюду бы ходила,

Если бы не корни, что её держали,
 Шла б за мною следом в счастье и в печали,

Надо мной зелёный полог расстилала
 И родную крышу мне б напоминала.

Но уйти со мною не дали ей корни,
 И она осталась там, на склоне горном.

Мы теперь в разлуке. Дали расстояний,
 Как забор высокий, встали между нами.

И дурное время ходит вдоль забора,
 Видно нам придётся встретиться не скоро...

Здесь меня берёза укрывает сенью,
 Ты свою мне строчку подари, Есенин.

Родина далёко. Я о ней тоскую.
 ... «Целовал берёзку, как жену чужую».

СВОБОДНЫЙ СТИХ

Мой стих,
Он, добрый патриот,
Возрос, любя и жалуя
Свой дом родной – традицию.

По руслу ямба он течёт,
Но вот, как воды талые,
Вскипает он над этою границею!

Его ритмический шажок
Преображается в прыжок.
В полёт, к неведомым полям
В далёкий край его влечёт.

Мой стих, ликуя, как Адам,
Вкушает запрещённый плод.
Неведомые похождения,
Негаданные наслаждения,
Незнаемые в русле древнем.

Он чует новую добычу,
Карабкается по деревьям,
Ища, как мальчик, гнёзда птичьи –
Мелодий, образов и строф.

Мир, видимый с высот, так нов!
Но, жаждою глубин горя,
Мой стих бросается в моря,
На дне сворачивает глыбы,
И там, в морях не только ходят рыбы,
Но перлы блещут: «Видишь нас?
Обогащайся, водолаз!»

И вот,
Богат, доволен, сыт,
К родному руслу стих спешит.
Так возвращаются охотники, неся
Добычу, чтоб семья насытилась бы вся,

Как в горное гнездо своё орёл,
Как блудный сын, как Одиссей когда-то,
Он, грешный, но и мудрый, ждёт возврата
Туда, откуда странствовать пошёл.
Он патриотом остаётся,
И в ранце за его спиной
Запас любви всегда найдётся
К стране родной!

И как бы ни менялись времена,
Каких бы мод эпоха ни меняла,
Какую б ни носила амуницию –
Мой стих не разлюбил свой дом родной –
традицию;

Она его надёжное начало,
И верный признак зрелости – она!

БУЦЕФАЛ

Пытались многие объездить Буцефала —
 У них не получалось ничего.
 И понял Александр: коня пугало
 Не тело всадника, а тень его.

И повернул он к солнцу Буцефала,
 Чтоб тень не появлялась перед ним,
 И этой хитростью завоевал он
 Коня, который был неукротим.

Но Буцефала своего
 Обманывать я не хочу,
 Его я честно приручу;
 Хотя бы сотни раз меня он скинул,

Но всё-таки заставлю я его
 Покорно мне подставить спину,
 И безо всякого смятенья
 Признать меня таким, как есть,
 Каким я быть имею честь
 Со светом со своим и тенью!

ЕДИНСТВЕННАЯ

Гаснет беседа,
Как тлеющая сигарета.
Полночь. Сидят они здесь пока.
Здесь, – где рассказ неоконченный чей-то,
где недопитый кем-то бокал.
Здесь, – где всё: и рассказ, и бокал
ждут своего конца терпеливо...

Полночь. Художники и поэты,
Старые и молодые.
И среди них угрюмый поэт,
равнодушный и молчаливый.

Он видит, как в этот полночный час
друзей по домам уводят.
Одного – жена.
Другого – сын.
Любимая женщина – третьего...

А он всё пьёт и пьёт один.
Жена и дочка сюда не приходят, –
приходить устали, просить устали
и даже устали жалеть его.

А друзья боятся, – уж очень крутым
стал характер поэта.
Как будто его обижают все!..
Он пьёт и смотрит в вино.
Кажется: в этом стеклянном бокале
земля утонула.

Кажется, в это
вино нырнули полночные звёзды
и опустились на дно...

И вдруг он видит: она появилась!
Она стоит в дверях, не таится.
Она спокойно проходит к поэту
сквозь пелену табачную, синюю.
Она, – которая не устала.

Она, – которая не боится.
Которая приходит к нему –
всегда молодая, всегда красивая.
Подходит, как солнце. И сразу видно,
как в этой прокуренной комнатке тускло,
как грязен пол...

Поэт поднимается и озирается дико.
Он видит слюну на потёртом лацкане,
на лацкане собутыльника узком.
На лацкане, на который утром
он приколол гвоздику...

Она берёт его, как ребёнка, на руки
нежно необычайно.
– Идём!
Здесь не место тебе, – ты видишь!
Идём из мира, который тесен! – Идём!
В открытые объятья ветра. Идём!
Туда, где ночное молчанье
расскажет тебе,
подарит тебе тысячи новых песен...

И он уходит. Компания пьяная
теряет поэта на много дней...
Он появляется лишь на минуту,
читает стихи, звеня...
– Мы написали их вместе с ней! Слышите?
Мы написали их с ней!
С ней, которая и сегодня
ждёт не дожждётся меня...

Он исчезает, – суровый и трезвый.
Не просит себе вина поднести.
Его глаза, как ночные звёзды.
Он уходит туда, где у дверей она его ждёт
единственная,
которая может спасти...

О вдохновение! О муза, муза!
Пусть он будет с тобой всегда.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Три серые невзрачные строки,
четвёртая красивая... Гурьбою
Они её влекут, как бурлаки
раскрашенную баржу, за собою!

ЖЕМЧУЖИНА

Лениво море разлеглось,
 От солнца шурясь южного.
 Там, в глубине его, живёт
 Раковина жемчужная.
 Лежит на каменистом дне,
 Как раковины другие.
 Спокойно дышит и живёт,
 Как раковины другие.
 Зашторен солнца яркий свет
 Голубизной морскою.
 Покой и тишина на дне.
 Но вот своей рукою
 Волна песчинку иногда
 Вглубь раковины толкает.
 Страдает раковина от ран
 И кровью истекает.
 И в жизни цель теперь одна:
 До капли силы выжать,
 Чтоб победить,
 Изгнать врага,
 Чтоб выстоять,
 Чтоб выжить!
 Она из ран своих огонь,
 Огонь жемчужный гонит
 И, опалив врага, внутри
 Жемчужины хоронит.
 И враг, который зла желал,
 Благое сделал дело.
 Родить жемчужину она
 Сама бы не сумела.
 В глубь каждой песни загляни,
 Эпохою рождённой.

На дне их похоронен враг,
Народом побеждённый!

БОГ

Мои стихи, как люди, предо мной...
Они бушуют, как толпа большая.
Я морщу лоб в раздумье в час ночной,
Кого – куда, мучительно решая:
Того налево –
Предаю огню!
А вот того направо –
Сохраню!

Невозмутимый, чувствую – я бог!
Без гнева, без волненья, без страсти
На подданных гляжу, могуч и строг.
Они сейчас в моей полнейшей власти.
Идут, идут, –
От одного лишь взгляда,
Те – в двери рая,
Эти – в двери ада.

Мой старый друг, как будто Пётр святой.
Сегодня он не знает снисхожденья.
Он рядом сел, надменный и крутой,
И, как ключи, звенят святого мненья.
Естественно,
Что жёстче он,
Чем я,
Ведь это ж не его, –
Моя семья!

На свете нет внимательней судьей,
 Судилища навряд ли сыщешь строже.
 Мы судим так, как судит бог людей,
 Но принципы у нас другие всё же.
 Мы судим наших подданных
 Иначе:
 В ад — кто беднее,
 В рай — кто побогаче.

Вот встал один пред нами:
 Руку в бок,
 Глядит лукаво,
 Шапку сдвинул браво.
 Я спросил, как спросил бы бог:
 — О, кто ты есть? нам интересно, право!
 Всё расскажи нам о своей судьбе.
 Поведай нам
 Всю правду
 О себе!

— Ну что сказать?
 Шептал не раз: «Иди!»
 Я в ухо скромной девушке, бывало.
 — Губами губы милые найди.
 Прильни к нему во что бы то ни стало.
 Иди! Да не страшат тебя
 Преграды.
 Познай любви
 Глубинные отрады!

А юноше, который полюбил, —
 Когда луна сияла с небосклона, —
 Я лестницей верёвочною был,
 Спустившейся с заветного балкона.

Я направлял Амура меткий лук,
Я был мостом
Над бездною разлук.

Я пел в безумье, слёзы, ревность, бред,
Землетрясения страсти пылко славил.
Весёлый грешник, я не каюсь, нет!
Не знаю ни законов я,
Ни правил.

– В ад! –
Крикнул Пётр,
Приверженный к покою.
Нет, – я сказал, –
Я рай ему открою!..

А вот, с багровой рожею, другой...
Икает, с фамильярностью нахала
Петра он треплет по плечу рукой,
Бурча:
– А ты заметил: от бокала
Беспечна речь бывает
Старика,
А юноши –
Мудра и глубока!

Вино, вино, отрада всех сердец!
Творишь богов – людьми, людей – богами,
Лачугу превращаешь во дворец,
Асфальт – цветными делаешь лугами!..
И Пётр кивает головой:
– Согласен!
И гладит толстый нос,
Который красен.

– Он прав, он прав!
 Достоинства винца
 Как лихо описать сумел, однако!
 Я б в рай его отправил, подлеца!
 О, как он убедителен, собака!
 – Нет! – я кричу, –
 Всё это фальшь одна,
 И лживо обояние вина!

– Постой, постой! – тут возмутился друг, –
 Да ты, никак запомнил, видно.
 Ведь он же плод твоих, приятель рук!..
 То образ твой, – добавил он ехидно.

– Его я создал, смертный,
 Но сверхстрого
 судить его я
 Призван, в роли бога!

Ожесточённый разгорелся спор,
 Друг вскакивал со стула то и дело!
 И длились наши пренья до тех пор,
 Покуда вдруг решенье не созрело:
 В рай не за что
 и слишком строго – в ад,
 В чистилище ступай-ка
 Лучше, брат.

А вот солдат стоит передо мной...
 Как вечно молодо лицо солдата!
 – Лоб остужал я другу в летний зной,
 Я друга согревал зимой когда-то.
 Усталые морщины возле рта.

От старого раненья
Хромота...

Плохая рифма, как пустой рукав,
Повисла.
А глаза глядят сурово.

– В рай, – крикнул Пётр,
И я сказал: ты прав!
Здесь мнения не может быть другого.
И я кричу,
Ворота раскрывая:
– Шагай, служивый,
Ты достоин рая!

А это кто?.. А, жалкий дуралей!
Он друга громко воспевал, и что же,
Друг оказался жуликом, – подлец
Найдёшь едва ль...
Куда смотрел, о боже!
Он близорук,
Беда не велика,
Но не для песни.
В пекло, дурака!

Идут, идут... бросаю в ад, суров,
Расслабленных, что молятся, рыдая.
Врагов царей и недругов попов,
Всех дерзких,
Отправляю в кущи рая!
Величествен, могуч и строг,
Не радуюсь и не грущу:
Я – бог!

Когда ж я кончу миловать, карать,
 Прощусь со сверхъестественною властью,
 Я человеком сделаюсь опять,
 Доступным и мучениям, и счастью.
 Я снова буду, скромным,
 Незаметным,
 Трудиться
 Над бессмертным
 И над смертным.

Трудись, трудись усердно и упорно,
 как будто на земле ты первый день
 и это всё увидел ты впервые –
 морскую пену, травы полевые,
 слова и ритмы, свет и тень.

Трудись, трудись, усердно и упорно,
 как будто это день последний твой,
 а сделать надо много, чтобы дело
 в сердцах людей осталось, не истлело,
 как память о тебе, родник живой.

ПИСЬМА

Мне письма шлёт любимая,
когда она вдали,
и входят в сердце мне они,
как в гавань корабли.

Как корабли, которые
приходят вновь и вновь
и мне привозят тоннами
признанья и любовь.

Как будто из далёких стран
за сотни тысяч миль
привозят только для меня
корицу и ваниль.

А я стихи печатаю,
и это мой ответ —
Они как письма всем в столбцах
журналов и газет.

Те письма в сердце к ней идут,
но только отдохнуть,
и снова, паруса раскрыв,
они уходят в путь.

Уходят в море времени,
и даже, может быть,
им в океан грядущего
назначено уплыть.

ВДОХНОВЕНЬЕ

То, юной радости полно,
Беспечно кружится оно,
Как карнавал огромный,
То – за работой день-деньской
В рабочей блузе скромной;

То вдруг придёт, то вдруг уйдёт,
Девчонкой ветреной мелькнёт,
Блеснув своим нарядом,
То, как подруга и жена,
Всегда с тобою рядом;

То, громом грянув над тобой,
Вонзится молнией-стрелой
Неотвратно в душу,
То мирным в очаге огнём
Согреет и обсушит;

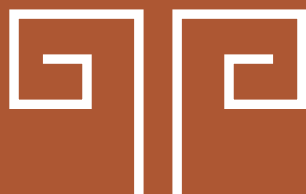
То, вдруг покинув небосвод,
Перед глазами проплывёт
Богиней величавой...
Но мне в обличии земном
Оно милее, право,

Когда рассветною порой,
Склонившись тихо надо мной
С любовью и заботой,
Шепнёт, как мать: «Пора вставать,
Мой мальчик, на работу».

ВРЕМЯ
БОЕЦ

ОКТАБРЬ – ВЕЛИКИЙ ОТКРЫВАТЕЛЬ!

Октябрь, мой капитан, я помню,
 Как мы впервые встретились с тобой.
 С котомкой, переполненной мечтами,
 Я вышел за ворота, оставив за собой
 Двор детских сказок,
 И пошёл искать великую дорогу,
 Дорогу к счастью...

Так я ушёл со своего двора,
 Из детской провинции моей,
 За счастьем.

– Эй, земляки, где же дорога к счастью? –

Я спрашивал прохожих, но они,

Пожав плечами, отвечали мне:

– Такой дороги в наших нет краях. –

И я бродил по рынкам, по вокзалам, по пристаням,
 Спал под мостами и на скамейках в парках,

А утром, затерявшийся в толпе, я спрашивал опять:

– Эй, люди добрые, не может быть, чтоб не было дороги
 к счастью!

Вы строили дороги, ведущие к темницам,

Вы строили дороги, ведущие к домам умалишённых,

Вы строили дороги, ведущие к фронтам, где реки крови,

И вы придумать не смогли,

Как проложить дорогу к счастью?

Солнца не мочат дожди;
Когда холод вгрызается в тело твоё,
Солнце не мерзнёт с тобой;
Когда голод стирает румянец с лица,
Солнечный диск не бледнеет;
Когда ночи кромешной не видно конца,
Разве солнце средь мрака взойдёт и согреет?
Разве солнце останется рядом с тобой,
Разве солнце свернёт с колеи вековой,
Чтоб склониться над долей людской?
Но ты был таким солнцем,
Которое мёрзло, и мокло, и бледнело,
И ночевало вместе с людьми.
Солнце миллионы лет идёт по одной и той же дороге,
Не ища новых путей
И не зная сомнений,
Вечно довольное собой.
Но ты – беспокойное солнце,
Влюблённое в слово «Вперёд!»,
Солнце, вкусившее радость побед
И боль поражений.
Ты – солнце, которому было недолго
Оставить свои высоты,
Сбросить свой яркий пиджак
И толкать своим огромным плечом
Телегу жизни всякий раз,
Когда она застревала в пути.
Ты – доступное солнце,
Любой, самый простой человек
Мог остановить тебя
И рассказать о своих страданиях и надеждах.
Так же просто и я пришёл к тебе,
Чтобы просить взять меня в свою команду.
Я достал и открыл единственный мой документ –

Моё сердце,
 И показал его тебе.
 Там было написано, кто я,
 Сколько лет я жизни служу,
 Сколько побед и потерь я знал,
 Там было написано, что специальность моя —
 Петь справедливость, движение!
 Ты протянул мне свою руку,
 Огромную и сильную, как твоя правда,
 И сказал мне просто: «Годеи,
 Певец справедливости, годеи...
 Такая специальность, как твоя,
 Всегда будет нужна на моём корабле:
 Мои враги издеваются над ним,
 Как будто это костлявая кляча Дон-Кихота,
 Но придет час, и они увидят меня,
 Скачущего верхом на сверкающих звёздах,
 Они увидят меня, врывающегося во Вселенную,
 Где планеты будут встречать меня так,
 Как встречают школьники своего учителя,
 Который пришёл учить их первой человеческой грамоте.
 Да, придет это время.
 Но и тогда твоя специальность
 Будет нужна мне...»
 Октябрь, мой капитан,
 Я помню нашу первую встречу.
 Много лет, много миль осталось позади,
 Большой путь мы прошли,
 Многие школы закончили,
 Много новых вещей открыли,
 Много старых — отбросили.
 Но, как ты сказал тогда,
 Моя специальность тебе всегда нужна,
 И я не стану менять её на другую,

Я не перестану петь справедливость,
Петь о каждой её победе,
О каждом её открытии,
И о той, которой мы добились за один день,
И о той, что стоила нам многих лет.
Петь о ней, ударяя по всем струнам моей души,
Где бы её ни встретил,
В любой час, в любом месте,
На вершинах и на полях,
На земле и на небе!

ИЗ КАМЕРЫ-ОДИНОЧКИ

Моя борьба жила борьбою вашей!
Здесь, в камере, оторванный от вас,
Я только потому и был отважен,
Что пламень ваш в душе моей не гас.

Мне было трудно, было вам полегче,
Не порознь принимали вы беду!
И в холода сдвигали ближе плечи
И поровну делили теплоту.

А в камере полы и стены стыли,
Зимою я всё время пальцы тёр.
Средь этой вражьей ледяной пустыни
Одна душа пылала, как костёр.

И книги... Книги тоже здесь пылали,
Их предо мной сжигали палачи.
— Опомнись, — палачи мне напевали, —
— Покайся и прощенье получи.

Завидовал я летом вихрем грозным,
 Что обдували вас со всех сторон.
 Здесь, в камере, был перегретым воздух,
 Тяжёлым, как расплавленный гудрон.

Дни празднеств, дни торжеств в домах убогих
 Встречали вы, приветствуя родных,
 А я лишь упражнялся в монологах,
 И только эхо повторяло их.

Я обращался к стенам с «добрым утром».
 Здесь не звучала дружеская речь,
 Которая смогла бы словом мудрым
 Из бездны одиночества извлечь.

И хоть лежали между нами мили,
 Враги их удлинители в десять раз,
 Сказавши вам, что здесь меня сломили,
 И повторивши это мне — о вас.

Но правда разгоняет эти вести!
 И карта неба сызнова чиста.
 Горите вы, бесстрашные созвездья,
 И я мерцаю, малая звезда.

Настанет день — за беды, за лишенья
 Врагам сполна воздавши, как Орест,
 Победе нашей кинусь я на шею,
 Целую, возвещу: — Наш край воскрес!

Не нужно мне ни ордена, ни чина,
 Зачем мне Елисейские поля?!
 Я счастлив тем, что лиру мне вручила
 Моя многострадальная земля.

Пусть не венчают славой и речами,
А пусть гречанка каждая и грек,
Меня в горах приветливо встречая,
– День добрый – скажут – честный человек!

ЗНАМЯ

Сердце человека – это знамя.
Ветру нужно дуть,
Напрягши грудь,
Чтобы это знамя развернуть.
И увидишь:
С нами это сердце
Иль оно не с нами.

Век двадцатый – ветренен, ненастен.
Дыбится вокруг
Волна ветров,
И сердца таящихся врагов,
И сердца друзей твоих
Распахивая настежь.

Ты глаза не закрывай с испугу,
Чтоб потом уметь издалека
Видеть сердце преданного друга,
Узнавать врага наверняка.

УТЁС

Посередине озера,
Ленивого, белёсого,
Не видевшего ветра,
Как великан, стоит утёс.
Он бурями и вкривь, и вкось
Исполосован щедро.

И волны, как лакеи,
От раболебства млея,
Плетут свои круги.
Постыдно выгнув спину,
Утёсу-господину
Целуют сапоги.

С рассвета и до полночи
Уже который год
Утёс один, без помощи,
С ветрами бой ведёт.
Там сверху – равная борьба!
А снизу – рабская толпа,
Безликая, озёрная,
Готовит дело чёрное:
И гимны распевает,
И камень размывает.

Взглянул бы со своих высот
На льстивых волн движенье,
Узнал бы, что ему несёт
Их самоуваженье!

Придёт пора — наступит миг:
 Нежданно воду вспенит,
 Раздастся Прометеев крик
 И кануть не успеет,
 Как великана навсегда
 Сглотнёт озёрная вода!..

Годами с полчищем ветров
 Сражался он напрасно,
 Коль принял смерть, от льстивых слов,
 От поцелуев рабских.

ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ ПОЭТУ

*Матери, приговорённых к смерти
 греческих патриотов, послали
 письмо Назыму Хикмету с просьбой
 выступить в защиту их детей.*

Брат наш Назым,
 если бы я мог,
 я перевёл тебе это письмо.
 Но нужен ли этим словам перевод?
 Их твоё сердце и так поймёт.
 Слезами пропитано это письмо,
 а ты понимаешь
 язык слёз.
 Кровью пропитано
 это письмо,
 а ты понимаешь крови язык,
 брат наш Назым!

Ты скажи:

дети Греции
в тюрьмах
играют цепями
своих матерей.

Если спросишь у этих детей,
что такое небо,
покажут

на низкий тюремный
сырой потолок.

Если спросишь у них,
что такое цветок,

Каплю крови покажут на грязном
полу.

Брат Назым!

Ненавидят нас наши враги.

В лютой злобе своей

не хотят,

чтобы мы обнимали детей,

вяжут руки нам за спиной,

не хотят, чтоб на солнце могли мы смотреть,

закрывают глаза нам тюремной

стеной.

Смех детей,

солнца свет

и любовь —

вот оружие наше, Назым.

Они отнимают его у нас,

но мы его не отдадим.

Брат Назым!
 Ненавидят нас наши враги!
 В лютой злобе своей
 они сердце людей
 тщатся сделать мотором
 для танков янки.
 А мы, Назым,
 мы другого хотим,
 мы хотим,
 чтоб мотором для трактора
 было сердце людей.

Брат Назым!
 Ненавидят нас наши враги
 и хотят, чтобы мы
 поклонялись смерти,
 а мы в жизнь
 влюблены,
 и за это
 у тюремной стены
 нас расстреливают на рассвете.
 Но можно ли смерти бояться,
 брат наш Назым,
 если в тот миг,
 когда падаешь мёртвым наземь,
 на всех параллелях земли —
 В Европе,
 в Америке,
 в Африке,
 в Азии —
 на смену тебе
 поднимается
 новый боец,

Дай ей солнца язык могучий,
 он понятен в любой стране,
 дай ей ласточки крылья,
 летящей сквозь тучи
 навстречу весне.
 Добрый путь твоей песне,
 Назым Хикмет!
 Пусть летит над морями,
 долинами,
 реками,
 и повсюду,
 где встретит она человека,
 что с оружием бьётся
 с врагами за мир,
 пусть скажет ему:
 «Сердце честного грека
 рядом с сердцем твоим!»
 И повсюду,
 где встретит она людей,
 пишущих лозунги мира
 на стенах домов,
 пусть скажет,
 что мы не щадим крови своей,
 чтоб ярче сиял свет этих слов.

И если песня твоя в пути
 встретит людей
 со знаменем мира в руках,
 пусть скажет,
 чтоб взяли они для знамён
 лоскутья и наших
 пропитанных кровью рубах.

Добрый путь твоей песне,
 песне Назыма Хикмета,
 пусть летит,
 разрывая мрак,
 словно огненный меч рассвета,
 словно молния в небесах.
 Добрый путь твоей песне,
 песне нашего брата,
 пусть пройдёт,
 пролетит по земле
 по бесчисленным параллелям,
 проходящим через каждую страну
 и каждое сердце.

СУДЬБЫ

Все мы тройки на дорогах.
 Но приходят сроки,
 И судьба – смотритель строгий
 Распрягает тройки.

И выводит из конюшен
 Рысаков и кляч.
 Кляч несчастных и недужных
 И коней-удач.

Бедным достаются клячи,
 Господам – удачи.
 Господа всегда в фаворе –
 Для чего им горе?

Бедняков судьба ругает,
 Не оберегает,
 А богатым лижет пятки,
 Словно дали взятки.

Что ж друг с другом их сковало?
 Тайное родство,
 Иль порука круговая,
 Или воровство?

Иль связало их когда-то
 Всех — одним грехом,
 Как лихого конокрада
 С хитрым пастухом?

О, как медленно и долго
 Вдоль седой земли
 Тянут жизнь мою — двуколку —
 Горести мои.

Я стегаю их напрасно,
 Хромоногих кляч!
 Не на свадьбу, не на праздник
 Не поспеть, хоть плачь.

Люди добрые, ответьте,
 Как мне жить на свете?
 Чем ходить с тоскливым взором —
 Лучше стать мне вором!

Выйду на дорогу в полночь —
 Пусть зовут на помощь!
 Отберу коней крылатых
 У господ богатых.

Кляч выводят из конюшен,
Но рысак мне нужен!
– Слушай, – отвечают люди, –
Мы коней добудем!

Не горюй! Вставай, товарищ,
С нами на борьбу!
С нами вместе ты повалишь
Подлую судьбу!

Будет солнце-работяга
Раздавать лучи!
И, пожалуйста, на благо
Каждый получи
Без упрёка, без обиды
Доброго коня!

Учитесь, рысаки-болиды
Завтрашнего дня.

РАЗОРУЖЕНИЕ

Земля наша – корабль переполненный.
Оружием трюмы нагружены до краёв.
Небо раскалывается вспышками молний.
Бури шум
Перерастает в рёв.
Тропка к спасенью всё уже
И уже.
Море бушует.
Морю всё равно.
Выхода два:
За борт оружие

Или вместе с оружием –
 На дно!
 Слушайте,
 Зелёного корабля пассажиры!
 Люди Америки
 И люди Алжира.
 Люди мотыги,
 Молотка и книги.
 Когда мы вместе –
 Мы сильны!
 В пасть свирепеющей бури
 Из трюмов выбросим
 Железо войны,
 Чтобы корабль наш
 Не разбило на части.
 Разоружение –
 Самое лучшее вооружение
 Жизни,
 Мира
 И счастья!

РОССИИ

Теперь припоминаю, как сначала
 В далёком детстве у Эгейских скал
 Ты так же для меня существовала,
 Как снег, которого я не видал.

Но после, в школе, для меня ты стала
 Страной бескрайних северных широт,
 Что помогала сбросить власть султана,
 Когда восстал наш греческий народ!

Потом ты стала для меня странною,
Где у людей счастливая судьба,
Где пролетарий распростился с тьмою,
Где хлеб крестьянин сеет для себя.

Всё больше я любил тебя с годами,
А в год войны — надеждой стала ты,
Свели меня с твоими сыновьями
Одни стремленья и одни мечты.

А нынче ты предстала в свете новом,
Как сына приняла меня в свой дом
И стала очагом моим и кровом,
И сном моим, и хлебом, и вином.

Теперь тебя, как хлеб, как воду, знаю!
Хлеб сладок мне и не горька вода.
И мне видна душа твоя большая,
Твоё наличие и доброта.

ТЫ ПОМНИШЬ, МОСКВА

Ты мне оказать не спешила почёта,
Не вышла, как важного гостя, встречать, —
Встречала, как сына, что после работы
Домой возвращается, встретила б мать.
Была ты не в праздничном ярком наряде,
Нарочно придуманном в честь торжества, —
В домашнем, простом своём будничном платье
На стол мне накрыла с душевной заботой...
Ты помнишь, Москва?
Ты помнишь, Москва?

Вокзал не исполнил мне гимна при встрече,
 Не видел я флагов, не слышал речей.
 Но песню о Волге я пел в тот же вечер
 В компании юных друзей-москвичей.
 Потом мы по-гречески пели куплеты,
 Друг другу, смеясь, объясняли слова,
 Дарили друг другу стихи, как букеты,
 И были улыбки понятнее речи...
 Ты помнишь, Москва?
 Ты помнишь, Москва?

В гостинице не был мне номер заказан.
 Горжусь, что и ночи я там не провёл.
 Я только что вышел с вокзала — и сразу
 В сердца москвичей старым другом вошёл.
 Постель мне стелили не горничной руки,
 Но, чтоб не болела моя голова,
 Мне взбили подушку питомца науки —
 Студенты. В их доме была моя база...
 Ты помнишь, Москва?
 Ты помнишь, Москва?

Для гостя почётное место в столовой,
 Ему там устроят роскошный приём.
 Но с другом, что в дом к нам приходит без зова,
 Вино из бочёнка мы в погребе пьём.
 В сердцах-погребах пил я прямо из крана
 Вино нашей дружбы, любви и родства,
 А это дороже, чем свет ресторана
 И блеск ледяной хрусталия дорогого...
 Не так ли, Москва?
 Не так ли, Москва?

На «ты» с первых дней говорю я с тобою,
Включился в твою трудовую семью.
И, как переводится западный поезд
На русских широких дорог колею,
Так я на твой быт перевёл своё сердце,
Работать пошёл засучив рукава,
Твоим гражданином стал, не чужеземцем,
О росте, о благе твоём беспокоясь.
Ты помнишь, Москва?
Ты помнишь, Москва?

Теперь я москвич настоящий, со стажем
Постарше, чем на Лужниках стадион,
Постарше, чем дом, где живу я, и даже,
Чем весь Юго-западный новый район.
И сам я другим стал, покамест – по счёту –
Шесть раз на деревьях менялась листва.
Мы – города вид изменяем работой,
А город меняет характеры наши.
Не так ли, Москва?
Не так ли, Москва?

Я знаю – уеду я вновь за границу,
Родной мой Пирей мне по-прежнему мил.
Я временный житель твой, Правды столица,
Но вечной любовью тебя полюбил.
Я много писал здесь, а с временным чувством,
Какого бы я ни достиг мастерства,
Что мог бы создать, если б был тебе чуждым?
Одни пустячки, ерунду, небылицы...
Не так ли, Москва?
Не так ли, Москва?

Приехав сюда, я привёз в чемодане
 Пять книг да запас небольшой белья,
 Но спину сгибала мне тяжесть скитаний
 И злая судьба эмигранта-борца.
 Сто книжек партийных возьму в путь обратный,
 Они в чемодан уместятся едва,
 Но груз будет лёгким, как радость возврата.
 И гордо скажу я при новом свиданье:
 Ты помнишь, Москва?
 Ты помнишь, Москва?

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Мой корабль, давай сигнал отплытия!
 Ждёт нас праздник, ждёт нас новый день!
 Мама, ради этого события
 Шаль свою воскресную надень!

Знаю, мать, что ты боишься пристани,
 Провожавшей двух твоих сынов
 На войну, в Макронисос, под выстрелы.
 Дом стал пуст, и нрав твой стал суров.

Порт душил твои простые радости
 Серыми руками дамб своих.
 Это море угасило в ярости
 Два огня — двух сыновей твоих.

Но сегодня мы уйдём по-мирному
 И придём обратно без потерь.
 Мать, прости обиды морю синему,
 Кораблю высокому поверь!

Будь со всеми на морском вокзале ты,
 Улыбайся возгласам в ответ.
 И пускай, морским йодом залиты,
 Исцелятся раны прежних лет!

Встань, Гиперборея!⁸ Утро молодо!
 Принимай посланцев всех краёв!
 И пределы праздничного города
 Песнями заполни до краёв!

Дружбы мост мы здесь сегодня выстроим,
 Из камней разных мост один.
 Этот мрамор, что столетья выстоял,
 Я, строитель, вывез из Афин.

Он извечен, этот мрамор памятный,
 Как стремленье к миру у людей.
 Пусть сплотится с плитами фундамента
 Стойкий мрамор родины моей.

Приходите, юные поющие!
 Этот мост надёжен и высок,
 Чтоб на нынешнее и грядущее
 Посягнуть никто уже не мог!

Приходите, юные и светлые,
 Песни пусть расплещутся, звеня,
 На пороге праздника всесветного,
 На заре безоблачного дня!

⁸ Так в древности греки называли Россию.

ПРАГА – МОСКВА

Прага. Сорок седьмой год.
 Я этот год помню прекрасно.
 Как мать счастливой улыбкой цветёт,
 Держа на руках младенца,
 Так улыбалась Прага,
 Держа на руках наш праздник,
 Наш новорождённый праздник,
 Наш первый фестиваль...
 Мы полюбили Прагу на фестивале,
 Прагу в нарядах лета,
 Как любят широкие дали в час рассвета.

Праздник и мир. Мир и огромный праздник.
 И мы – новобранцы армии мира,
 Дети народов разных,
 Идём под звуки мирного марша,
 Мы, знавшие только, что значит война,
 О мире слышавшие только от старших,
 Вступаем в мирные времена.
 Как входит неграмотный мальчик в класс,
 Чтоб первое слово прочесть по складам,
 Так Прага миру учила нас
 И буквы мира писала нам
 На белых страницах дней,
 На чёрных досках ночей.

Злата Прага была в те дни
 Действительно золотой:
 Молодость – звонкое золото мира
 Залило город живою водой.
 Большие дела начинаются с малых:
 Большой урожай – от малого зёрнышка,

Костёр – от маленькой искры алой,
Туча с дождём благодатным – от облачка,
Дружба, что будешь всю жизнь беречь,
Начинается часто с минутных встреч.
Сейчас я не помню названия улицы
И номер дома, где дни те прожил.
Все были дома – что задумал в них – сбудется!
Все улицы – имени Радости и Молодёжи!
Жил я в комнате, светлой и чистой,
Как взгляд хозяйки, пожилой чешки.
На стене висела рама, оттуда
Фучик глядел с задорной усмешкой.
Это был первый чех,
С которым я здоровался по утрам,
Это был последний чех,
С которым я прощался по вечерам.
Окно в комнате было как рама тоже,
И сквозь неё улыбался город и лето
Улыбкой, совсем похожей на ту,
С которой Фучик глядел с портрета.
И я понял, что Фучик и солнце – друзья,
Которых ничем разделить нельзя...

Этого лета, я никогда не забуду,
Лета золотого, как Прага сама:
Мы жили в рабочем районе, здесь всюду
Стояли наши дома:
Направо жил Эльбен из Нигерии,
Джек из Канады жил за углом,
Поль из Бреста – в доме у сквера,
Налево стоял Василия дом,
Напротив жил Али из Джакарты.

Нас крепкою дружбой праздник связал,
И однажды, как будто глядя на карту,
Джек из Канады ребятам сказал:

«Хороший район, где живём мы сейчас,
Но в границах его нелегко разобраться:
Нигерия – прямо на запад от нас,
На юге – Россия, на севере – Франция,
К востоку – Джакарта...»

И все улыбнулись,
И пояснений никто не спрашивал.
Мы тоже знали уже наизусть
Географию праздника нашего.

Каждое утро мы в город шагали все вместе:
Джек, Али, Василий, Поль и я.
Улицы, – артерии, бурлят в них смех и песни,
Все свои мечты собрала здесь земля.
Можешь забыть или совсем не считать,
Сколько было деревьев в лесу,
Где нашёл ты прохладную тень.
Но прохладу саму не забудешь.
Можешь забыть или совсем не считать,
Сколько птиц тебе пели в лесу,
Но песен самих не забудешь.
Сколько раз танцевал?..
Сколько было столов, где с друзьями сидел?..
Сколько рук пожимал?..
Я не помню, но радости я не забуду.

* * *

Каждое утро мы в город шагали все вместе:
 Джек, Али, Василий, Поль и я.
 Улицы – артерии, бурлят в них смех и песни,
 Все свои мечты собрала здесь земля.

У Джека были крепкие ноги,
 Он мог танцевать бесконечно.
 У Поля – весёлый и бойкий язык,
 Он мог говорить и шутить с каждым встречным.
 У Эльбена были могучие руки,
 Он троих мальчуганов легко над толпой подымал.
 У Василия – сильный, глубокий голос,
 Он самые низкие ноты брал,
 И песня его доходила до сердца,
 до самых его глубин...

Каждое утро мы дружно выходим все вместе,
 И ссориться не было у нас причин,
 Если, конечно, со счёта сбросить,
 Если, конечно, не говорить
 О спорах, когда в семь или в восемь
 Мы заходили друг друга будить.
 Джек спал очень крепко, и он говорил:
 «Пушки не могут меня поднять,
 Разбудить меня может одна лишь мать,
 Только шепот её: Джек, мой мальчик, пора
 вставать...»

Поль говорил: «А я привык
 Просыпаться от гудка буксира
 В порту, где я живу... А тут
 Все шумы и грохоты мира
 Глаз моих не разомкнут».

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Роем, роем.
В Пиндосе братья окопы роют,
мы в городах убежища строим.
Роем, роем.

Бьёмся с землёй сырою.
Роем в земле котлован
под фундамент
новой жизни суровой.

Земля противится нашим лопатам.
Горят на руках мозоли.
Как новобранец, земли привыкает
с трудом к своей новой роли.

Роем, роем
землю родную,
роем, роем
душу живую.
Роем, роем
большой котлован, —
Историю новую строим.

Следит за работой
Сам Марафон,
он — главный наш инженер,
сам Леонид из Фермопил
нам подаёт пример.

Маняки, Триполица, Сиракузы
над нами с утра до утра
стоят,
так надсмотрщики и мастера.

Роем, роем.
Вся Греция роет,
скалы эпохи дробя железом,
роет тропу, что поможет народу-герою
захватчикам путь перерезать.

Роем, роем.
Вся Греция роет,
от Пиндоса до Марьяса.
Борозды роет народная масса
и сеет в глубинах чёрных
нашей надежды зёрна,
тысяча звёзд плодотворных.

Роем, роем.
Братья на фронте могилы роют
для павших в борьбе с врагом,
мы, в городах, могилы роем
для тех, что пали от бомб.
Падают Греции сыны,
роня лопату или ружьё...
Это – первые дни войны,
первые дожди её.

Римское радио на погоду
жалуется упорно:
«Мешают победному походу
дожди и потоки горные!»

И мы понимаем —
потоки крови,
что льют наши братья, как воду,
мешают фашистскому походу.
Да, это горные потоки,
они — из сердец высоких!

Роем, роем,
словно вся Греция
решила узнать себя лучше.
Роем землю свою родную,
душу свою живую,
роем — и силу в себе находим
петь и смеяться над «дуче».
Роем, себя подбодряя пением,
роем убежища и окопы,
когда о мнимом нашем падении
кричит уже вся Европа.
Находим силу
надписи: «В Рим!» —
писать на бортах машин,
когда Муссолини уже говорит
о коменданте Афин.
Находим силу держать в руках
оружие и лопаты,
когда все кричат:
«Разобьют вас в прах,
вам не уйти от расплаты!
Не способна ваша отчизна
выдержать натиск фашизма!»

Роем, роем,
силы полны,
роем с упорством суровым,
будто навек поселиться готовы
в этом зданье войны.

Да, если надо,
поселимся в нём, —
перед врагом не падём!

Роем, роем,
ведём борозду
в земле и в душе народа.
И время приносит награду труду —
радости первые всходы.

Сливается с гулом радостных слов,
впервые с начала войны,
эхо воскресных колоколов:

«Захватчики окружены.
Враг преклонил колено.

Мотодивизии,

горные дивизии,
полевые дивизии,
отныне —

дивизии военнопленных!»

Европа, как набожная старуха,
кричит: «Это чудо, чудо!»

Да, это чудо могущества духа,
народ — зовут это чудо!

Чудо это

было одето

в шинель пограничников нашей страны,
в одежду крестьян пограничных селений.

Они сломили врагов наступленью,
на время став центром войны.
Чудо это
пахло потом
и хлебом крестьянским «бобота»,
в яслях оно родилось,
как Христос.

Чудо, полное морщин
ежедневной заботы,
с ладонями,
полными мозолей
от ежедневной работы.

Армия Греции
на грузовиках
ещё на фронт не попала,
когда это чудо, с пращей в руках,
перед Голиафом стояло.

В петлю превратились тропины гор,
неся захватчикам кару.
Преобразились вершины гор
в зубастые пасти овчарок –
и схватили неумолимо
за глотку волчицу Рима...

Деревни пусты,
двери открыты.
Эпирские ветры сердито
обходят дома, как патрули:
«Все ли ушли?»

Все ушли.
 У очагов, у колодца,
 не встретишь души живой.
 Всем там —
 на линии солнца
 на передовой.

Пришёл великий час —
 и народ
 оставил в дома свои входы
 открытыми,
 встав на страже ворот,
 центральных ворот Свободы.
 Пришёл великий час —
 очаги,
 горевшие в мирные годы,
 погасли,
 чтоб не погасили враги
 огромный очаг Свободы!

Идут босые крестьянские жёны.
 Как на молитву, идут,
 боеприпасами нагружённые,
 которых солдаты ждут.
 Когда, шаг за шагом, бойцы отступают,
 продолжая биться, —
 женщины пушки тащить помогают,
 на новые позиции.
 Связав из платков своих канаты,
 жёны наших крестьян
 пушки тащить помогают солдатам
 по скалам, через туман.

И кажется, будто в новых горнилах
пушек металл закалён.
И с новых позиций, с новой силой
ведёт огонь батальон...

Десятки дней,
десятки солдат,
десятки крестьян,
с бесстрашьем
волка гоняют со всех сторон,
и наконец попадает он —
под выстрел армии нашей.
Вот он, стоит, запыхавшись, враг
на коломасских крутых берегах.
Побиты спина его и бока,
он в крови после драки.
Напротив —
наши стоят войска,
рука на курке контратаки...
Старцы находят под снегом памяти
и под снегом вершин,
чтоб сократить дорогу солдатам,
сотни забытых тропин.
Юношам передают свои посохи, —
как старые короли
наследникам жезл, —
чтобы юноши рослые
Греции помогли.

О Коломас, Коломас!
Спасибо за добрые вести!
Твоею водой утолил в первый раз
народ жажду праведной мести.
О Коломас, Коломас!

Твоею водой прекрасной
лицо омыл народ в первый раз,
крикнув Победе: «Здравствуй!»

О Коломас, Коломас!
Пенящиеся воды!
Ты верный союз заключил в тот раз
с огнём возмущенья народа.

О Коломас, Коломас!
Врага своим гулом преследуй!
Как хорошо напоил ты в тот раз
первую вспашку Победы!..

Горят перевёрнутые танки
на твоих берегах,
плывут по волнам твоим останки
армии чёрных рубах.
Рубахи чёрные, выцветая,
становятся саваном белым,
знамёна чёрные, выцветая,
становятся флагом белым.
Всем доказали наши войска,
наши герои-рабочие,
что не так уже велика
сила фашистской ночи,
что может мужественная рука
её разорвать на клочья,
что можно ярким светом дня
рассечь её справа-налево,
что можно заставить её полинять
под ливнем борьбы и гнева!

«Чудо, чудо!»
Мама моя
зовёт меня в церковь строго:
«Встань на колени, моё дитя,
воздай благодарность богу!»
Только одна у каждого мать,
и нет никого родней.
Я не хочу её огорчать,
в церковь иду вместе с ней.
Но облако ладана кажется мне
дымом пороховым,
библейские образы святых
исчезают за ним.
Глядят на меня с икон, с высоты,
лица знакомых солдат.
На лбах окровавленные бинты
ярче нимбов горят.

Георгии с нашего двора,
с окраины — святые Димитрии,
футбол они с нами гоняли вчера,
курили тайком от родителей.

Из рам золотых — вместо девы святой —
пастушка глядит — проводница,
в своей разноцветной одежде простой,
в лёгком платке из ситца...
И удивляется мама моя,
что я стою так спокойно,
что никого не трогаю я,
веду себя чинно, пристойно.
Клоуна из свечи не леплю,
девушек за косы не ловлю,
соседних детей не толкнул ни разу,

ни с кем не заговоря,
и не дёрнул за длинную рясу
глупого звонаря.

«О, как он вырос, — мать говорит, —
в церкви впервые он тихо стоит».

Да, я впервые вошёл ныне в храм,
в храм народа родного,
который открылся моим глазам
в своём сиянии новом.
Тёмное небо детского разума
молнией штык озарил боевой,
лицо Творца, Покровителя, Мученика,
увидел я перед собой.

Народ...

До вчерашнего дня это было
уроком учителя в школе,
сказкой старой бабушки милой,
песней о лучшей доле.
Встряхнул мою душу грохот пушек,
я понял, что значит слово — грек!
Вчера походил я на птиц и зверушек,
сегодня — я человек.

Народ...

Жизнью данное мне письмо
в тот день, когда мать разрешилась от бремени,
Я только сегодня прочесть его смог,
открыли его пальцы нашего времени.

Мой народ многовековый
вручил мне своё послание:
«Читай его,
пополняй его,
большими делами прославь его!..
Поколение за поколением
строит водопровод,
что из глубин Истории древней
живую воду несёт.
Как предки, ты впредь обязан беречь —
Греции честь, Греции речь!
Пришёл твоего поколения черёд
продолжить священный водопровод!»

В храме твоём, народ мой родной,
твой наказ принимаю!..
Колокола звенят надо мной.
Люди, друг друга в слезах обнимая,
вместе с певчими поют
господу славословие.
И я впервые, как взрослый, стою
и славлю народ с любовью:
— Слава тебе, народ мой, слава!
Люди поют и колокола.
— Слава тебе, народ мой, слава!
Слава тебе и хвала!
Слава твоим шершавым рукам,
что держат оружие, молот и плуг,
слава твоим глазам, что века
всё озаряют вокруг —
то молнией гнева, то радости светом!
Слава твоим рабочим,
слава твоим крестьянам,
слава твоим учёным,

слава твоим поэтам!
Слава твоим исканьям,
слава твоим походам,
слава твоим плаваньям,
слава твоим полётам!
Слава, увенчанным лаврами,
героям твоим яснолицым!
Слава твоим колыбелям,
слава твоим гробницам!
Слава народному гению
прошлых и наших дней!
Слава – листвы обновлению
и постоянству корней!
Слава труду, что вращает
времени жернова,
явь зерна мечты превращает,
в дела претворяет слова!
Слава тебе, народ мой, слава!
Вчера, сегодня и завтра!..

Дай силу мне,
твоему слуге,
служить тебе верой и правдой!

Народного гнева адское пламя
мне изведать не дай,
и помоги заслужить делами
любви твоей светлый рай!

ПЛЕННЫЕ

I

Помню — зелёные их шинели
выцвели, пожелтели,
стали похожи цветом на листья
ощипанных ветром лавров.
Одни из них служили в дивизии,
носившей название «Кентавры»,
другие — в дивизии с названием:
«Волки из Тосканы».

Теперь за проволокой колючей
смотрят печально, хмуро,
и рады, когда корку хлеба получают
иль сигареты окуроч.
Рады десятки протянутых рук
подачке, словно подарку.
А люди окраины ходят вокруг,
будто у зоопарка.

Хотят «кентавры» и «волки» побитые,
грязные и небритые,
людям окраины объяснить,
что до войны, до зверинца,
были, когда-то людьми и они —
ломбардцы и флорентинцы,
без звериных наименований,
просто:
Антонио, Бруно, Джиовани.

Их в армию взяли с поля.
В прежние дни

трудились они, —
вот, от мотыги мозоли!

Их в армию взяли с пристани.
Приглядитесь пристальной, —
вот, от вёсел мозоли!

Да, эти руки — подтверждение
людского происхождения.
Рекомендательные письма,
понятные без языка,
которые не успела пока
перечеркнуть война.

||

Взяли из дома, фабрики, церкви,
Антонио, Бруно, Джиовани,
велели им чванные офицерики
забыть своё имя и звание.
Гремели трубы, литавры:
«Вы волки, пантеры, кентавры!
Кем бы кто из вас прежде ни был
зверьми вы стали теперь!»
И кличу войны эхом вторило небо:
«Долой человека,
да здравствует зверь!»

Ветер свистел, сходя с ума,
летя через пустыни,
через разрушенные дома
и черепа пустые,
через сожжённые города,
где, средь стекла и камня,

валялись вывороченными кишками
трубы и провода, —
свистел:
«Не бойтесь потерь.
Долой человека,
да здравствует зверь!»

Захватчики мчатся во всех направлениях,
на кораблях, на колёсах, на крыльях.
Совесьть — на пунктах отправления,
как старую вещь, позабыли.
И совесть, брошенная ими,
ненужная этим мужчинам,
гонится пешей за ними.
Но где же ей догнать машины!

Упав на Албанию снегом неожиданным,
они все дороги покрыли туманом,
чтоб больше вовек не могла найти
свобода к людям пути.

Несутся вперёд,
переходят границы
Греции, духом великой.
Не слышат совести крика,
зовущей остановиться.

Совесть хочет вернуть их назад,
хочет встревожить их души:
«Стойте! — кричит, — вы забыли глаза,
вы забыли уши!»
Напрасно!
Они идут, идут, идут,
ко всему глухие,

идут ордою безглазой
и видят страны чужие
только глазами приказа.
Смотрят на сосны и платаны:
«Вот, виселицы партизанам!»

Проходят засеянными полями:
«Здесь разгуляется пламя!»
Глядят на домишки, где прячутся люди:
«Вот мишень для орудий!»
Смотрят в бинокли полевые,
круглые, как ноли,
и кажутся им люди живые
ничтожными, как ноли...
идут кентаврами, волками злыми.
В зубах, как ягнёнок (в крови от ран),
солнце, украденное ими
у завоёванных стран.

III

Теперь за проволокой колючей
сидят, к новой жизни готовясь.
Иных уже начинает мучить
догнать их успевшая совесть.
Она заставляет смотреть и слушать,
ночами лишает сна.
Она им вернула глаза и уши
и прежние имена.
Прежняя жизнь забытой повестью
возникает из мрака.
Колючая, как угрызения совести,
проволока вокруг барачков.

Кажется пленникам краем света
окраина нашего города.

Тощие, словно аскеты,
Гладят отросшие бороды.
Бормочут, будто у бога Добра,
что предан ими стократно,
просят вернуть обратно
отчизну – потерянный рай...

«О, миа белла Наполи!» –
Поют по утрам.
«О, mamma mia!» –
Поют по вечерам.

Когда прохожу у колючей проволоки,
мне слышится запах тления.
Знаю – это кентавры и волки
сгнивают в сердцах у пленников.
Тает, как от ветра туча,
вера в цезаря «дуче».
Бродят они, как привидения,
сами с собою ведут беседу,
и близнецами сиаемскими тени их
ползут за ними по следу.
За проволокой колючей, зримой
протекают их дни.
Проволокой совести неумолимой
оплетены они.
Второй этот плен ощущают нервы
гораздо сильнее, чем первый.
Страшен, страшен совести суд.
Увёртки тут не спасут.

Тут знака фашиста не выбросить вон,
 не скрыть офицерских погон.
 Все свои подлости и преступления
 с закрытыми видя глазами,
 главный свидетель обвинения
 на этом суде — они сами.
 Нет побега из плена второго, —
 совесть судит сурово.
 Уйдёшь на время, назад вернёт
 окраины нашей народ,
 простой народ, что приносит аскетам
 свой хлеб, свои сигареты;
 Вернёт их назад учитель-грек,
 который с усердьем святым
 слова в итальянском искал словаре,
 чтоб им подарить, как цветы:
 «Буона сера!
 Но Морта!
 Вита, вита!»
 Истые греки в сраженье храбры;
 к пленным они добры...

Стою у лагерных ворот,
 и душу вопрос тревожит.
 Хочу понять — почему наш народ
 их ненавидеть не может?

На этот вопрос найти ответ
 мне удалось не сразу.
 Понял я, через много лет:
 есть и у сердца разум.
 Понял я, когда взрослым стал:
 сердце народа хранит.

О нет! Не хочу быть похожим на них
для предстоящих битв.

Бродят пленные, как неприкаянные,
пока не опустится тьма,
глядят на солнце наше в раскаянье,
на бедные наши дома.
Глядят на недавних врагов своих,
другими глазами видя
взрослых и детей...

И до весны не может не дожить.
Хочу настоящих врагов ненавидеть,
любить настоящих друзей!
Тогда, если даже меня убьют,
я мёртвым не буду!
Тогда, если даже в плен возьмут,
я пленным не буду!

В груди сохранив любовь и гнев,
я, поражение потерпев,
побеждённым не буду!..

Бродят пленные, как неприкаянные,
грустно глядят вокруг,
медленны их шаги.
Шепчут людям окраины:
«Мы думали –
«дуче» наш друг,
вы – наши враги» ...

О, как обманули вас,
как обманули!
Италии солнце сияло над вами,

как вы могли не увидеть ямы,
 в которую вас толкнули?
 Как вы, такой музыкальный народ
 (нет музыкантов лучше),
 не уловили фальшивых нот
 в речах крикливого «дуче»?
 Молчат Антонио, Бруно, Джиовани.
 В их позах скорбь и усталость.
 Часами давить вшей в грязной рвани –
 одно им занятие осталось.
 Заняты, пожалуй, не очень красивое,
 но больше им делать нечего.
 Битву маленькую, но справедливую
 ведут с утра и до вечера.

«Ах, мама миа, что за вид у нас!
 Плохи наши дела!..
 Ах, мамма миа, если б родить нас
 заново ты могла!»

ПЕРЕКРЁСТКИ

ОПТИМИЗМ

Свирепствует и властвует пурга,
 Ртуть, словно бы зверёк, укрылась в нору,
 Как будто всё живое, как врага,
 Преследует зима в такую пору.

И вдруг в дымке снежинок и седин,
 Прямой и гордый, как сама надежда,
 Старик столетний входит в магазин
 И выбирает летнюю одежду.

И продавщицы, сбившиеся с ног,
 Несут, как будто лишь такого ждали,
 И шляп соломенных июльский стог,
 И груды безрукавок и сандалий.

Всё пахнет солнцем, и, потупив взор,
 Пред всем народом клятву принимая,
 Старик скрепляет дерзкий договор
 С грядущим маем.

Теперь не может солнце отложить
 Приход весны в положенную пору,
 И до весны не может не дожить
 Старик – он будет верен договору.

Вот он идёт, торжественно прямой,
 Седой пургой, как саваном, одетый,
 И держит на виду перед зимой,
 Как знамя оптимизма, свёрток лета.

О, тем же чувством ведь и я дышу,
 За веру выдаю свои желанья,
 Когда о возвращении пишу,
 О южном море думаю в изгнание.

ПРЯДИЛЬЩИК

Над морем и материками
 Родятся клубы облаков
 И отправляются тюками
 Необработанных шелков.

Их небо примет, разматает
 И, как прядильщик, разберёт,
 И прядка солнца золотая
 Завертится на полный ход.

Серебряные нити вскоре
 Она вернёт земле и морю,
 И ленту радуги цветистой
 Увидишь ты над головой,
 И солнца диск на ней повиснет
 Уже как орден трудовой.

АДАМ

Бог подстрекал меня драться
 С Чёртом,
 А сам норовил в стороне остаться
 И наслаждаться
 Раем своим.
 Чёрт подстрекал меня драться
 С Богом,
 А сам норовил в стороне остаться
 И наслаждаться Адом своим.
 Тогда, обозлясь,
 Я послал их друг к другу:
 Бога – к чёрту
 И чёрта – к богу.
 Теперь, вцепившись друг другу в космы,
 Они дерутся...
 Потешный бой!
 А я, Человек, в стороне остался
 И наслаждаюсь своей Землёй.

ВОРЫ

Был обелиск со всех сторон
 Толпою окружён несметной.
 Под ними был воин погребён,
 Чей подвиг стал бессмертной легендой.

Король, священник, генерал
 Кричали, лезли вон из кожи,
 И каждый кулаком махал
 Так, что была трибуна с рингом схожа.

– Достойный подвиг, – поп гнусил,
 – Но не солдата славлю всё же.
 Господь солдату придал сил
 И этот подвиг – достоянье божье.

Король сказал: – Солдат был храбр,
 Над ним склоняем мы знамёна.
 Но что бы сделал жалкий раб,
 Когда бы не вела его корона?

А после рявкнул генерал:
 – Солдат отважен, но, однако,
 Кто в бой солдата направлял?
 Он без меня не сделал бы и шага.

Взял бог своё, и взял король,
 И генерал свою взял малость.
 И плакал под землёй герой, –
 Ему, герою, славы не досталось.

И плакали с ним тьмы солдат,
 И, плача, спрашивали: – Скоро
 Величье наше возвратят
 Нам коронованные мародёры?

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Сердца играют, и вино играет,
 И вальс играет духовой оркестр.
 Сын богача с компанией гуляет
 И пьёт всех больше, и всех больше ест.

Официант идёт. Но в ту минуту,
 Когда на блюде ляжет полный счёт,
 Сын богача, сказав, что стало худо,
 Куда-то непременно улизнёт.

Его не любят и не понимают.
 – В кого такой он? – спорят без конца.
 – Нет, он отца нам не напоминает.
 Отец так щедр... – И вспомнил я отца.

Сидели мы за мирными столами,
 Веселием и радостью дыша.
 Его родитель тоже был меж нами,
 Сажень в плечах, широкая душа!

Он с нами пил, покуда шло всё гладко.
 Но кончилось веселие, и вот
 Война явилась, как официантка,
 И предъявила свой немалый счёт.

И он, который был всех выше ростом,
 Больным сказавшись, прятался в тылах,
 Покуда горем, кровью и уродством
 Расплачивались мы на всех фронтах.

И сын во всём отца напоминает,
 Достоин сын родителя вполне:
 Сегодня он от счёта убегает,
 А завтра не заплатит долг стране.

НЕДОСТОЙНЫЙ

В чемоданы, в саквояжи
Он добро своё сложил,
Не забыл иголки даже —
Так вещами дорожил.

Поглядел назад с порога,
Закурил, вздохнул, сказал:
«Всё забрал. Пора в дорогу!»
И — уехал на вокзал.

А когда вошёл я после
В опустевший кабинет,
Я увидел, что он бросил
Матери своей портрет.

Мать забыл он, как оружие
Оставляет трус врагу...

Как же, это обнаружив,
Доверять ему смогу?

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Сгустилась мгла, недвижная и прочная,
Тая в себе сомненья, боль, беду, —
Как будто я забрёл в края полночные
И к свету дня дороги не найду.

Но странно! Чую — теплота нежданная
Во тьме кромешной зреет и растёт,
Как будто Космос — чрево первозданное,
А я в том чреве материнском — плод...

Потёмкам жизнь короткая отмерена.
Они — лишь плата за сверканье дня.
А боль моя — паромщик, что уверенно
Везёт к рассветным берегам меня.

An abstract painting with a vibrant, multi-colored palette. The composition is dominated by large, overlapping geometric shapes and organic forms. In the center, two classical-style vases are depicted, one larger than the other, both with black Greek key patterns. The background is a complex interplay of blues, greens, yellows, and oranges, with some areas appearing to have a textured, almost fabric-like quality. The overall style is expressive and modern, reminiscent of mid-20th-century abstract art.

В СТРАНЕ
НАДЕЖДЫ

ПРОВОДЫ

В горький год
 пришла к нам зрелость, братья!
 Тяжко было горе отступленья.
 Но сильнее вера в возвращенье:
 Летний день
 Сильнее летней ночи.
 В горький год
 пришла к нам зрелость, братья!
 Нас родное море провожало, —
 Пена волн эгейских, словно пена
 Машущих нам вслед платочков белых,
 А с родной земли на крыльях ветра
 К нам летели запахи мастики,
 Запах виноградника и тута
 И тяжёлый запах нашей крови,
 Партизанской крови,
 высыхавшей
 На горячих скалах,
 Запах родины, её дыханье.
 Поцелуй прощальный, материнский:
 «До свиданья, дети, до свиданья!»
 Греции прощальные поклоны
 Приносили волны-почтальоны:

«До свиданья, дети, до свиданья!
 Никогда вас не забуду, дети!»
 На коленях стоя, словно в церкви,
 И глаза от дыма закрывая.
 Свой очаг крестьянка раздувает,
 Сберегает свой огонь от ветра.
 Так и я храню огонь священный
 Памяти о вас, мои родные,
 На коленях стоя, словно в церкви,
 И глаза от дыма закрывая,
 «До свиданья, дети, до свиданья!
 Люди не забудут ваши песни.
 Разве могут горные вершины
 Позабыть порывы бури?
 Разве могут берега морские
 Позабыть морской волны раскаты?
 Разве юноша забудет тропку,
 Что ведёт к дверям его любимой?
 Нет, скорей себя забудут люди,
 Чем забудут вас и ваши песни.
 До свиданья, дети, до свиданья!
 Я дала вам жизнь, мои родные,
 А страна, куда вы поплывёте,
 Вас спасла от смерти. Это значит,
 Что она дала вам жизнь.
 Крепко, как меня, её любите.
 До свиданья, дети, до свиданья.
 Легкокрылой радости полёта
 Я желаю вам.

Пускай, как чайки,
 Ваши дни летят вперёд и выше.
 Я желаю, чтобы ваше сердце
 Было словно небо надо мною —

Словно та огромная арена,
 На которой солнце
 Ежедневно побеждает тучи.
 До свиданья, дети, до свиданья!».
 Родина! Ты вся нас провожала;
 Провожали берега и скалы,
 Провожали светлые, большие
 Каменные жертвенники греков,
 Где всегда горит огонь свободы.
 Острова —

Фолёгандрос, Анафи.

Провожали тени павших братьев:
 «До свиданья, братья, до свиданья!»
 «До свиданья, братья! Вы плывёте
 К родине знамён багряных.
 И за нас

её вы обнимите,

Передайте, братья Сталинграду
 Граммоса горячие приветы.
 Если знамя красное вас спросит,
 Где мы? Отвечайте, что погибли,
 Пали так,

как нас оно учило.

Расскажите знамени свободы,
 Что утёсы, скалы, глыбы камня
 Превратились в прочные устои
 Для моста, что назовётся — Братство.
 Эти камнигодились грекам —
 Мы нацистов ими побивали.
 Эти скалыгодились грекам —
 В декабре⁹ афиняне сложили
 Баррикады из родного камня.

⁹ В декабре 1944 года трудящиеся Афин восстали против английских оккупантов.

Эти камни пригодились грекам —
 Подложив под голову по камню,
 Дети Граммоса спокойно спали.
 Расскажите, братья, не забудьте,
 Пусть узнают красные знамёна!
 Вы вернётесь.
 Как земля в июле
 Ждёт дождя —
 Мы будем ждать вас, братья.
 Будем ждать, как ждёт солдат в окопе
 За водой поползшего солдата,
 Слушая, не зазвенит ли фляга,
 До свиданья, братья, до свиданья!
 Пусть недолгим будет расставанье.
 Вы вернётесь!»

СОВЕТСКАЯ ЗЕМЛЯ

Пенил море пароходный винт
 И бросал охапки белых лилий
 Берегу советскому в объятья.
 Пламенела из-за гор заря:
 Это вся советская земля.
 Поднимала чашу с солнцем,
 Говоря:
 «Добро пожаловать,
 Дети Греции!
 Добро пожаловать!
 О, несомые бедою птицы,
 Мы откроем двери для гонимых!
 Для врагов советская граница
 Состоит из рвов непроходимых,

Но для вас рубеж земли советской —
Просто дверь родного дома.
Стройте гнёзда под советской крышей,
Рядом с нашими

лепите гнёда!»

Шли и шли на берег партизаны,
Широко распахивая ворот,
Предъявляя вместо документа
Грудь

с печатями рубцов и шрамов.

Грозные отметины свободы,
Их нельзя стереть или подделать.

Шли и шли на берег партизаны

И, бросаясь на колени,
Крепко целовали эту землю,
Пахнущую запахом сражений —
Порохом с весною пополам.

А потом мы тихо спели песню.

Не было у нас других подарков,
Чтобы отдарить людей советских.

Вешние цветы моей отчизны

Затоптали гусеницы танков,

Жгучие январские морозы

Погубили лавры и оливы,

На скелетах обожжённых сосен

Юную весну распяли,

И над нею западные ветры

Издеваются, как фарисеи.

Ничего теперь не расцветает

На полях моей отчизны,

Расцветают только розы

Пламенной надежды.

Потому что эти розы

Орошают в изобилие слёзы.

Слушайте же песнь надежды,
 Наши братья из Страны Советов.
 Нет у нас для вас другого дара.
 Покидая родину, на память
 Люди горсть земли берут с собою,
 Нам же мало
 Было этой горсти:
 Мы хотели захватить с собою
 Наше небо –
 вечно голубое, –
 Хоть по горсти голубого неба;
 Мы хотели захватить с собою
 Наше море
 в час прибоя,
 Хоть по горсти
 яростного моря;
 Мы хотели унести в ладонях
 Хоть один порыв,
 хоть дуновенье
 Критского сирокко, а впридачу –
 Хоть один порыв,
 хоть дуновенье
 Ветра с гор,
 с вершин Парнаса.
 Мы хотели унести с собою
 Черепицу с крыш Кесариани,
 Славного афинского предместья.
 Враг не покорил, а уничтожил,
 Сжёг, но не пригнул Кесариани.
 Мы хотели захватить с собою
 Вековечный мрамор Парфенона,
 Стройные и белые колонны.
 Время – два тысячелетья –
 Выщербило их, но не свалило,

Греция благодарит Россию,
И её морщинистые руки
Тянутся к твоим рукам с любовью.

ЧЕРЕЗ СТЕПЬ

Километры, словно в эстафете,
Перебрасывали, передавали
Поезд, везший греков по России.
Высунувшись из вагонных окон,
Моряки и горцы принимали
Первое в их жизни целованье
Русской, беспредельной, словно море,
И не знающей границы степи.
Степь была большая
и звенела,
Словно исполинская гитара, –
Пальцы ветра все перебирали
Струны телеграфных проводов.
Поезд мчался по степному пенью –
Километры, сотни километров,
А земля всё шире, шире, шире,
Шире моря, шире, чем объятья.
Километры, тыщи километров –
Не желает сузиться земля.
Первый раз мы видели такое
И молчали.
Так, степняк, наверно,
Замолчит, впервые видя море.
Новая учительница входит
В класс, и класс смущённо затихает.
Мы молчали, словно дети в классе.

Я – бумага!
 А мои линейки
 Борозды колхозов.
 И красноармейские окопы.
 Новая эпоха написала
 Лучшие свои поэмы
 По моим линейкам.
 – Слушайте! – кричит нам степь.
 – Фашисты

Думали меня застлать,
 как скатерть
 На своём столе,
 А что же вышло?
 Я окутала их, словно саван.
 Я ладонью к миру протянулась,
 Голуби, надежды всех народов,
 Радостно летят к ладони этой.

 Километры, словно в эстафете,
 Перебрасывали, передавали
 Поезд, вёзший греков по России,
 Мы смотрели на неё из окон.
 Моряки и горцы принимали.

ГОРОД НАДЕЖДЫ

Мы приехали.
 Мы будем жить в этом городе.
 Сколько раз мы здесь встретим зарю!
 Сколько раз проводим закат!
 Здесь вдали от сегодняшней Греции,
 Мы приблизились к будущей Греции, –

Здесь, где рядом с большими садами
Великаны-заводы стоят.
Заводы, заводы – куда ни глянь!
Сады, сады – куда ни глянь!
Земля и небо
Бросили службу
У господина «Я»
И перешли
К товарищу «Все».
На что похож этот город?
С чем я сравню эту жизнь?
С солнцем!
Оно светит всем,
Не желая служить одному.
Шагаем, шагаем
Плечом к плечу
С твоим будущим, Греция!
Мы – далеко от тебя,
Но мы не отставшие.
Мы не плетёмся в хвосте.
Мы – разведчики.
Ты сама нас послала вперёд.
Это глушит нашу тоску.
Мы приехали.
Здесь мы будем работать.
Сколько раз мы здесь встретим зарю!
Сколько раз проводим закат!
Мы встретим зарю новой надежды
И проводим закат старого горя.
Мы увидим зарю новых песен
И казат бесцельных рыданий,
Заря ежедневной работы взойдёт над нами,
Над нами закатятся годы скитаний.
Мы будем жить в этих домах.

Сколько раз мы здесь встретим зарю!
 Столько раз проводим закат!
 В каждой комнате общежития
 Нас встречают портреты Ленина.
 Как мы счастливы жить вместе с Лениным,
 Быть соседями Ильича.
 Все живущие в нашей комнате
 Выполняют по поручению:
 Димитрис будит нас по утрам.
 Янис таскает воду.
 Филипос поливает цветы во дворе.
 Я слежу за чистотой комнаты,
 А Ленин
 Заботится о чистоте наших сердец.
 В первый раз мы гостей принимаем —
 наших новых друзей и соседей.
 Стены дома трясутся от баса
 Инженера-сибиряка.
 Это — целая буря звуков:
 словно все ураганы Сибири
 Пролетают сквозь глотку соседа, —
 Так поёт сибиряк Николай.
 Обнимает меня и целует
 Фатхулла.

И руки узбека

Так теплы, будто он обнимался
 С жарким солнцем своей земли.
 Солнце — личный друг Фатхуллы,
 Вечный житель Узбекистана
 И живёт на нашей же улице,
 Очень близко живёт —
 через дом.

– Трудно вам вдалеке от родины, –
 Говорит сибиряк с участием. –
 Помню дни, когда мы приехали
 Прорывать ферганский канал.
 Помню, как от жары я мучился
 И с тоскою поглядывал на небо:
 Раскалённые стены домны
 Небосвод мне напоминал.
 Но достаточно было вспомнить
 Ледяные сибирские ветры,
 И казалось, прохладный ветер
 Под рубашки нам задувал.
 – Трудно вам вдалеке от родины, –
 Говорит Фатхулла участливо. –
 Я во время войны был послан
 На большой сибирский завод.
 Помню, как я от стужи мучился
 И с тоскою поглядывал на небо:
 Солнце бледное было похоже
 На затёртый во льдах пароход.
 Не хотел приставать он к берегу,
 Груз тепла не хотел он выгрузить,
 Но достаточно было вспомнить,
 Как светла и тепла Фергана, –
 Становилось теплей и солнечней,
 Словно рядом дышала весна.
 Мы сидим за столом и слушаем
 наших новых друзей и товарищей,
 Говорим:

– Спасибо, товарищи!
 Все советы ваши учтём!
 Лето здесь, говорите, жаркое,
 Что ж, мы вспомним прохладу Арктики.
 А зима, говорите, холодная?

Утеплим её воспоминанием
О сухой афинской жаре.

Мы пришли на завод. Мы будем
Здесь работать.

А это значит:

Сотни смен, а может быть, тысячи
В этих стенах мы проведём.
Языки багрового пламени,
Словно красные флаги, плещутся.

Словно красное пламя – рабочие,
Заводские сердца горят.

Мы приехали в город, стоящий
На большой магистрали солнца,
Мы работаем на заводе,
Где живут большие огни.
Вместе с солнцем

мы трижды любим

Жизнь,

а вместе с огнём завода

Мы четырежды ненавидим
Смерть.

Присягаем солнцу
И огню литейного цеха,
Что мы будем достойны
жара

Солнца

и сверканья огня.

ИСТОРИЯ НАШЕГО ДОМА

Начало этой истории
Застало всех нас в Греции.
Мы ещё не приехали,
А рядом с огромным заводом
Вырос огромный дом.
Рабочие с нетерпением
Ждали его окончания!
– Когда же ключи мы получим
И в белые двери войдём?
– Ногам нашим будет просторнее
И дням нашим будет просторнее
В этих просторных комнатах, –
Так говорили вокруг,
И самые нетерпеливые –
Мастер Степан Иванович
С женою Ольгой Макаровной –
Добрейшею из старух.
Столько квадратных метров
Просторного светлого счастья
Скоро получит добавочно
Их стариковская жизнь!
Грудная клетка квартиры
Станет больше и шире,
И значит сильней и краше
Домашняя песнь зазвучит.
Солнце покуда заходит
В их комнату ненадолго:
Сунет голову в форточку,
Поклонится и назад.
А в новые комнаты солнышко
На утренней зорьке явится,
За чайным столом рассядется

И будет сидеть до вечера,
 Пока не наступит закат.
 Эпоха – новая, юная,
 И дом ей нужен новый –
 Просторный и светлый дом.
 Старик со своею старухой
 Каждое утро спрашивали:
 – Ребята, – кричали строителям, –
 Как подвигается дом?
 Гордилась Ольга Макаровна,
 Хвалился Степан Иванович,
 Что скоро в новые комнаты
 Они со старухой войдут.
 И вдруг однажды вечером
 Директор вызвал мастера
 И рассказал про нас.
 Подумал Степан Иванович,
 И понял Степан Иванович,
 Что надо помочь партизанам
 И уступить гостям.
 Дождаться года следующего,
 Дождаться дома следующего.
 Но слова не дав ему вымолвить,
 Директор завода сказал:

– Пойдите к Ольге Макаровне,
 Подумайте, посоветуйтесь,
 Потом возвращайтесь ко мне.
 Мы ещё были в Греции.
 Мы ничего не слышали
 О старом Степане Ивановиче.
 Мы знали только одно:
 Что «Запад» нас гонит с Запада.
 И что Восток нас ждёт.

Старик пришёл, поужинал
И начал такой разговор:
– Ты знаешь, Ольга Макаровна,
К нам едут люди из Греции,
Ты понимаешь, старуха? –
Ни слова ему в ответ.
– Шинели – всё их имущество.
Ты понимаешь? –
 молчит.
– Ты понимаешь, что значит
Родного угла лишиться,
Хранить его только в памяти? –
Молчит, старуха, молчит.
– Трижды осиротелые:
Без крыши,
Без матери,
Без родины! –
И Ольга Макаровна тихо
Сказала: – Как не понять!
Помнишь эвакуацию!
С одним узелком приехали,
И эту квартиру нам отдал
Токарь – узбек Рашид.
– А грекам ещё труднее, –
Молвил Степан Иванович.
– А грекам ещё труднее...
(Старуха – как эхо – ему)
– Куда б нас война ни забросила,
Мы всё-таки были на родине,
Земля под ногами – колхозною
И, значит, нашей была.
Огонь в литейных Ташкента,
Как прежде – в литейных Донбасса,
Был наш, советский огонь.

А грекам – всё незнакомое,
 Всё для них будет – новое,
 А партизанам придётся
 С начала всё начинать.
 Единственный их знакомый
 Во всех советских республиках –
 Гимн: «Интернационал».
 Он скажет: «Знакомьтесь, пожалуйста,
 Пред Вами товарищ Жизнь.
 Жизнь Октябревна – по бабушке,
 Советская – по фамилии;
 А этот товарищ Колхоз;
 А этот – товарищ Фабрика
 В девичестве – Пролетарская,
 А ныне – Социалистическая;
 А это Степан Иванович,
 Он любит вас, как отец;
 А это – Ольга Макаровна,
 Она вам заменит мать.
 Мы будем достойны гимна
 Того, что поём мы смолоду.
 Пред «Интернационалом»
 Лицом не ударим в грязь!
 Ты понимаешь, Макаровна!
 – Я понимаю, старик!
 Наутро Степан Иванович
 С женою Ольгой Макаровой
 Пошли, как обычно, к дому,
 Весёлые, как всегда.
 – Ну, как подвигается дело? –
 Кричали они строителям, –
 Стройте, ребята, скорее –
 Греки едут сюда!
 Недлинную эту историю

Нам рассказали позднее,
Когда мы уже поселились,
Когда обживали дом.
Факел любви человеческой –
Рашид передал мастеру,
Мастер – передал нам.
Мы держим этот факел
И верим, что дни наступят,
Когда мы вернёмся в Грецию,
В родные дома войдём.
Великое наше счастье
Будет ещё громаднее,
Когда мы поделимся с братьями
Крышей, хлебом, трудом.
Мы держим над головами
Факел рабочего дружества
И молимся Жизни –
нету
Другого бога у нас.
Пусть он не будет изгнанником,
Тот, кто возьмёт этот факел,
Пусть пламя войны багровое
Его не сумеет обжечь.

МИРНАЯ ПЕСНЯ

Мы в темпе марша ходим на работу
И распеваем боевые песни.
«Аэра!» – мы кричим огню литейной, –
Гори сильнее! Скорее разгорайся!
Так мы огню сражения кричали:
«Аэра!» – мы кричим огню литейной, –

Мы бьём в столовой множество тарелок,
Забыв о том, что ложки тычутся
В фаянс,

а не в железо котелков.

В кино мы ходим только на «Чапаева»,
А ночью видим только сны о фронте,
Тревожные, мучительные сны.

Когда я сигареты покупаю,

Я разрываю их и высыпаю

Табак в измытые клочки газеты

И самокрутку радостно тяну.

Дыхну дымком, и вроде легче дышится,

Ещё дыхну и – веселее пишется.

О чём?

О том же самом – про войну.

С утра пишу баллады о войне,

А вечером, усевшись на полу,

А то и развалившись на газоне,

Мои соседи слушают меня.

И вот однажды я,

впервые в жизни,

Попробовал писать о мире.

Два дня вся наша комната смеялась

От всей души

над этими стихами,

Где я сравнил букет гвоздики

С разрывами гранат,

где я сравнил

Блестевшую в листве садовой крышу

С солдатской каской, скрытой в зеленях,

Где рифмовал ручные пулемёты

И птичьи перелёты,

А остроту камышин уподобил

Общеизвестной остроте штыка.

— Что ты суёшь свой нос военный
 В вопросы мира? —
 Кричали с хохотом мои друзья.
 Я слушал их, повесив нос военный,
 С открытым ртом я слушал эти крики.
 Казалось, мы стоим у вешней речки
 И речка вешняя мне говорит:
 «В моей воде ты не умеешь плавать.
 Ведь ты всю жизнь ходил по монотонным,
 По твёрдым и однообразным льдам».
 Я слушал голос, зная:

это правда.

Ведь в Греции я дня не знал такого,
 Когда бы вскрылся лёд войны,
 А речка мира вышла б на поверхность.
 Я видел красоту моей земли
 Сквозь плотный полог фронтового дыма
 И никогда её не наблюдал
 Сквозь мирные квартирные гардины.
 Я детские короткие штанишки
 Сменил на галифе фронтовика.
 О беспризорные мои стихи!
 Мир вас собрал на боевых дорогах
 И, как Макаренко, привёл в детдом.
 А вы никак не можете привыкнуть
 К спокойствию, порядку, дисциплине
 И, сбрасывая мирные ботинки,
 Босые убегаете в поход.
 Но мир — и терпеливей и спокойней
 Всех педагогов. Заново и снова
 И сызнава

он входит в моё сердце

Не для того, чтоб я забыл войну,
 А для того, чтоб я глядел на битвы

Со светлой стороны —
 глазами мира.
 Как ветер разгоняет дым сражений,
 Так мир врывается во все сердца.
 Уже солдаты напевают песни
 Из кинофильмов о любви и дружбе,
 Уже во сне они кричат всё реже
 Гортанные названия битв и шепчут
 Певучие девичьи имена.
 Акацией запахла наша сны!
 Неспешно, медленно, неторопливо
 И постепенно — мы переменялись, —
 Ведь поле боя станет мирной пашней
 Не в час, не в день.
 Дни нашей жизни чем-то походили
 На деревенских женщин. Без опаски
 Они пришли на выжженную землю,
 Смотрели с кольев ржавую колючку
 И обтянули ею виноградник,
 Но так, что даже малые ребята
 Смогли бы перейти, перешагнуть
 Заборик
 и сорвать по спелой грозди.
 Мы изменялись медленно, неспешно,
 Неторопливо и вдруг — переменялись.
 Так пассажир заснёт в степи пустынной —
 И просыпается под шум прибоя.
 Вот он бросается к окну вагона,
 И смотрит, и глазам своим не верит,
 Но все вокруг кричат: «Таласса! Море!»
 И он со всеми радостно кричит.
 Как встретил бы вагон морские волны,
 Так наша комната встречала песню,
 Написанную поздно ночью,

И привяжитесь к плеску пароходов.
 Пусть ваши колокольчики звенят
 С колоколами жизни в унисон.
 Стихи мои!
 Навеки полюбите
 Язык устойчивого мира
 И трижды полюбите эту землю,
 Куда пришли вы из огня сражений,
 И где впервые в жизни услышали
 Язык устойчивого мира.

НОВОРОЖДЕННЫЙ

«Яблочко от яблони далеко не падает», —
 Так издавна говорит народ.
 Но посмотрите:

Как далеко откатился от греческой яблони
 Этот краснощёкий плод.

В какую даль он сейчас отброшен
 Бурей недавних событий!

А сам он глядит так невинно и мудро
 На мир, на это ясное утро,
 Глядит — и ещё не знает,
 Что от рожденья — изгнанник он,
 Как о своей беде не знает ещё младенец,
 Если на свет он слепым рождён
 Или, если передан по наследству
 Ему тяжелый недуг.

Мы стоим вокруг,
Вчерашних сражений солдаты,
И молчим, склоняясь над ним, и ждём —
Вот он поднимает глаза и скажет:
— Вы виноваты.

Молча на мать его смотрим мы
И невольно гордимся ею:
Всегда спокойна, всегда смела,
Ещё недавно она была
Лучшей подносицею снарядов
Нашей повстанческой батареи.

И своего ребёнка держать
Не научилась ещё как мать:
Она его в руки берёт,
Как несколько лет назад в руки брала снаряд,
Бивший по вражьей ноци.

И всё же она ни за что не хочет,
Чтоб другие женщины ей помогли:
— Нет-нет, научусь! Хоть и очень трудно, я знаю,
В такой дали
От родного края
Свой материнский долг исполнять,
Потому что не будет здесь у меня
Помощников тех, что день изо дня
Имеет у нас даже самая бедная,
Самая одинокая мать:
Здесь солнца Парнасских предгорий нет,
Здесь ветров Эгейского моря нет,
Здесь нет оливковых рощ тенистых,
Другой даже неба цвет!
Я должна быть матерью здесь вдвойне,

Чтоб заменить ребёнку вполне
 Греческий ветер, небо и солнце —
 Всё, чего нет в другой стороне.
 Не так ли, сражаясь с врагом, проклятым,
 Вдвойне мы должны были быть солдатами,
 Чтоб заменить самолёты и танки,
 Так нехватавшие нам на войне! —

Мы ехали вместе, и всю дорогу —
 От родильного дома и до порога
 Новой квартиры в тихом предместье —
 То втихомолку плакала мать,
 То опять, забывая свою тревогу,
 Смеялась громко, прижав ребёнка,
 Точно боясь его потерять.
 А муж её, ко мне наклонясь,
 Шептал: — Послушай, один вопрос,
 Хоть, может, об этом и спрашивать глупо:
 Тому, кто лишился одной ноги,
 Дают инвалидность второй группы,
 Тому, кто лишился обоих глаз,
 Дают инвалидность первой группы,
 А нас
 Лишили отчизны враги,
 Какой же группы мы инвалиды? —
 И столько было в его словах
 Горечи и обиды!

— Мы возвратимся! — ему отвечал я. —
 Мы возвратимся, чёрт побери!
 Ещё мы дождёмся новой зари,
 Мы — только временно инвалиды!
 Мне тоже этот покой постыл.

Что же, ты прав: мы сейчас похожи
На раненых, на отправленных в тыл —
С одной только разницей: раненый может
Лечиться в тылу, а тебя и меня
Вылечит только передовая,
Когда разгорится на опалённых,
Каменных склонах нашего края
Новая полоса огня!

И всю оставшуюся дорогу
Молчали мы трое хмуро и строго,
И нашей бегущей из сердца радости
Печаль подставляла ногу.
Но когда мы подъехали к дому!..
Весь квартал нас ожидал с нетерпеньем,
А у самых дверей большая толпа собралась:
Старые и молодые ждали.
И приставляли ко лбу ладони,
От новорождённого младенца,
Как от солнца, слепящего,
Заслонясь.
А их глаза
Были распахнутых окон бездонней,
И в этих окнах — вся, без утайки,
Радостью и теплом дыша,
Подобно гостеприимной хозяйке,
Стояла с улыбкою их душа!

Народу, народу! А перед толпой —
Русский держит баян резной,
Рядом — грек с певучею лирой
И смуглый узбек со звучной зурной.
Три песни пришли с трёх сторон земли,
Разливаясь волною звонкой.

Три добрых волшебницы появились,
 Чтоб встретить родившегося ребёнка!
 Одна – курчавая, как на просторе
 Тёплые волны Эгейского моря.
 Другая – с длинными волосами,
 Что льются, как реки Русского края.
 Третья – с косичками,
 Тонкими, длинными,
 Что руки умелые заплели.
 И кажется: это бегут арыки
 По светлым равнинам
 Узбекской земли.

Могла ли ты этого ждать, мать?
 В твой радостный час над сыном твоим
 Склонилось с приветливой вестью
 Русских глаз, и узбекских глаз,
 И греческих глаз живое созвездье.
 Это – Восток, и Север, и Юг.
 Сомкнули круг над твоим ребёнком,
 Улыбаясь ясным его глазёнкам,
 Как хоровод волшебных подруг,
 Как добрые вестницы, что склоняют
 Над ним свой ласковый взор –
 Хмурому Западу – злой кудеснице
 Наперекор!

Первый крёстный – русский столяр
 В шапке льняных волос –
 Ему сосновую, крепкую, новую
 В дар колыбель принёс:
 – Упорны мы, русские, в каждом деле,
 Прочные делаем мы колыбели.
 Все знают: у нас мастера неплохи,

Строить на совесть была наша цель,
Когда в Октябре мы новой эпохи
Великую строили колыбель! —

Второй его крёстный — смуглый узбек
С весёлым прищуром глаз,
Узнав, что на свет родился человек,
Принёс в подарок мягкий матрас:
Хлопком с бескрайних полей
Набитый,
Шёлком, что неба светлей, покрытый,
Тёплый матрас:
— Люди у нас
С древней поры добры и щедры,
А ныне, когда исчезают пустыни,
Развеялось горе и белым морем
Хлопок разлился по всей стране,
Когда полноводнее стали реки,
Скажу вам с гордостью: мы, узбеки,
Гостеприимнее стали втройне!
Хлопок, хлопок — богатство страны,
Столько его вокруг,
Что, честное слово, свались с луны —
Не разобьёшься, друг!

А третий крёстный — курчавый грек,
Цветист и ярок его подарок?
Женщины из Марьяса ткали,
Девы с Олимпа узор вышивали,
Чтоб тёплым было, как сердце грека,
Слепило, как пламя его фантазии,
Вещими образами сияло
Это расшитое одеяло.
С грозной палицей, к небу воздетой,

Геракл кидается с крутизны,
 Чтоб до рассвета палицей этой
 Уничтожать недобрые сны.
 А вот – плывёт на своём корабле
 Одиссей, хитёр и упрям,
 Чтобы во мгле полночных теней
 Ребёнка возить по дальним морям.
 А вот – Прометей:
 Он будет с рожденья
 Всегда озарять его сновиденья
 Огнём, похищенным для людей!

А рядом с ними – над вековыми,
 Крутыми вершинами греческих гор,
 Стоит борец, из конца в конец
 Озирая родной простор,
 Стоит на виду, рубежи храня,
 Держу за узду
 Коня.
 А конь – проворный и непокорный.
 Гордая стать, молодая прыть, –
 На нём он ребёнка каждую ночь
 Будет в Грецию уносить!

О, полюби его всею душой своею,
 Наш самый юный изгнанник!
 О, полюби
 Его и глубже, и горячее,
 Чем Одиссея и Прометея,
 Чем даже Геракла,
 Потому что их сила давно иссякла
 И могут, твоею мечтой владея,
 Только в славное прошлое тебя уносить они,

А этот герой полночной порой
 Будет во сне уносить тебя на коне
 В грядущие дни!

А когда-нибудь утром перед тобой
 Он встанет, радостный и живой,
 И руку протянет в ясный простор,
 В дальнюю синеву,
 Услышишь, как скажет он:
 – До сих пор
 Мы только во сне бывали в родной стране,
 Возвратимся же наяву!

Да, так и будет! Мы возвратимся!
 Мы возвратимся, друг!
 Даже если все дьяволы преисподней
 Соберут своих подлых слуг,
 Нам помешать желая!
 Знаю: станет свободной наша земля родная,
 Мы возвратимся к ней,
 Потому что столько ветров-друзей
 Будут нам в пути помогать,
 Чтобы ветры Греции нас овевать могли опять!
 Потому что столько союзниц-звёзд
 Будут этот путь озарять,
 Чтобы звезды Греции нам сверкнули вдали
 опять!

Мы возвратимся, друг!

РУССКИЙ ЯЗЫК

Он был огромен, как земля России,
 И мы его совсем не понимали,
 И все слова нам были незнакомы,
 За исключением одного «Товарищ!»
 «Товарищ» — это слово-проводник.
 Сквозь дебри слов оно ведёт, нас — к людям,
 «Товарищ!» — говорю я русским братьям
 И тычу пальцем в золотой оазис,
 Сверкающий среди голубой пустыни.
 И русский отвечает: это — солнце.
 У солнца есть две важные планеты,
 Необходимые для нашей жизни.
 «Товарищ!» — я кричу,
 и тычу пальцем,
 И люди называют: «Хлеб! Вода!»
 Я тычу пальцем в проходящий поезд.
 Он мчится вдаль без всяких остановок
 И громыхая, радостно
 встречает
 И провожает множество людей.
 Я говорю товарищам: «Товарищ?»
 И мне, помедлив, отвечают: «Жизнь».
 А вот весна на каблучках высоких.
 — «Товарищ?»
 — Девушка! —
 мне говорят.
 Так постепенно формируем роту
 из слов.
 Она шагает рядом с нами.
 «Товарищ» — это слово-командир.
 Он постоянно пополняет роту,
 Записывая новые слова.

– Куда?
 – Сто грамм!
 – Сто грамм?
 И партизан от смеха
 Садится наземь: – Это далеко –
 За многими горами и морями.
 – Да что ты говоришь!
 Сто грамм –

Здесь на углу.
 И оба долго спорят,
 Покуда выясняют, что «сто грамм»
 У греков означает гору Граммос,
 Ту гору, где сражались партизаны.
 Идём вперёд!
 Сначала наш словарь
 Как утлый чёлн.
 С трудом переплываешь
 Речонки обыденных разговоров.
 Потом он,
 словно парусная яхта,
 Пересекает озеро Газеты.
 Потом он – пароход.
 Но небольшой
 Рассказ прочтёшь,
 а больше – и не думай.
 Потом он – океанский пароход.
 Он море Пушкина переплывает
 И в море Маяковского плывёт!
 О русский, необъятный и бескрайний
 Язык!

Поклон от моряков
 Гомеровского океана!
 Сибирскую тайгою закалённый.
 Пустынными ветрами опалённый,

Гремучими дождями окроплённый,
 Прими поклон ты, океан-язык!
 Твоё «люблю» как шум листвы весною —
 Оно такое милое, родное,
 Но в этом слове —

также привкус

И звук его загадочен и странен,
 Как разговор звезды с другой звездой.
 Твоё решительное «ненавижу!»
 Сурово, словно рёв пурги.

Твоё «страдаю!

Содержит тяжесть кандалов железных,
 Тех кандалов,

что некогда томили

И декабристов, и большевиков.
 А в слове «радуюсь» — колокола
 Кремлёвские,
 Что некогда встречали
 Пожарского,

а позже поздравляли

Со взятием Берлина весь народ.
 Идём, идём,

шагаем по безмерным,

На степь похожим

далям языка.

По временам встречаем здесь цветы,
 Знакомые нам с детства.

«Театр» и «стих»

И «философия», и «рифма».

Корни

Они пустили на твоей земле.

Недаром ты Мичурину – земляк,
Язык России.

 Ты давно привил
Их черенки
 к стволам своих деревьев,
И многие столетия зеленеют
Под русским небом Греции слова.
И ты им помогаешь сохранить
Звучание и смысл родной земли.
Но разве ты останешься в долгу,
Язык России?

 Русские слова
Благоухают на лугах народов
Пяти материков моей земли.
Век веку лучших слов не подарил,
Народ народу больше не оставил,
Чем обошедшее всю землю слово
«Совет!»

A stylized, geometric illustration of a Belarusian town. The scene is composed of various angular shapes in shades of blue, green, and brown. In the center, a large church with a prominent tower and spires is depicted. To the left, a crane is shown in flight. The background features rolling hills and a sky with soft, blended colors. The overall style is reminiscent of modernist or constructivist art.

БЕЛОРУССКАЯ
ТЕТРАДЬ

БЕЛОРУССИЯ

I

Ты со мною была так добра,
 Так была мне близка и знакома,
 Как огонь партизанского костра
 У меня на родине, дома.

Всё леса, леса и леса,
 Все деревья годятся на мачты,
 Чтоб на них натянуть паруса
 Корабля моих песен начатых.

Ветер, ветер, свежий и сильный,
 Паруса надувает туго.
 И летит корабль, как на крыльях,
 К сердцу друга.
 Все дома – гостеприимные гавани,
 Говорили: «Добро пожаловать!»

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Быстро солдат находит
 общий язык с солдатом.
 С Минском я очень быстро
 общий язык нашёл.
 Хотя белорусская речь
 звучит для меня непонятно,
 Но речь окопов и взрывов
 знакома мне хорошо.
 Я понимаю горе эвакуации,
 горе,
 Когда захватчики
 с криком
 вламываются в ваш дом.
 Я понимаю радость,
 когда отвоёван ваш город.
 С речью красного знамени
 я хорошо знаком.
 Красное знамя над Минском!
 Над кладбищем
 каменных зданий...
 Когда оно снова
 взмыло над городом в первый раз,
 Ему улыбались руины,
 как улыбается раненый,
 Чувствуя, что приближается
 выздоровленья час.
 Хотя белорусская речь
 звучит для меня непонятно,
 Но я понимаю радость,
 поющего вновь гудка,
 Зовёт он людей и солнце
 на трудовую вахту,

В нём – нетерпенье неба
и нетерпенье станка.
Огромных строительных кранов
понятны мне
изречения,
Стоят они, как орудовцы,
руку свою подняв.
Почётна у них работа:
не им ли подвластно
движенье
На перекрёстках нынешнего
и завтрашнего дня!
Я понимаю речь молота,
речь трактора, за которым
В поле колхозном тянется
глубокий след борозды.
Мне хорошо понятен
язык современной истории,
Она глубоко в моём сердце
свои оставляет следы.
Я понимаю речь города,
поднявшегося из праха.
Такой же порывистый,
страстный
язык у моей мечты...
Страна моя! Твёрдо я верю,
что, скоро,
что, может быть, завтра
На этом гордом наречии
заговоришь и ты.
Тысячами солдат,
что ещё домой не вернулись.
Матерью, что горюет,
не зная, где её сын,

Измученными сердцами,
 чьи раны не затянулись,
 В Минск я сегодня послан,
 как завтрашний день Афин.
 Город-солдат!
 Язык твой
 я хорошо понимаю,
 Ибо и сам
 похож я
 на город
 в руинах войны:
 О кровле родного дома
 я только лишь вспоминаю,
 Брата, отца и матери
 мне голоса не слышны.
 Всё это стёрто,
 всё это —
 в далёкой эвакуации,
 Страшная эвакуация
 самых простейших слов,
 Самых простейших радостей,
 тех, без которых,
 кажется,
 Я иногда задохнуться и умереть готов.
 Город-солдат!
 Мы в чём-то
 действительно очень схожи,
 Меня не покинули вера,
 упорство
 и воля к борьбе.
 Тебя твои партизаны
 не покидали тоже,
 Они уходили в подполье,
 чтоб лучше служить тебе.

Я верю,
 простые радости
 вернутся,
 быть может, скоро,
 Как в Минск
 врагов изгоняя,
 вернулись его сыновья,
 И муза моя оденет
 свою рабочую форму,
 Стихи, как леса новостроек,
 счастливый,
 воздвигну я.
 Счастливый,
 я выйду на стройку
 многоквартирных зданий,
 Буду трудиться упорно,
 чтоб в каждую из квартир
 Вселились счастливые люди,
 забывшие об изгнанье,
 Чтоб справили новоселье
 работа,
 радость
 и мир.

ВСТРЕЧА

Полночь. Дождь.
 Свистопляска потопа и мрака.
 Словно мокрой метлою,
 Ливень с улиц повымел людей.
 Так, ворвавшись в кабак,
 Иной бесшабашный гуляка
 Гонит робких клиентов,
 Чтоб всю ночь пробуюнить
 В компании шумной своей.
 Серпантинном вплетаются молнии
 В чёрные волосы ночи;
 Тонкие ножки дождя
 По паркету пустых тротуаров
 Пускаются в пляс;
 Словно в стены швыряя бутылки,
 Подгулявшие громы грохочут,
 Да задиристый ветер скандалит,
 Кого-то браня с пьяных глаз.

Только я не из робких!
 Покинув вокзальные своды,
 Я ныряю в грозу
 И, локтей да боков не щадя,
 Пробиваюсь сквозь вой штормовой непогоды,
 Сквозь шумливые толпы дождя.
 Мне навстречу шагнув,
 Белорусский мой друг раскрывает объятия.
 Гостеприимства солдат,
 Он в любую погоду в строю.

Ливень, ливень, ты надеялся нам помешать?
 Посмотри, как встречаются братья, –

И не трать понапрасну
 Лютую ярость свою.
 Мы – поэты, и значит
 Нам неистовство бури знакомо,
 Наша сила и мощь
 Ураганам и грозам под стать,
 Нам известны повадки,
 И ветра, и града, и грома,
 Мы давно научились
 Безумство стихий укрощать.
 Гром, да ветер, да дождь!
 Мы не раз вас за гриву хватали,
 И лассо наших строф
 Над вами свистело не раз,
 И не раз вы всю силу свою
 Полёту стиха отдавали,
 Выполняя поэта приказ...

Слушать команду мою!
 Прекратить посторонние речи!
 Ветер, ну-ка, отставить
 Ненужные споры с дождём!
 Станьте воинской частью,
 Караулом почётным, застывшим для встречи!
 Салютуй в честь поэтов, гром!
 Молнии, взвить фейерверков пламя,
 Тучи, на миг придержите бег, «Ура! кричите
 вместе с ветрами,
 Радуйтесь: встретились братья –
 Белорус и грек!

Ливень, ливень, дружище,
 За верную службу поэтам

Будет дан тебе орден:
Лучшая песня, рождённая в нашей груди...

Ливень, ливень...
Я знаю, над Белоруссией летом
Часто идут дожди.
Учёный метеоролог
На тему такую
Представил бы, верно, целый трактат.
Но мы с Аркашей – поэты,
И мы эти вещи толкуем
На свой, на поэтический лад.
Всё объясняется проще простого:
Белоруссия
Щедрой красою своей
Со всех уголков шара земного
Привлекает легионы туристов-дождей...

Ливень, ливень,
Какой ты упрямый дурень!
Неужто тебе не наскучило лить?
Ведь ты – игрушка
По сравненью с бурей,
Которую нам довелось пережить.
Ведь мы, поэты,
Ведь мы, солдаты,
Не опускаем голову
Под натиском вражеских сил.
...Так с поднятой головою
И печалью в сердце
Из Афин уходил я когда-то,
Так Аркаша из Минска
Под огнём врага уходил.

Он шёл вот по этой улице.
Стояли дома одиноко.
Измученный город скорбно притих
И зажмурил глаза тысячи окон,
Чтоб отступленья не видеть
Сыновей из заводов своих.
Вспоминает Аркаша:
«С молчаливой тоскою
Вещи
Взглядом молящим своим
Говорили:
Возьми, захвати нас с собою,
Мы достаться врагу не хотим.
Даже ложки да чашки тоскливо бренчали:
Забери, сохрани, сбереги...
И горестно книги на полках кричали:
Нас в костёр побросают враги...»

Я вхожу в его дом.
— Ну и как, ты сберёг их, Аркаша?
Много ль старых друзей довоенных
С тобою вернулось назад?
— Много! Вот она, славная гвардия наша,
Вот они, книги, — на полках стоят...
А ложкой — вот этой — четыре года
Хлебал я и слёзы, и порох, и дым... —
И он улыбается нежно и гордо.
Воспоминая...
Видать, их скопилось немало,
Ими сердце солдата до края полно.
Мой друг вынимает их бережно —
Так из подвала
Для гостей достают
Дорогое хмельное вино.

Мы в домашнем уюте
 Промокшую сушим одежду,
 Как, бывало, в лесу у ночного костра.
 И нам светят
 Зовущие в завтра надежды,
 Нас греет память о том,
 Как мы вместе боролись вчера.

Он – белорус.
 Я – грек.
 Мы – разных народов дети.
 Наши края
 Друг от друга так далеки...
 Но перед временем
 Мы оба равно в ответе,
 Наша родина – век двадцатый.
 Значит мы земляки,
 В большом многолюдном доме,
 Которому – человечество имя,
 Мы оба живём с незапамятных пор.
 Его белорусская комната,
 Моя греческая комната
 На одно и то же солнце
 Окнами смотрят своими
 И обе выходят в одну большую идею,
 Как в один коридор...

Так сидим и толкуем о будущем
 Мы с Аркашей.
 По-прежнему гремит и сверкает
 Гроза за окном.
 Мы знаем, что за океаном,
 Зловещ и страшен,
 Гремит и сверкает атомный гром.

Но мы – поэты.
Но мы – солдаты.
Мы знаем: и эту бурю
Человечество укротит,
И вихри атомных гроз,
Войною чреватых,
В помощников верных своих
Оно превратит.
И сделает так,
Что страха в душах не будет,
И только улыбки вспыхнут вокруг,
И под крышею всех времён
Будут верить и знать все люди,
Как под этой белорусской крышей
Встретились я и Аркаша, мой друг.
И вечером, спать ложась,
Будут верить и знать все люди,
Что не вой сирены,
Не снаряда свист –
Ясное солнце их утром разбудит,
И будет горизонт безмятежно чист.
И ещё их разбудит светлое беспокойство
Манящее, необыкновенное, –
Беспокойство о новых поэмах,
Что властно в душу стучат...
Белоруссия, доброе утро!

Доброе утро, Вселенная!
Доброе утро, человек,
Мой брат!

ОЗЕРО НАРОЧЬ

Тёплый утренний свет
над спокойным заливом.
Нарочь —
светлая водная гладь без конца,
Как волшебное зеркало,
где становится сразу красивым
Отраженье любого лица.

Над кормой наклонившись,
смотрю на своё отраженье,
Вижу: сходят морщинки и шрамы.
И на висках седина
Растворилась, как соль.
И на сердце растаяли тени,
И оно, словно Нарочь,
прозрачно до самого дна.
Небо — чистое, ясное,
словно сегодня решило
Широко распахнуть свою душу для всех;
Далеко берега, как зелёные крылья,
И земля — так и кажется, —
взмывает над озером вверх.
В светлом зеркале Нарочи —
мир мы видим
другими глазами,
Шепчут губы воды
тем, кто смотрит
на синюю гладь:
«Вы прекрасней и лучше,
чем считаете сами,
Но ещё прекрасней и лучше
вы можете стать».

Нарочь,
 озеро Нарочь — голубая долина,
Голубая поляна среди белорусских лесов,
Что-то есть здесь неясное,
 неуловимое,
Что волнует меня,
 словно Греции слышится зов.
Может быть, это сосны,
 что с берега в воду глядятся,
Может быть, это запах земли —
 пахнет солнцем она,
Так как будто всю ночь
 на зелёном матрасе
Отдыхало здесь солнце
 во власти глубокого сна.
Может быть это свет,
 отфильтрованный
 синью озёрной,
Или ветер,
 сюда долетевший
 из чащи лесной,
От которого листья трепещут,
 как ворот
Светлой блузки на девушке,
 опьянённой весной.
Я не знаю, но что-то
 здесь очень похоже
На далёкую Грецию.
 Озеро кажется мне
Нашим греческим морем
 и память тревожит
Чередой картин,
 что порою я вижу во сне.

«Не всегда наша Нарочь, добра...»
 бывает такой присмирившей, —
 Говорит мне рыбак, —
 «Не всегда наша Нарочь добра...»
 Но мне кажется озеро
 белорусской красивою девушкой,
 Что сегодня для гостя
 по-гречески
 свои песни поёт с утра.
 (Друг мой Пимен на стол положил мне снимки
 Парфенона и Дельф, чтобы дом его стал
 мне родней,
 А Петрусь постарался,
 чтоб к ужину были маслины...
 Нарочь — очень похожа
 на моих белорусских
 друзей).

Нарочь! Нарочь!
 Сегодня мне кажется Греция ближе,
 Стоит только на вёсла налечь —
 И я выйду к родным берегам:
 Волны режет баркас,
 мать встречать меня вышла,
 Я причалю сейчас и улов ей отдам.
 Нарочь! Нарочь!
 Сегодня всей душой я мечтаю
 О том дне,
 когда кто-нибудь
 из твоих сыновей
 Будет гостем моим,
 будет гостем пирейского края,

Саронических вод, что небес голубей.
 «Как красиво! — он скажет, —
 красиво, как Нарочь весною».
 Фотографии Минска и Бреста
 он увидит в альбоме моём,
 Белорусское блюдо
 в честь гостя
 нам мать приготовит.
 Мы за нашим столом белорусскую песню споём.
 Вот какие мечты
 мне навеяла
 Нарочь-красавица,
 Синеглазое озеро в раме лесной,
 Я смотрю на него —
 далеко-далеко оно тянется,
 К горизонту уходит
 и кажется целой страной —
 Необъятной страной красоты,
 что граничит с землёю,
 С небосводом и сердцем людей,
 что граничит с землёю,
 бывает такую,
 Есть здесь тёмные омуты,
 бури бывают на ней, —
 Говорят рыбаки, —
 «Иногда покрывается волнами,
 Может лодку залить,
 может вовсе отправить на дно...»
 «Ну и что ж, — отвечаю, —
 ведь в общем-то озеро
 доброе,
 Не как ангел, конечно,
 такое, как люди, оно.

Мы порой ошибаемся тоже,
 совершаем поступки дурные,
 Но по сути своей
 мы добры
 и противники зла...»

Тихо-тихо на озере,
 сосны стоят вековые,
 В голубые глядят зеркала.

Нарочь! Нарочь!
 Смотрю на своё отраженье,
 Вижу сердце своё,
 вижу душу свою,

А вокруг тишина,
 только там в отдаленье

Вижу лодку другую.
 Проворно с неё

Загорелая девушка
 в воду ныряет,
 И круги, разбегаясь, идут и идут.

Эта буря на озере
 быстро стихает,

Эти волны
 покоя лишь мне не дают.

Я хотел бы над девичьим
 сердцем склониться

И увидеть своё отражение в нём,
 Мне красивым,

счастливым
 хотелось бы в нём

отразиться.

Нарочь! Нарочь! Таким же, как в сердце твоём.

ПАРТИЗАНЫ

Только камни одни у них были вначале,
И камнями они часовых убивали
У моста или склада.
Ничего у них не было, кроме камней,
Словно в каменный век отшвырнуло людей,
Шли с камнями в засады.

Но потом они взяли железа куски
И в пещерах ковали ножи и штыки,
Словно люди железного века.
После с помощью этих ножей и штыков
Они порох добыли из складов врагов,
Чтобы делать гранаты.

После с помощью сделанных ими гранат,
У фашистов в бою отобрав автомат,
Век машины вступили.
Так в упорной борьбе,
Через все времена
От победы к победе вела нас война,
Партизаны, борцы-партизаны.
Лом и спички, бутылка с бензином и нож,
В мире проще, чем эти, вещей не найдёшь,
Но такими простыми вещами
Вы творили историю.

В ваших руках
Всё внушало фашистским захватчикам страх,
Партизаны мои, партизаны.

Ваши горы, маки, вами занятый лес —
 Зал, где Нюрнбергский шёл ежечасно процесс
 И фашистов возмездие ждало.
 Вы вобрали в себя гнев погибших бойцов,
 Был всегда приговор справедлив и суров,
 Вы врагу не давали пощады.

||

Полюбили вас горы,
 Вы были для них родниками,
 Полюбили вас травы —
 Вы свежими были дождями,
 Полюбили вас те,
 Кто в неволе был угнан врагами,
 Как надежду свою,
 Что во мраке светила огнями,
 Партизаны мои, партизаны.

Под ногами врага
 Вы как торф белорусский горели,
 Был незримым огонь,
 Но не гас он ни на мгновенье,
 Вы захватчиков жгли,
 Как пылающий уголь, как лава.
 В разных странах земли
 Вас венчали победа и слава.
 Партизаны мои, партизаны.

Для составов врагов
 Остановкой последней вы были,
 И на ваших полянах
 Горели их гордости крылья,
 В путевые листы их солдат

Вы поправки вносили,
 И захватчики путь свой кончали в могиле.
 Кто б вы ни были: греки, поляки, французы,
 Югославы, украинцы и белорусы.
 Враг, чьи дерзко в бою
 Нарушали вы планы,
 Одним именем вас называл:
 «Партизаны!»
 Это слово для ваших врагов означало
 Гибель, смерть и разгром, – где б оно ни звучало,
 Где бы враг ни шептал это слово в испуге:
 На востоке, на западе, севере, юге...

Кто б вы ни были: русские, чехи, французы,
 Югославы, украинцы и белорусы,
 Друг, следивший за вашей борьбой неустанной,
 Одним именем вас называл:
 «Партизаны!»
 Это слово для ваших друзей означало
 Свет и мужество, где бы оно ни звучало,
 И с надеждой в груди повторял это слово
 Юг, пропитанный солнцем, и север суровый.
 Партизаны мои, партизаны.

Враг боялся, когда
 с криком вы
 на него нападали,
 Но когда на вопросах вы гордо молчали,
 Это ваше молчанье
 его ещё больше страшило...
 Песнь молчанья!

Какая в ней твёрдость и сила!
 Как победно она над землёю гремела
 За тюремной стеной и в минуту расстрела.
 Никакому оркестру и хору на свете
 Никогда не подняться
 в симфониях,
 в песнях
 До высот,
 заключённых в молчании этом,
 Прославлявшим достоинство
 гордых и честных.
 Палачи всех времён
 из могил выходили,
 Чтоб гестапо помочь,
 когда мучали вас,
 Но назло палачам
 вы молчанье хранили
 В свой последний,
 свой смертный,
 доблестный час.
 Умирали,
 чтоб снова на землю вернуться,
 Чтоб родиться бессмертными
 славы детьми.
 Ваша правда живёт,
 ваши песни поются,
 Партизаны,
 товарищи,
 братья мои.
 Я сегодня иду
 по лесам белорусским,

На огромной зелёной трибуне стою,
В каждом чистом ручье,
 в каждой ветке и кустике
Слышу песню о вас,
 и о вас свою песню пою.
Партизаны лесов!
 Я в горах воевал партизаном,
Партизаны лесов,
 я от гор партизанских гонец,
Я из дальней страны,
 где сейчас партизанская слава
Вне закона,
 в подполье,
 в глубинах сердец.
Я пришёл к вам сюда,
 как выходят бойцы из блокады,
Из страны подневольной,
 где тыщи людей
Прячут знамя весны,
 прячут знамя бригады
Под простреленной в битвах
 одеждой своей.
Это знамя хранят,
 чтоб при встрече с грядущим,
Встречи с нашими главными силами —
 с будущим днём,
Развернуть его гордо!
 Как сердце, как души,
Этот стяг незапятнан!
 Свет слова на нём.

III

Песнь моя,
 по земле
 ты изгнанницей бродишь,
 Как душа партизана,
 забывшая мир и покой,
 Иногда ненадолго приют ты находишь,
 Но всё время дорога лежит пред тобой.
 Я сегодня в гостях у лесов белорусских,
 К сердцу тянутся ветви, как тысячи рук,
 Хорошо в их зелёных объятьях.
 Я чувствую
 Радость в сердце,
 вступив в этот дружеский круг.
 Лес сегодня похож
 на бойца медсанбата.
 Он склонился над раненым,
 чтобы помочь:
 Перевяжет заботливо раны солдата,
 Уведёт осторожно из зоны отчаянья прочь.
 Солнце, мой проводник,
 впереди за стволами
 То исчезнет, то снова горит среди ветвей.
 Я иду вслед за ним
 к той цветущей поляне,
 Где грядущее сложит для песни моей
 Полный света финал,
 полный радости чистой,
 Как звенящие счастьем ручьи.
 Я иду, солнце светит
 сквозь ветви,
 сквозь листья...
 Партизаны, товарищи, братья мои!

Братья! Ваши леса буду помнить я долго,
Как боец-партизан
 долго помнит короткий привал,
На котором, уставший,
 отдохнул он немного
И потом на задание снова шагал.

ДВЕ МАТЕРИ

Под крышей дома,
под этим маленьким небом,
где никогда не закатывается
солнце большой доброты,
приняла меня ты,
ласково встретила меня ты,
мама Тамара.

И я вошёл в твой дом,
в этот храм души материнской.
И сразу сердце моё наполнилось
треском огня в твоём очаге,
звоном тарелок, стуком ящиков.
Для меня всё это было не просто шумом,
это были великие звуки
гимна гостеприимства!

Переступил я порог дома
и твой поцелуй материнский
закружил моё сердце,
как вино кружит голову человека,
который не пил годами.
И от твоего светлого взгляда

глаза мои заслезились,
как слезятся в полдень глаза человека,
который не видел солнца годами.

Да,
на многие, многие годы
жизнь лишилась моя
и этого солнечного взгляда юга,
и этого солнечного поцелуя.
Целый вечер сидел я в доме твоём,
рядом сидели твои сыновья,
а ты стояла за моей спиной,
положа мне на плечи добрые руки.

До сих пор я их чувствую, эти руки,
как будто толкают меня они,
толкают, чтоб я одолел побыстрее
крутую жизненную дорогу.
Ты стояла и спрашивала меня:
«На маму твою я похожа?
Взгляни...»
– Нет, не похожа ты, мама Тамара.
Совсем не похожа...
Как не похоже дерево,
которое гордо держит листву,
на другое,
у которого листья опали.

Посмотри:
твои дети рядом с тобой,
мама Тамара.
Правда, было время, —
и мама моя
очень была на тебя похожа.

Но это время так далеко,
как детство моё, мама Тамара.
И так оно близко,
как наша встреча сегодня.

Мой край, мама Тамара,
лежит на этой же параллели цветущей,
которая простёрлась над нашими землями,
будто ветка.

Солнце в моём краю — так же, как здесь —
самый лучший,
самый близкий сосед человека...

Входила мама в столовую,
так же, как ты, —
и приносила тарелку с зеленью.
И было радостно ей,
будто она приносила не зелень
удивительной красоты,
а просто взяла и весну разделила
в тарелки своих сыновей.

Входила мама в столовую,
так же, как ты, —
я помню, —
и приносила ежедневное лето —
горячее блюдо,
в котором были все запахи августовского полдня,
даже когда за окном зима бушевала люто.

Она суетилась.
А мы говорили:
— Мама, ты отдохни, не кружись... —

И она над нашей заботой детской смеялась всегда,
отвечая взглядом:

— Мать — это жизнь!
А жизнь неподвижной
не может быть никогда...

Ты похожа,
похожа на маму мою, мама Тамара.
Так, как похожа на Грузию Греция.
Солнце нежное светит над вами.
Наверное, в его школе
вы научились так нежно ласкать своих детей.
И горы, которые выстоят
при любой непогоде,
наверно, учили вас
голову перед бедой не клонить.
Вы учились, наверно,
в школе вашего голубого неба,
которое редко покрывается ржавчиной облаков...

Сколько спящих слов
пробудила ты в сердце моём,
мама Тамара!
Эти слова ледниками высились
на вершинах моей души.
Но сегодня их растопил твой взгляд,
и я стал похож на землю во время весеннего таянья
снега.

Многие годы, мама Тамара,
молчал я.
Это молчанье
загородило сердце моё,
как обвал —

тропинку в горах.
Но сегодня мы сдвинули камни молчанья
своими плечами,
мама Тамара.
Нет, я не забыл, как должен сын говорить.
Так не может забыть моряк,
который годами не путешествовал,
язык ветров и звёзд.
Нет, я не забыл!
Сегодня я в этом уверен.
Эту уверенность ты мне дала,
мама Тамара!

Ты рядом стоишь,
держишь руку мою в своей,
и улыбаешься, как садовник,
ласкающий ветку дерева.
Садовник, радующийся,
что вчерашний град её не убил.

Ты рядом стоишь
и слушаешь, как говорю я о маме моей,
и улыбаешься,
будто слушаешь раннюю песню ласточек
после ночной грозы.

Доброй ночи, мама Тамара!
Твоё вино было светлым.
Твой взгляд – нежным.
Песни твоих детей – сильными.
И ночь Тбилиси такая спокойная и ароматная,
будто вся земля вокруг
стала комнатой матери...

Всё говорит,
 что сегодня во сне я увяжу
 маму мою.
 Всё говорит,
 что завтра меня разбудит
 улыбающаяся надежда
 возвращения.

ТАМАДА

Я помню,
 Хотя с тех пор забылось многое,
 Родную мать, суровую и строгую,
 Её слова, — не скрою —
 Мало льстившие,
 И руки, нас порою
 Колотившие
 За то, что двоек было в дневниках
 Не менее, чем дырок на штанах.

Кричала мать,
 И молча мы терзались,
 И червяками
 Мы себе казались,
 Которым место только под землёй...
 Так и стояли,
 Опустивши головы,
 Не ожидали
 Окончанья скорого
 Той справедливой критики, но злой.

Бранилась мать,
 А брат её был рядом,
 И с братом
 Перекидываясь взглядом,
 Но незаметно, так чтоб мы не видели! —
 И чтоб её глаза её не выдали.

Потом смолкала и, сердито глядя,
 Зачем-то нас подталкивала к дяде,
 А добрый дядя, нежный и внимательный,
 Нас целовал или дарил свисток,
 И утешал, и сглаживал, как мог,
 Обидные слова сердитой матери.

Он говорил нам:
 — Вы не так уж плохи!
 А эти материнские упрёки
 Обидны хоть, но их легко понять:
 Спины не разгибает над корытом
 Мать круглый год и голосом сердитым
 Кричит на вас.
 Но ведь она вам — мать!

И вот мы снова поднимали головы,
 Повеселев, как молодые голуби,
 Что осушают
 Крылья после бури
 И исчезают
 В голубой лазури.

.....
 И дядю,
 Что так рьяно
 Утешал нас
 И постоянно

К солнцу приближал нас,
 Напоминаешь мне спустя года.
 Мой тамада,
 Мой добрый тамада!

Вокруг стола мы собрались опять,
 И жизнь бранит нас,
 Как бранила мать.
 И снова мы, как в детстве, смущены.
 А жизнь кричит нам:
 – Дети бестолковые,
 Стихи и песни ваши пустяковые,
 И книги ваши двойками полны.
 Какой же прок от вашего труда?
 Она ругает нас и не смолкает.

МОСТЫ

Ночь.
 Прозвучало три.
 Мосты
 Встают, как часовые,
 Чтоб до ухода темноты
 Следить суда морские.
 (Едва суда войдут в залив,
 Нева их дальше тащит.
 Так грузчик, на спину взвалив,
 Огромный тащит ящик).

Ночь.
 Подняты мосты.

Путей
 На правый берег нету.
 Я вёл в кругу своих друзей
 Неспешную беседу.
 Над крышами спускалась мгла,
 Ночь подходила с тыла,
 А время около стола
 На цыпочках ходило...

— Теперь не попаду домой, —
 Вздохнул мой друг, опомнясь, —
 Мать будет думать: что со мной?
 Прождёт меня всю полночь.
 Как тягостно родную мать
 Взять и обречь на муку,
 Тебе наверно не понять?
 — Понять, — сказал я другу.

Двенадцать лет, как длится ночь
 Моей разлуки с домом!
 Крепка она —
 Не сковырнёшь
 Ни заступом, ни ломом.
 И время,
 Как застрявший скат,
 Зазря буксует в яме...
 Не выедешь:
 Мосты стоят.
 Ты стояла и спрашивала меня:

То милости у неба ждут,
 То смотрят в небо дерзко,
 А то — руками разведут:
 Невиноваты, дескать...

Ночь.
 Подняты мосты.
 Река
 Разлук — неодолима.
 С простёртыми руками!
 Картина эта зрима:
 Ночь и мосты разведены...

Мать, мы с тобой, наверно,
 Живучи... Или нам даны
 Стальные были нервы.
 Ночь и родные голоса
 Ко мне не долетают.
 Их ветры, взмывши в небеса,
 Как коршуны терзают.
 Но замолкают вдруг ветра,
 Как палачи нарочно,
 Чтоб стены жертвы до утра
 Услышать было можно...

Ночь.
 И река разлук черна
 И душу мне терзает.
 А крылья мужества она
 У многих отрезает.
 Хватает у разлуки сил,
 Но всё же не разрежет
 Тот узел, что меня срастил
 С далёким побережьем!

Ночь. Ночь.
 И подняты мосты,
 Как руки, что клянутся
 За все мученья отомстить

И победить — клянуся!
 Ночь. Ночь.
 И подняты мосты.
 ...Но вот уже светает.
 Нева всю копоть темноты
 Платком зари стирает.

Ночь сникла.
 И мосты сейчас
 Напоминают длани,
 Благословляющие нас
 На славные деянья!
 Соединяя берега,
 Опять сдвигают плечи —
 И расставания река
 Течёт рекою встречи.

Всё стало по своим местам.
 И солнце — знаменосцем —
 Идёт по сдвинутым мостам,
 И люди вслед за солнцем
 Идут, спокойны и горды.
 Дороги их прекрасны,
 И все грядущего мосты
 Их мужеству — подвластны.

И вот, чтоб успокоить мать,
 Уходит мой товарищ.
 Он говорит:
 — Минут за пять
 Доеду на трамвае.
 А ты в такси или в метро?
 — Нет, — отвечаю другу.

И, подмигнув ему хитро,
Протягиваю руку
Туда, где, вставши на причал,
«Аврора» серебрится...
С таким бы кораблём желал
В Афины возвратиться!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СЕНА

Семь миллионов греков.
Полмиллиона умерших
Только в одних Афинах,
Павших голодной смертью.
Голод рукою синей
Двери крестами метит.
Сорок второго года
Надвигаются смерчи.

Греция – малая нива,
А урожай – до неба!
Видно, январь – для смерти
Стал благодатным июлем...
И манили цыганки
Баснословным посулом –
Не богатством и счастьем –
Чёрствою коркой хлеба...

Воет свастика, этот
Крест с четырьмя клещами.
Словно кресту сломало
Руки и ноги смяло,

Словно его в гестапо
 Продержали немало,
 Мучали и терзали,
 В своего обращая,

И палачом недавно
 Бросили к людям, к странам...
 Стал он хромым Гефестом,
 Всюду куёт он цепи.
 Но высоко над всеми
 Странами, в синем небе
 Жёлтый колокол солнца
 Биться зовёт с тираном.

Разные люди – смотришь –
 Всюду одна одежда.
 Разные страны – смотришь –
 Всюду одна погода.
 То солдата одежда,
 То погода похода!
 Север и юг – едины:
 Всюду одна надежда.

Мне кажется, что мной век,
 Поднятый на планете:
 Бьют его ураганы,
 Злобные хлещут ветры.
 И свобода сегодня
 Через тёмные недра,
 Сквозь городов руины
 Трудно идёт к победе.

Мир стал простым: шинели,
 Сапоги, автоматы.

Проще узнать друг друга
По оружию и платью.

Стали совсем похожи,
Точно родные братья,
Малые государства
И державы-громады.

Говорят, что шинели
Прячут людей. Неужели?
Многих в те годы встретил
С севера, с запада, с юга.
Опознали друг друга,
Поняли мы друг друга
Лучше, когда надели
Боевые шинели.

Лучше тогда я понял,
Город великого Ленина!
Был он Афинам братом
По огню и по голоду.
Не опустил он голову.
Прямо держал он голову,
Голову нашего бурного
Неповторимого времени!

Ночь сошла на Европу.
Мрак нависал повсюду.
Неприглядна, как в джунглях,
Полночь была в Афинах.
И, как сверкает злоба
В хищных глазах звериных,
Так же сверкали окна
В ресторане иуды.

Помню я, жил предатель
 Неподалёку от пристани,
 И ресторан открыл он
 Только для оккупантов.

И точно глотка пьяного,
 Зов: «Смерть фашизму!» – выпел,
 «Идут, идут, продвигаются!..» –
 Передавало неистово.

«Испепелённую Африку
 И снеговую Россию
 Запрягут в колесницу
 Непобедимого райха!
 Идут, идут, продвигаются!..
 Идут, не ведая страха.
 У самого Ленинграда
 Стяг уже водрузили!»

Идут... Идёт и предатель...
 В чёрной его карете
 Золотые монеты
 Крутятся, как колёса.
 Во дворе вырастают
 Мусорные отбросы...

Цезарем он хохочет,
 Наблюдая, как дети,
 Гладиаторы голода,
 Бьются друг с другом рьяно,
 Как из-за корки хлеба
 Борются не по-детски...

Но почему вдруг «цезарь»
Сгорбился по-лакейски?
То показались наци
У дверей ресторана.

Верный их пёс, находка!
Нету подлее гада.
На стене ресторана
Взял и вывесил карту.
С той поры ежедневно
Отмечал аккуратно
Продвиженьё фашистов
К городу Ленинграду.

И замазывал чёрным
Радио до упаду:
Красную карту города
Траурной красил тушью.
Красит иуда карту —
Город за горло душит!..
Ходят, вздыхают люди:
— Тяжко им там, наверно...

Позабывши на время
Собственные лишенья,
Спрашивают друг друга:
— Что на стене Ленинградской?
Как там с утра иуда
Чёрной добавил краски? —
И отвечают: — Плохо!
Ленинград в окруженьё. —

Окружённые, бились
 С чёрным потоком. Туго
 Город сжимали петли
 Голода и мороза.
 Вдруг по афинским улицам
 Радостный клич пронёсся:
 – Поглядите на карту! –
 Призывали друг друга.

Ленинградская карта
 Краской покрыта красной.
 А под картой предатель,
 Бледный, вопит истошно,
 Что, мол, ему завидуют,
 Что, мол, хотят нарочно
 С наци его поссорить,
 Но это труд напрасный!..

И покрывает карту
 Тушью густой и чёрной,
 Точно огромный город
 Клеветой покрывает.
 Но не сдаётся город,
 Город не умирает,
 Обмороженный город.
 Гордый, непокорённый.

– Завтра они сдадутся!
 Четыре дома последних
 Завтра поднимут руки,
 Пригороды и деревни,

Так он кричит и карту
 Красит в холодном страхе,

Словно под грязью хочет
 Похоронить бессмертных.

Красил предатель, красил...
 Но сверкала назавтра
 Ясная красная краска
 На стене Ленинградской.
 Сызнова красная краска
 С чёрной сражалась краской,
 Вновь в рукопашной бились
 Истина и неправда.

Наступление пишет, –
 Контратака смывает!
 – Я их найду, повешу! –
 Злобно кричит изменник.
 Но никогда трусливый
 Не испугает смелых.
 У стены Ленинградской
 Бой идёт – не смолкает.

И вот тогда к иуде
 Наци пришли на помощь.
 Ленинградскую карту
 Стали стеречь ночами.

В тайнах своих окопах
 Мы две ночи молчали
 И, не стерпев, для штурма
 Выбрали третью полночь.

И услышали люди
 Выстрелы, стоны, ругань...

Утром узнали: парень
К «наци» попался в руки.
В каземате гестапо
Принял он страшные мўки,
Рта не разжав и даже
Стоном не выдал друга.

И к стене Ленинградской
Привели его. Сгорблено
Было худое тело
От мучений и голода.
Юный, шестнадцатилетний,
Выглядел он немолодо,
Но душа молодая
Мужеством была вскормлена.

Раненою рукою,
Падая, тронул карту.
И уж теперь не краской
Юноша стёр навеки
Ту клевету, с которой
Насмерть сражались греки...

И откуда-то справа
К городу Ленинграду
Алая струйка крови
Медленно побежала
И разрослась на карте
Ладожским коридором –
Красной дорогой жизни,
Трассою, по которой
Верой, теплом и хлебом
Город страна снабжала.

Сорок второй. Сраженья
 Нощно гремят и денно.
 Страны стоят, как сёстры,
 Друг за друга горою!
 И в Ленинграде насмерть
 Бьются с врагом герои,
 Кровь свою проливают
 За Афинскую стену.

.....
 Нынче Афинскую стену
 Я ищу в Ленинграде.
 Благоговей ступаю
 Я у Нарвской заставы.
 Сызнова вспоминаю
 Годы военной славы,
 Партизанские годы, —
 Вы мне родные братья.

Встали повсюду стены,
 А лежали — руины,
 Где же наша, Афинская?
 Та, а быть может — эта?

Высятся стены Мира,
 Но не пришла победа
 К той, где висела карта...
 Мир не пришёл в Афины.

Заокеанской краской
 Та стена разрисована
 Или осталась щебнем
 С сорок второго года?..

Где до сих пор не стала
 Явью мечта похода,
 Там ни люди, ни стены
 Не демобилизованы!

Снова над Ленинградом
 Купол небесный светел.
 Но у людей встречаю
 Тень печали во взгляде,
 Видно, кусок их сердца,
 Принадлежащий Элладе,
 Миром не наслаждался,
 Радости не изведal.

ПРОЩАНИЕ

Прощай! Поднимаются руки... Глаза застилает туманом.
Прощай! Отправляется поезд. И в этот последний миг
Всю панораму города я беру талисманом,
Чтобы оберегала меня от невзгод моих.

Золотая монета солнца – как ежедневная плата.
Опускаясь в копилку времени, тускнеет и гаснет уже.
И эта картина города вместе с картиной заката,
Словно в осколке зеркала, отразилась в моей душе.

Отражается город Ленина, город – солдат и работник,
Город, первым направивший в будущее мосты.
Он – музей печали и гнева и дерзаний самых свободных
От века чадающей лучины до времени красной звезды.

От перрона отходит поезд, и самым родным и близким
Маяком для меня становится этот прощальный миг:
Башни, мачты и трубы и солдатские обелиски
Поднимаются, словно руки, голосующие за мир.

Мир. Мы требуем мира! И в этом мы непреклонны.
Люди, требуйте мира на сегодня и на века!
Ведь много прочней и тверже Александрийской колонны
Наша, за мир голосующая мозолистая рука!

ПОЭМЫ

АЛЖИРСКОЕ СОЛНЦЕ

От одной деревни мы идём к другой,
 убивая врага.
 От одной резни мы к другой резне шагаем всегда...
 Здесь,
 на этой земле африканской очень дорога
 вода.
 Мы пьём её скупю.
 Мы молимся этой воде.
 Но зато на земле африканской — специально для нас —
 Очень дешева местная кровь.
 Наверно, нигде нет крови дешевле.
 И мы её льём, не скупясь.
 Однажды утром в пустыне, по законам этой войны,
 мы расстреливали алжирца.
 И как назло
 не нашли никакой,
 пусть даже заваливающей, стены.
 Но в этот момент за его спиною солнце взошло.
 И было похоже:
 за ним золотая стена,
 и он распротёр руки,
 как будто очень хотел он
 защитить африканское солнце от наших пуль
 собственным телом.
 Он погиб, но спас своего союзника.
 Солнце осталось жить.
 Я понял хитрость алжирца, руками я замахал.
 «В солнце стреляйте! В солнце!
 А то оно убежит!..»
 Я начал стрелять, но сильный удар
 бросил меня на бархан.

Мне сказали, когда я очнулся,
 что это был лёгкий солнечный удар,
 и я не первый француз,
 который подобное на себе испытал...

От одной деревни мы идём к другой,
 презирая страх.
 От одной резни мы идём к другой,
 потрясая оружием.
 Мы идём и несём «Марсельезу» на почерневших
 губах.

Мы поём о Бастилии,
 которую здесь нам надо разрушить.
 Мы идём, идём... Но Бастилии мы не видим,
 а видим деревни,
 которые нам приказывают уничтожить
 огнём и железом.
 Мы встречаем детей и женщин,
 стариков мы встречаем древних,
 которых приказывают расстрелять.
 Мы идём и поём «Марсельезу».
 Однажды я слышал, как пели её и они –
 эти люди, целый город,
 целый африканский город.
 Превратил он каждую улицу в жерло орудья,
 и бросал нам в лицо песни гнева,
 этот город.
 Каждая песня летела на нас
 и крушила
 наши ряды, посильней, чем снаряд.
 Солдаты вязли в песке.
 «Мы хотим свободы!
 Мы требуем равенства!
 Вон из Алжира!!»

Он насытился сном.
 Он желает теперь нам в лицо взглянуть...
 А я мечтаю лишь об одном:
 Уснуть,
 уснуть,
 уснуть.

Мои ноги дрожат, будто мне сто лет.
 Если точно считать — даже больше ста.
 Как всякий колонизатор, я стар...
 А мама в письмах
 называет меня:
 «мой мальчик...»
 Напоминает она мне
 школьные мои года.
 Спрашивает: «Помнишь ли ты,
 как тебя я в детстве журила
 за то, что когда ты возвращался из школы,
 руки твои всегда
 были в чернилах...»

— Мама, мама!
 Я всё это помню прекрасно.
 Но тебе я тайну одну открою:
 Что ты скажешь теперь,
 когда руки мои
 перепачканы кровью?
 Пишет мама:
 «Сынок,
 не волнуйся в дорогах
 за любимые книги свои и тетрадки, —
 никому я не разрешаю их трогать!
 Книги ждут тебя
 и стоят в том же самом порядке.
 Возвращайся скорей.

Я горжусь своим сыном,
самым ласковым сыном,
самым красивым...»

Эти письма подробные я читаю
и смеюсь, и плачу от горечи и стыда.
Так смеётся столетний старик,
о мечте своей юности вспоминая.
Будто в старом скрипучем шкафу,
в сердце своём я роюсь.
В этом сердце должны сохраняться
мои мечты.
И они действительно там лежат
неподвижной горою — пожелтевшие,
грязные, порванные листы.
Ни на что они не годятся.
Ничего от них не добиться.
Впрочем,
из них ещё можно скрутить сигарету
и забыться...
Мне сто лет.
Даже больше, чем сто,
вдвойне!

А два года назад
двадцать лет было мне.
Вы, не смейтесь.
Я безусловно прав.
Математика с самого детства
была для меня делом лёгким.
Не зря ж мне
большое будущее
прочили профессора в науке,
которую я выбрал —

в науке о звёздах далёких.
 Я хотел приказывать
 расстояниям и срокам.

Я хотел стать строителем звёздных трасс,
 я мечтал...

Но годы прошли,
 и сейчас
 я шагаю в Алжире
 по пыльным дорогам.

Звёздные законы я позабыл.
 Я с ними теперь не знаком.

Теперь я солдат,
 оккупант,
 и возражать не смейте, —
 убивать,

убивать,
 убивать! —

Я знаю только этот закон.
 Я — строитель кровавых дорог,
 что ведут к смерти...

Звёзды можно увидеть
 только, когда темно.
 Но я вижу и днём их,
 потому, что для нас здесь и дни
 темны.

Вы знаете, как это страшно,
 всё время видеть одно:
 товарищи, которых ты предал,
 глядят на тебя с вышины.

Я решил не смотреть больше в небо,
 но и это напрасно —
 звёзды
 отражаются

в лужах крови,
 смотрят снизу,
 мне их не счесть.
 Смотрят они,
 как глаза судьи,
 которому всё в моей жизни ясно.
 Смотрят они,
 как глаза алжирца,
 который готовит месть...
 Мы идём, идём.
 Мы ищем врагов,
 а врагов не видно.
 Мы идём, идём.
 От отряда нашего
 осталась лишь половина...

Я люблю смотреть убитым в глаза.
 Всем подряд —
 они голодные и стеклянные,
 взгляд их очень покорен.
 Не угрожают они, не обвиняют, не говорят..
 Когда будет такой и моя душа —
 я буду спокоен.
 Теперь я понял царя Эдипа,
 разобрался в его судьбе.
 Трагедию понял,
 которую прежде
 никак не мог понять:
 он ослепил свои глаза, —
 ослепить надо было душу
 себе!
 Только тогда успокоиться можно.

Только тогда можно спать,
спать...
Мои товарищи спят, как дети.
Я завидую снам их душным.
Мои товарищи спят,
спят, —
они смогли убить свою душу.
И я опять один остаюсь
в эту ночь,
которая так темна!
Против тысячи глаз обвинителей
застываю в оцепененье.

На меня, как присяжные,
смотрят звёзды,
на председательское место восходит луна.
А вот и Алжир —
главный
свидетель обвинения...
Убейте душу мою! —
Я не спал сто ночей подряд!
Убейте душу мою!
Я спать,
спать хочу...
Я криком своим пробуждаю уснувший отряд,
к ногам командира я падаю и кричу:
«В походе всему научил ты меня, командир.
Как истязать людей — научил.
Как поджигать дома — научил.
Как в стычках врага убивать — научил.
Как время в ночных кабаре убивать — научил.
Но как мне душу убить,
мой командир?»

Доказать вам это берусь:
 сумасшедший смеётся там,
 где надо бы плакать,
 сумасшедший плачет там,
 где надо смеяться,
 а я, по-моему, очень правильно
 плачу и смеюсь.
 Я плачу,
 когда смеётся наш отряд
 до безумия храбрый, —
 ведущий на казнь алжирца,
 который почти не жил.
 Я смеюсь,
 когда слышу, как плачет
 колонизатор дряблый,
 вынужденный закрывать свою лавочку
 и покидать Алжир.
 Так кто же смеётся правильнее?
 Я или они?..
 Так кто же из нас сумасшедший?
 Я или они?
 Мама в письмах спрашивает:
 Когда я вернусь домой?
 В последнем письме написала она
 о событии удивительном.
 Люди далёкой страны
 подняли в небо две новых звезды,
 боже мой! —
 ещё два обвинителя!
 Ещё два обвинителя!

Из всех обвинителей эти —
 по отношению ко мне —
 самые строгие и безжалостные
 во все времена,
 потому, что они от земли,
 и видели,
 в какой я запачкан резне.
 С опущенной головою
 я стою у окна.
 И если вы хотите взглянуть
 на самого подлого человека,
 смотрите:
 это — я,
 изменивший своей любви и мечте!
 Это — я,
 дезертировавший
 из двадцатого века
 и пошедший на службу к средневековой,
 к его темноте.
 Стою с опущенной головою,
 я —
 человек Запада.
 Запад, Запад!
 Если тебе моя судьба дорога,
 приходи защищать меня.
 Приноси свои пушки и бомбы,
 приходи, уничтожь
 твоего самого большого врага —
 человеческую совесть!
 Саботирует твою армию она,
 и только она!
 Угрожает твоей культуре она,
 и только она!

Она, и только она,
 встречает тебя лавиной огня!
 Запад, Запад,
 мой великий собственник.
 почему
 ты покидаешь меня?
 Я кричу, кричу.
 Врач говорит, что я обречён.
 Да.
 Я обречён.
 На этот раз
 я согласен с врачом.
 Но я не сумасшедший!..
 Разве сумасшедший может помнить,
 помнить так ясно,
 помнить в мельчайших деталях,
 что когда-то
 он был весёлым парнем,
 радостного нетерпения полным.
 И мечта долететь до звёзд,
 до которых другие
 не долетали...
 Разве сумасшедший может понять,
 в какой пустыне
 умирает его молодость?
 Разве сумасшедший может сказать,
 почему он глаза свои прячет?
 Разве сумасшедший может,
 забывая про гордость,
 плакать так,
 как я плачу?..

Я плачу,
я смотрю на своих родственников, —
их в небо взметнула другая страна.
Они летят всё выше и выше,
и Земле
посылают свет отражённый...
Я плачу.
Я стою у окна.
Опустившийся,
опустошённый.

КИПР – КИПРУ!

I

Я пишу тебе эти строки
 Из окруженья:
 Англичане опять оцепили наше селенье.
 Они обнаглели: по целой неделе
 Выйти они не дают народу,
 Чтобы в соседнем источнике черпать воду,
 Чтоб урожай собирать с виноградных полей.
 Они не пускают даже детей
 К морю спуститься –
 В прибрежных волнах порезвиться.
 Они не пускают даже старух
 Сходить по соседству
 В церквушку Святого Ильи,
 Чтобы угоднику свечки поставить свои.
 Они безжалостны к старости,
 Беспощадны к детству!

Да, англичане теперь становятся
 Изобретательней с каждым днём,
 Словно торговцы во время кризиса.
 Их новый приём нам уже хорошо знаком:
 Вместо уже того, чтоб из дома забрать в тюрьму,
 Привозят тюрьму в твой дом.

Доставка на дом!
 Её теперь знает каждый:
 Это – последнее слово колониального рынка.
 Нас подавить,
 Нас примирить с нашим адом –
 Таково её назначение.

Доставка на дом горя и жажды,
 Доставка на дом рабства и голода,
 Доставка на дом отчаянья и мучения.

||

Вот уже несколько дней подряд
 Кольцом вокруг селенья стоит отряд.
 Врагам надоело, они
 То и дело
 К нам приближаются и кричат,
 Что нас не выпустят ни на шаг —
 Ни к виноградникам, ни за водой,
 Покуда с домов своих мы не снимем
 Наш флаг
 Бело-голубой.
 А мы не хотим соглашаться с ними.
 Мы принимаем бой!

— Эй, старики! Снимайте свой флаг! —
 Издалека нам кричат солдаты. —
 С ума посходили вы в самом деле?
 Из-за него вы больше недели
 Не носите ни свечей, ни ладана
 Своему святому!
 — Этот флаг — наш самый большой святой! —
 Отвечают им старики.
 — Эй, рыбаки! Снимайте свой флаг! —
 Издалека нам кричат солдаты. —
 Что вам сидеть и скучать в безделье?
 Из-за него вы больше недели
 Ждать заставляете у побережья
 Свои паруса! —

– Этот флаг – наш самый высокий парус!
Отвечают им рыбаки.

И даже тётушка Гаруфаля
С лицом – как морщинистая земля,
Узнав, что её не пустят на кладбище
Свечку снести на могилку сыну,
Говорит, с трудом разгибая спину:
– Не сниму!
Хоть режьте меня на кусочки!
Пусть будет большой свечой этот флаг
Для моего сыночка!

И каждый день глядим поутру,
Как флаг колышется на ветру,
И с каждым днём он для нас дороже:
Многое может он заменить,
А его ничто заменить не может!

III

Взгляни на карту нашего острова:
Он закруглён и широк
И лишь рукоятью острою
Вытянулся на восток.
Наш остров – это гитара огромная
На груди Средиземного моря.
Но слышишь?
Её напевы
Полны и тоски, и горя.
Печально её звучанье,
Потому что крепко держат в руках,
Цепко держат её в руках
Колонизаторы-англичане.

А мы не хотим, чтоб на радость им
Звучал её голос тоски и мўки.
Эта гитара – наша!
Нам дороги её звуки!
Нашей была она издавна,
И мы возьмём её снова в руки,
Чтоб нашими песнями
Могла зазвучать она!

Четыре струны у нашей гитары:
Лето,
Осень,
Зима,
Весна.
И каждая нам дорога струна,
И в каждой трепещет жизнь.
Сто лет назад пришёл англичанин
И пятую струну:
Колониализм.

А мы сражаемся, чтобы сорвать
Эту струну – проклятую, пятую.
Чтоб свободно могла наша жизнь звучать,
Чтоб на волю выпустили опять
Песню нашу крылатую,
Чтобы не было этой фальшивой струны
И чтоб не портила нам она
Звучанье нашего лета,
Нашей осени,
Нашей зимы,
Нашей весны!

IV

Жарко сегодня.
Трудно дышать.
Ведь от нашего Кипра рукой подать
И до Африки,
И до Азии.
И очень часто к нам на рассвете
Приходят их дети – зной и ветер,
По нашим горам, по нашим дворам
И виноградникам лазая.

О пылкий ветер!
О смуглый зной!
С детства они подружились со мной,
К ним я привык,
Как и к этим деревьям,
К этим горам, берегам, стадам.
Я с детства играть научился с ними,
Но если в разгаре летнего дня
Их игры весёлые становились
Уж слишком буйными, озорными
И начинали сердить меня,
Тогда к отцу убегал я – к морю,
И он примирял меня с ними вскоре
И шумной волной освежал, кропил
Мой детский гнев,
Их ребячий пыл.
И тихая мать – соседняя роща
С ними могла меня примирять,
И проворные, маленькие ручьи –
Тётки заботливые мои.

Но сегодня, этим тревожным летом,
 К ним не добраться,
 Они – далеки.
 Сегодня всё для нас под запретом:
 И море, и роща, и ручейки.
 О ветер, ты ближе мне всех на свете,
 Просьбу мою пойми!
 О, дети соседские – зной и ветер.
 Не будьте же вы такими детьми!
 Играть перестаньте хоть на мгновенье,
 Нам – не до игр сейчас,
 Ступайте пока в другие селенья,
 Оставьте в покое нас!
 Но не унимаются зной и ветер –
 Они и в самом деле, как дети:
 Не смогут понять они никогда,
 Какая у взрослых случилась беда!

– Не мучь меня, ветер! – корова мычит,
 Глухо вздыхая в тесном загоне,
 И машет понурою головой,
 Пытаясь его отогнать рогами.
 – Не мучь меня, ветер! – олива кричит,
 Отбиваясь тысячами ладоней.
 Она любила ветер и зной,
 Но теперь они стали врагами.
 А за окном – колючие розы
 И лозы сухие в мой подоконник
 Тысячами когтей впились:
 Как будто хотят свои ветви выгнуть
 И в комнату через окошко прыгнуть –
 Лишь бы от зноя и ветра спастись...

V

– Эх, учитель, учитель! Ты нас прости,
 Но зря ты приехал сюда из города.
 Думал, наверное, здесь, в прохладе,
 Свои каникулы провести.
 Хорошо возвращаться к родным местам,
 Тебе мы, учитель, всегда были рады,
 Но видишь: здесь жарче стало, чем там,
 Нет у нас больше прежней прохлады,
 Трудные настают деньки! –
 Так говорят со вздохом,
 Сидя в тени ограды,
 Мои земляки.
 Да, изменилось здешнее лето,
 В селенья пришла беда.
 Но девушка – та, что день изо дня
 В соседнем селении ждёт меня, –
 Эта девушка не изменилась
 И не изменится никогда!

Она всё ждёт с надеждой и грустью,
 Когда же вернусь я
 Издалека.
 Так синее море ждёт рыбака,
 Так ждут виноградники и поля
 Сборщиков урожая.
 Так одинокая церковь ждёт,
 Когда к ней верующий придёт,
 Чтоб огоньки благовонных свеч
 У её образов зажечь.

Я написал ей: нынешним летом,
 Как только закроется наша школа,
 Домой я приеду
 И отправлюсь в своё селенье
 Получить от родителей благословенье.
 И пусть отцовское благословенье
 Будет одним веслом,
 Пусть материнское благословенье
 Будет другим веслом,
 Когда ж получу эти вёсла от них,
 К тебе приплыву я, счастливый жених,
 Чтоб женой тебя взять в мой дом!

Но в то самое утро, когда с дороги
 Отца и мать я спешил обнять,
 Англичане пришли и в одно мгновенье
 Железным кольцом оцепили селенье —
 Холодным кольцом тревоги.
 И с этого дня, вот уж сколько дней,
 Они не пускают невесту ко мне,
 Не пускают меня — к ней!
 И вот с утра сию, пригорюнясь,
 И вспоминаю беспечную юность,
 Когда из дома к своей любимой
 Я каждую ночь убегал тайком.
 Входила луна, и я из окна
 Потихоньку выпрыгивал босиком.
 А сумрак ночной с колдовской луной
 Казался мне деревенским сторожем —
 Добрым сторожем-стариком.
 Бродил он по улицам невдалеке,
 Ко мне подходил с фонарём в руке
 И наклонялся с таинственным видом,

И шептал мне:
– Ступай! Я тебя не выдам!

VI

Я шёл – прямой, словно Дон-Кихот,
В серебряной темноте.
А сзади тень ползла по пятам,
Как испуганный Санчо,
На животе
По скалам и по кустам.
Я не шёл – бежал,
И так равнодушно,
Как смотришь на проходящих женщин,
Когда спешишь на свиданье к той,
Что одна тебе дорога,
Так, окутанный темнотой,
Я смотрел по пути на красоты ночи,
На звёзды,
На берега.

О как задумчивы и красивы
Звёзды Кипра в такие ночи!
Они сверкают в листве оливы,
И кажется: если только захочешь –
Ветку любую рукою тронь,
Потряси, и сразу с её вершины
Так и посыплются на ладонь
Звёзды и маслины.

Селенье моей невесты
Недалеко от нас:
Пешком добираться – час,
Верхом – полчаса,

На машине — десять минут.
 Но если к любимой тебя напрямик
 Крылья любви несут —
 К ней долетишь за миг!

А было нам по семнадцать лет,
 И наша любовь
 Была как чета лирических строк
 В миллионстрочной поэме жизни,
 Чьи строфы бесчисленной вереницей
 Текут, как вечный поток,
 И покрывают всё новых дней
 Незаполненные страницы.

И любимая в эти ночи
 Разговаривала со мной,
 Как с крестьянином виноградник
 Разговаривает весной,
 Когда ещё только даёт обещанье
 И тысячами зелёных листьев
 Ему на прощанье шепчет, поёт:
 — Потерпи! Скоро великий август придёт! —
 И полный радостных мыслей,
 Возвращается он домой:
 Широкие виноградные листья
 Для него — словно руки будущего,
 Которые только что он пожал
 Своей рукой.
 Так и я от любимой шёл,
 Наполненный до краёв
 Ласками девичьими её,
 Шёпотом нежных слов...
 Время пришло.

Август уже на дворе.
 Выйти пора урожай собирать на заре.
 И она написала мне:
 – Жду!

Плоды созрели в нашем саду,
 Виноград золотится на косогоре...

Но пока собираем мы только грозди
 С виноградника горя.

VII

– Ничего, сынок, ничего! –
 Говорит с утра моя мать
 И терпеливо чинит старую сеть. –
 Невеста может и подождать,
 Люди могут и подождать,
 А вот деревья не могут ждать,
 Виноградники наши не могут больше терпеть!
 – Не грусти, ты невесту не потеряешь! –
 Говорит мой отец и задумчиво трубку сосёт, –
 Но как скажи, нам быть с урожаем?
 Сам понимаешь:
 Если так ещё несколько дней пройдёт,
 Мы весь урожай потеряем!
 Осыпается наше зерно,
 Вино
 Умрёт, как ребёнок во чреве матери.
 Если даже скоро уйдут солдаты,
 Урожай погиб всё равно!

– Нынешней ночью
 Виноградники так шумели! –
 Продолжает мать. –
 Я слышала хорошо их голос
 И не могла задремать всю ночь –
 Это был плач урожая!
 Он плакал, напрасно нас поджидая,
 Точь-в-точь,
 Как скорбит отец, умирая,
 Не за себя, а за нас – за своих детей,
 Потому что знает, что без него
 Совсем одни мы остались на свете,
 Как маленькие сиротки-дети
 Без кормильца единственного своего! –
 И плачет мать: – Что нам делать без урожая?
 Ведь больше нет у нас ничего,
 Видно, нищими мы остались!..
 – А что мы делали без свободы
 Все эти годы, целых сто лет? –
 Хрипло отец говорит в ответ. –
 Страдали, но не сдавались!

Целых сто лет!..
 Целых сто лет мой народ
 Упорно идёт,
 Словно Атлас, держа на своих плечах –
 Всё наследство своё большое –
 Драгоценный, древний, хрупкий сосуд
 С греческим языком,
 С греческою душою.
 Песни его громко звучат всегда,
 Словно крики чайк, реющих над волнами –
 Заглушить их не в силах злой ураган.
 Взоры его ярко горят всегда,

Словно зная, спорящее с ветрами,
 И затмить их не в силах дождь и туман.
 А душа у него – горяча, легка,
 Как огонь, что всегда взлетает высоко
 Под порывами летнего ветерка
 Или зимней бури жестокой.
 Целых сто лет
 Враг его гнёт,
 А он – всё равно не гнётся:
 Страдает скованный мой народ,
 Страдает – но не сдаётся!

Наши женщины
 Подобны бессмертным греческим лирам:
 Даже в жестокие дни,
 Под гнётом чужих властей
 Могучие, звонкие песни рождают они –
 Своих детей.
 Наши мужчины
 Никогда не теряют бодрости и отваги,
 Живут – и не тужат ни в зной, ни в стужу,
 И, наверное, поэтому солнце
 С ними по-братски дружит
 И трудится с ними рядом –
 С крестьянами терпеливыми,
 Ухаживая за их виноградом,
 За их апельсинами и оливами.
 А тысячи волн Средиземного моря
 Весело плещутся в синей дали,
 Словно курчавые дети-зрители
 Перед огромным театром земли,
 Весело прыгают у берегов
 Нашего знойного края,
 На драмы его и комедии

С волнением взирая.
 И так их захватывает порой
 Волшебное зрелище это.
 Что стихают они и, еле дыша,
 Ложатся, шурша, на берег сырой,
 Чтобы слушать песни весны и лета.
 И в этом краю, где земля цветёт,
 Где древнее море о берег бьётся,
 Страдает израненный мой народ,
 Страдает – но не сдаётся!

VIII

Сегодня с рассвета врагам на помощь
 Броневики из города прибыли.
 Мы видим дула их пулемётов –
 Они блестят, как стволы брандспойтов,
 Железных брандспойтов гибели.
 Они направлены на селенье,
 Они направлены на меня,
 Они готовы в любое мгновение
 Извергнуть на нас не струю воды –
 Струю огня.
 Они направлены на людей,
 Которые жаждут воды и свободы,
 На наши деревья,
 На мирный кров,
 На наших детей,
 На наших коров.
 А мы глядим на журчащие воды,
 Что мирно бегут по земле нашей древней,
 Глядим на свои ручьи...
 Но ни один из нашей деревни
 К ним не бежит попросить воды –

Мешает совесть.
 И ни одно из наших деревьев
 К ним не спешит попросить воды –
 Мешают корни.
 А собака – другое дело:
 У ней
 Нет ни совести, ни корней.
 Маленький, грязный, лохматый зверь –
 Он пробегает через окраину,
 Бежит по высохшей борозде
 К своему единственному хозяину,
 Которого уважает теперь –
 К воде!

Но солдаты к ручью её не пускают,
 А наполняют каску водой
 И держат высоко над головой,
 Потешаются над её бедой.
 И собака усердно их забавляет,
 Собака встаёт на задние лапы,
 Делает сальто, делает стойку,
 Делает всё, что они захотят.
 Мы смотрим на них, не спуская глаз,
 А англичане смотрят на нас,
 И словно хочет сказать их взгляд:
 – Такими хотим мы вас видеть, такими
 Услужливыми, ручными! –
 И, наконец, напоив водой,
 Они прогоняют собаку домой,
 Обрато в своё селенье,
 И она бежит знакомой дорогою,
 Как пропаганда четвероногая
 Рабства и унижения.

Но дети встречают её камнями,
 Гонят её обратно,
 И стоит собака, скулит собака,
 Ей – непонятно!
 Мечется между ними и нами
 Вдоль высохшей борозды,
 Жаждет нашей привычной ласки,
 Как только что жаждала мутной воды
 Из чужеземной каски.
 Туда, где английских солдат кольцо,
 Но мы её прогоняем прочь –
 И юлит собака, скулит собака,
 Ей никто не хочет помочь,
 И бегают, бегают взад-вперёд,
 Словно грязное письмецо:
 Его отправитель всё шлёт и шлёт,
 Но нераспечатанным адресат
 Всякий раз отсылает его назад.

– О как прекрасно быть человеком! –
 Оглядываясь вокруг,
 Говорит рыбак Анастасис,
 Друг детства, мой лучший друг.

IX

Анастасиса знают здесь даже камни,
 А сегодня с тем же вопросом
 Когда в обычные, мирные дни
 Какой-нибудь незнакомый прохожий
 Спрашивает по пути
 У первых же встретившихся крестьян:
 – Где мне найти Анастасиса? –
 Улыбаясь, ему покажут они

На море или на поле,
 Или на дверь кофейни,
 Или на маленький, старый дом.
 Широкоплечий, рослый,
 Выросший здесь на воле,
 Он всей округе знаком.
 А сегодня с тем же вопросом
 К любимым из моих земляков подойди:
 – Где мне найти Анастасиса? –
 Они укажут молча на сердце,
 Он сегодня у всех в груди!

Мои земляки на него глядят,
 Как матросы на своего капитана,
 Он в кресле сидит, в тени платана,
 Далеко устремлён задумчивый взгляд.
 Он крепко сжимает старую ручку кресла,
 Как держит рыбак рукоять своего руля,
 Когда он выходит в море.
 Как держится пахарь за рукоятку плуга,
 Когда он выходит в поле.

– Трудные дни, учитель! –
 Говорит Анастасис мне.
 – Да, трудные времена,
 Согласен с тобой вполне.
 Наше селенье стало сегодня
 Одним большим кораблём,
 Мы на нём и ночью и днём
 Словно по бурному морю плывём,
 На наши флаги взгляни
 Белые и голубые,
 Словно тысячи парусов они,
 Ветры гудят кругом штормовые,

И не скоро небо разъяснится!
 – Ты прав, словно буря для нас эти дни! –
 Отвечает мне Анастасис. –
 Но с одной лишь большою разницей:
 Когда тебя в море настигнет шквал,
 Ты спускаешь свои паруса,
 А если в борьбе с врагами,
 Хоть ненадолго, на полчаса,
 Дрогнешь, решишь спустить своё знамя –
 Ты пропал!

Вчерашнею ночью из окруженья
 Первый выбрался он тайком
 И побывал в соседнем селенье.
 Дважды пробрался он напрямиком
 Сквозь проволочные сети,
 Сквозь кольцо чужеземных банд.
 Его увидали мы лишь на рассвете:
 Он – впереди,
 За ним – восходящее солнце,
 Как адъютант.
 Кончились, кончились дни терпенья,
 Время настало: сегодня днём
 На виноградники мы пойдём.
 Люди из всех соседних селений
 Сказали, что выйдут нам помогать! –
 Вот что мы от него узнали.

Теперь он сидит в ожиданье вестей,
 Беседует с нами и лишь порой
 Разговор прерывает начатый,
 Чтоб у детей, что, как юнги на мачты,
 Вскарabкались на деревья и крыши,
 Спросить, среди них движенье заметивши:

– Идут соседи?
 – Нет ещё...
 О если бы я живописцем был
 И захотел бы изобразить
 Живое лицо моего поколения –
 Я Анастасиса нарисовал бы,
 Каким его вижу в это мгновенье,
 Каким среди нас он сейчас сидит,
 С далёких холмов не спуская глаз,
 И спрашивает у ветров всеведущих:
 – Идёт свобода?
 – Нет ещё...

Я Анастасиса нарисовал бы,
 Каким его вижу сейчас: суровым,
 Полным отваги и молодости,
 Зорким, на всё готовым.
 В каждом движенье сила видна,
 Крутые плечи, высокий рост,
 Кожа облита загаром смуглым.
 Лицо – как целина,
 Где время ещё своим беспощадным плугом
 Не провело борозд.
 Лицо – как море,
 Что от ветра морщится иногда –
 От гнева или от горя,
 Темнеет, чёрные брови хмуря,
 Но вот пронесётся буря,
 И на лице, спокойном и строгом,
 Не останется ни следа.

Я Анастасиса нарисовал бы
 Каким его вижу сейчас: усталым
 От крутого пути по кустам и скалам,

От долгой ночной ходьбы,
 Нарисовал бы и эти руки
 В кровавых ссадинах от колючек
 И острых камней на отвесных кручах
 Времени и борьбы.
 Руки отважного человека,
 Что упорно взбирается день за днём
 На высокую мачту жизни:
 Измучен вихрями и дождём,
 Всё выше взбирается год от года,
 Чтоб новый флаг подарить отчизне –
 Солнце свободы.

Мы родились и выросли вместе
 В этом краю горячем.
 Понимаем с полслова один другого,
 Ни мыслей, ни чувств не прячем.
 Друг друга мы с первых дней полюбили,
 Шли детские годы деньки за деньками
 И нашей дружбы росток поили
 Живыми, игрушечными ручейками.
 Потом наша дружба деревцем стала –
 Она подрастала, и мы росли.
 Друг друга по-прежнему мы любили,
 Шли школьные годы дни за днями
 И деревце дружбы нашей поили
 Бурливыми, радостными ручьями.
 Теперь наша дружба стала платаном,
 Шумит на ветру жестоком,
 И дни борьбы – нашей общей судьбы –
 Поют её своим неустанным,
 Глубоким, мудрым потоком.
 Гляжу вокруг задумчивым взглядом.
 Я – сын двадцатого века,

И жизнь подарила мне всё, что надо
 Для полноценного человека:
 Отеческий кров, достойных родителей,
 Гордую кровь моих предков-воителей,
 Верную дружбу, большую любовь.
 Я – человек, во всём полноценный,
 Я не хочу чужеземного бремени! –
 Так я кричу в лицо своему палачу
 Со сцены времени.
 Но там, где глухо бьют в берега
 Волны холодного океана,
 – Нет! – слышится мне в ответ
 Колючий, скрипучий голос врага,
 Голос лондонского тумана. –
 Ты – мой подданный, мой слуга,
 Колониальный, пленный.
 Ты – слишком неопытен, слишком юн,
 Тебе ещё нужен старик-опекун,
 Какой же ты полноценный?

...Прохожу по селенью.
 Кругом – движенье.
 Лошадей запрягают.
 Скрипя и пыля,
 На улицу выезжают подводы.
 Это мои земляки готовятся к наступленью:
 Сегодня – чтобы идти на свои поля,
 Завтра – чтобы идти на поля свободы.
 Все – в напряженье, словно близка гроза,
 И спартанской решимостью светятся их глаза:
 Или на них, на этих подводах,
 Живой урожай привезём с собой,
 Или нас самих на этих подводах
 Мёртвыми привезут домой!

Парни надели широкополые шляпы,
 Надвинули их на лица.
 Большие поля от пуль горячего солнца
 Помогут им защититься.
 – Но чем защититесь вы от врагов,
 От этой своры волчьей? –
 Так взоры встревоженных стариков
 Спрашивают их молча. –
 Чем же вы защититесь, дети,
 От их дубинок, от их свинца?
 Смотрите же, берегитесь, дети,
 У вас – такие большие сердца,
 А чем больше цель, тем легче в неё попасть!
 Будьте же осторожны, дети,
 Чтоб мы не остались одни на свете,
 Смерть вас готова у нас украсть!

О, этот голос тревожных глаз,
 Молчаливо ждущих ответа!
 О, этот звук, что бежит со скоростью света,
 Все звуки опережая,
 В бой провожая нас!
 Он – во главе этой армии звуков,
 Мечущихся по всем направлениям
 Над взбудораженным нашим селеньем:
 – А ты как думаешь, Панаги,
 Откроют огонь враги?
 – Много людей... Куда там!
 Патронов не хватит солдатам!
 – А им что за дело, скажи на милость,
 Мы не чужое добро крадём...
 – Эй, Марику, ты куда же так нарядилась?
 Не на свадьбу идём! –
 Говор, выкрики, чей-то плач...

Нервы натянуты, как тетива.
 И вдруг, словно резкий приказ,
 Раздаётся слово-трубач,
 По местам расставляя все остальные слова:
 – Идут!..
 – Идут!..

Х

Идём.
 Тишина – в ответ.
 Будут стрелять или нет?
 Никто не знает.
 Шагать по своей родной, знакомой земле
 И чувствовать, что каждый твой шаг
 Тебя к неизвестности приближает –
 Что может быть страшней?
 Идём.
 Тишина... Что таится за ней?
 Идём, и земля нам кажется пламенем.
 Впереди Анастасис шагает со знаменем,
 А мы за ним – с кулаками сжатыми,
 С мотыгами и лопатами.
 Идём, заглушая в душе тревогу,
 Идём, чтоб самим проложить дорогу
 Сквозь неизвестность.
 И знает всякий:
 Там – за колючей тишиной,
 Там – за незримой вражьей стеной,
 За мундирами цвета хаки –
 Наши оливы и виноградники,
 Наши ручьи,
 Наши стада,
 Наших садов прохладные тени.

Наше море,
Наша вода
И наши соседи из всех окрестных селений.

– С ними придёт и она,
Будущая твоя жена! –
С улыбкой мне говорит Анастасис. –
И если всё хорошо обойдётся,
Соберём побольше народа,
И лучшим вином этого года
Скрепить ваш союз придётся,
И будет крепким этот союз,
И быть счастливым вам обоим,
Ведь это вино – не простое вино,
Нами оно добыто с боем!

И улыбается Анастасис
И рядом шагает, плечистый, прямой.
Я знаю: вот так же и в день нашей свадьбы
Он будет шагать со мной.
Я знаю обычаи нашей страны:
День свадьбы приходит,
С одной стороны –
Мы видим селение жениха,
С другой – селенье его невесты,
А между ними, по склонам горы –
Тропинки, изгороди, дворы,
И поля с виноградниками кружевными.
Пестреют наряды, песня звучит,
И вот, взойдя на высокое место,
Первый дружок жениха кричит:
– Отдайте невесту! –
– Не отдадим! – отвечает им
Другое селенье.

Но дружки настаивают на своём:
 – Тогда мы сами её возьмём! –
 И тут разыгрывается у них
 Шутливое, маленькое сраженье,
 Но всем известен его исход:
 Победит жених.
 Но сегодня... Кто победит сегодня?
 Сегодня мы все – женихи.
 Мы идём навстречу врагам своим,
 Землепашцы и пастухи,
 Мы идём навстречу врагам своим,
 Виноградари, садоводы,
 И, как на свадьбе, громко кричим:
 – Отдайте нам нашу воду!
 – Отдайте нам виноградники!
 – Отдайте жизнь и свободу!
 Это – война, но такая война,
 Когда на врага в атаку идёт
 Безоружный, мирный, гордый народ,
 Крича:
 – За нашу воду, вперёд!
 – За виноградники наши, вперёд!
 – За наше море, вперёд! –

Шагаем, и к синеве небес
 Взлетает наш флаг крылатый,
 И, как винтовки, наперевес
 Мы держим мотыги, держим лопаты.
 И знаем прекрасно: у наших бойцов –
 Настоящие, современные души
 И допотопные ружья.
 И каждому ясно: у наших врагов –
 Настоящие, современные ружья
 И допотопные души.

XI

Идём.
 Поднимается пыль кругом.
 Поднимается пыль, окружает нас,
 Как облака окружают гром.
 Всё плотней нас пыль окружает,
 Это – земля,
 И дыханье её горячо.
 Она – как мать, что детей своих провожает
 В трудный путь и в последний миг
 Сыну набрасывает на плечо
 Или на грудь
 Свой тёплый шарф:
 «Он тебе пригодится когда-нибудь,
 Не сейчас, так потом,
 Когда начнётся зимняя стужа!» –
 И она не ошиблась, как всякая мать:
 Когда загремело вражье оружие
 И начало нас огнём поливать
 Среди виноградников и олив,
 Эти длинные шарфы горячей пыли
 Нас хорошо хранили,
 От гибели заслонив.

Пыль... Облака... Земные облака...
 А в них – отваги и гнева полные,
 Бьются сердца,
 Мечут громы и молнии.
 Облака... Земные облака...
 Они плывут, за собой оставляя
 Тысячи жгучих полос –
 Дожди из крови и слёз
 И дальше плывут по равнинам родного края,

Слезами и кровью их окропляя.
 Облака... Земные облака...
 А в клубах густых облаков –
 Сражаются люди с кольцом врагов,
 Как с демонами, что вставали из Тартара,
 Сражались боги прежних веков.

Облака, облака... Вот лежит крестьянин,
 Кровь сквозь рубаху его просочилась.
 Сражённный врагом, он лежит ничком –
 От своего виноградника в трёх шагах.
 Лежит с окровавленную рукой,
 И тянется крови струйка живая
 Словно красный провод, передавая
 Последние содроганья сердца
 Старым его друзьям – корням.

Облака... Облака... Земные облака...
 Они наплывают и проплывают –
 Мимо упавших, мимо идущих,
 Они свой тёмный след оставляют.
 Они свой тёмный след оставляют
 На земле, на наших телах и душах.
 Облака, наполненные громами,
 Криками и проклятьями,
 Ненавистью и порохом
 И непокорными братьями.
 Вот уже первые смельчаки
 К виноградникам добрались...
 Скорей!
 Люди спешат собирать урожай,
 А пули спешат собирать людей.
 Каждый из нас – живой виноградник.
 И жизнь, как сторож, его охраняет

От хищного вора – смерти.
Но как безоружна жизнь!

Держись!
Сквозь пыли клубящейся облака
Я вижу контур броневика.
Стальным кабаном он ползёт напролом
Сквозь виноградник, воя от злости,
И, как растоптанные демонстранты,
За ним умирают спелые грозди.
Ползёт броневик, оставляя вмятины,
Словно следы свирепых когтей.
Земля – подобна измученной матери,
Обрызганной кровью своих детей.
Земля дымится – в свежей крови,
В густом виноградном соке,
Багряные всюду текут ручьи
И высыхают на солнцепёке...

Облака... Облака...
И вдруг – пронзительный крик...
Я себе никогда представить не мог
Такого крика:
– Мой сын! Мой сынок!.. –
О как мучительно и как дико
Кричит земля!
Нет, не земля –
Это кричит соседка наша Елена,
Бросаясь мгновенно
К своему восьмилетнему мальчику:
Он – в крови.
Ранен или убит...
И, схватив его на руки, мать бежит,
Дрожит, озирается одичало,

Вот о камень споткнулась, на землю упала –
 Как с плачем падает мать
 На грудь другой рыдающей матери,
 Чтобы вместе рыдать.

Облака... Облака... Броневи́к всё ближе...
 И внезапно я Анастасиса вижу:
 Как ветер, ловкий и быстрый,
 Он пробегает совсем вблизи,
 Крепко сжимая в руках канистру –
 Бензин.
 Он бежит сквозь туман – туда, где ревет кабан.
 Одетый в стальную бронь,
 Как мститель земли бежит,
 Один – против сотни смертей:
 Во имя земли, во имя её детей –
 Огонь!

Облака... Облака... Земные облака...
 Это – пыль, перемешанная с дымом
 И пронизанная молниями огня!
 Британское оружие поднимается,
 Чтобы убить меня.
 Но миг – и я остаюсь невредимым:
 Это с палкой рванулся вперёд сосед
 На прицелившегося солдата,
 И британская пуля летит куда-то,
 Мимо свистит, словно смерть над ухом кричит:
 – Э-э-эх! Ты ушёл от меня, проклятый!..

Облака... Облака...
 Я бросаю камень в лицо врага,
 Который уже прицелился
 И меня застрелил бы наверняка!

Облака... Облака...
 Через тело врага
 Переступаю, как через границу:
 Я уже ушёл из вчерашней страны терпенья
 И ничто не заставит меня возвратиться!
 Это – первый враг, которого я сразил
 На своей земле.
 Он лежит ничком, лишившийся сил,
 Сражённый в висок.
 Автомат ему не помог.
 Я его перешагиваю, как порог,
 И словно вступаю в новую жизнь:
 До этого утра я был рабом,
 Которого били все, кто хотел,
 А с этого утра я стал бойцом,
 Я на удар ответить сумел!

Облака... Облака...
 Там, у источника,
 Мы наконец, как с рекой – река,
 Соединились с людьми соседних селений:
 Народ – с одной стороны,
 Народ – с другой стороны,
 Мы – словно два огромных жёрнова,
 И сближаются жернова,
 Чтоб размолоть, как зёрна,
 Чтоб стереть в порошок
 Тех, кто отнял наши права,
 Кто на мученья рабства позорного
 Нас обрёл.
 Мы видим за пеленою пыли:
 Англичане поспешно собрали раненых,
 Дают сигнал к отступлению.
 Враги отступили!

Расположились на ближних склонах:
 Ждут приказа, ждут подкрепленья.
 Облака... Облака... Они проплывают, тают
 И на землю медленно оседают,
 Как будто, окончив тяжёлый путь,
 Хотят немного передохнуть...

Где земля от крови ещё сырая,
 Среди виноградников и олив
 Бродят те, кто остался жив,
 Раненых собирая.
 Сочится растоптанный виноград,
 Глухо стонут друзья,
 И тяжело подводы скрипят,
 В селенье их медленно увозя.
 Подводы скрипят: это – страшный скрип,
 Это – всхлипы рыдания, предсмертный хрип,
 Его не забыть нам долгие годы,
 Он застревает в наших ушах,
 Он не смолкает даже тогда,
 Когда останавливаются подводы.
 И чудится: это рядом с нами
 Время шагает, скрипя зубами,
 Не останавливаясь ни на миг.
 И вдруг раздаётся крик:
 Это дико и страшно крикнуло время –
 Скорбный, протяжный крик, подхваченный

всеми,

Искажающий болью лица,
 Яростный крик израненной львицы,
 Когда детёныш её убит:
 – Скорей! В ущелье, в ущелье бегите!..

Там Анастасис мёртвый лежит.

XII

Ночь... А вокруг в тумане
Костров языки дрожат.
Это всю ночь крестьяне
Виноградники сторожат.
До утра никому не спится.
Мы не видим, но слышим своих врагов –
Приглушённый рокот броневиков,
И сверкают фары их вереницей,
Озаряя шоссейный тракт,
Как слепящие лампы огромной рампы:
Трагедия не окончилась,
Это – ещё антракт.

Я брожу один среди ночи
По полю вчерашней битвы.
А вокруг деревья шепчут свои молитвы
И тянут к селенью руки, высохшие от муки,
Словно дань кому-то последнюю воздают.
Там, далеко в селенье,
Слышится стон и пенье –
Над мёртвым Анастасисом
Плакальщики поют:
«Небесный рай не для тебя – тесны его границы,
В душе народа, только в ней душа твоя вместится!
Душа народа – вечный рай для павших смельчаков
Душа народа – вечный ад, сжигающий врагов!»

Ночь... Иду наугад
И несусь в себе рай и ад:
Это – пламя моей огромной любви
К моему, к родному, к нашему!
Это – пламя огромной ненависти

Ко всему чужому, вражьему!
 Ночь... И прячась в густой ночи,
 На шоссе рокочат броневики.
 Там прожекторов скрещиваются лучи,
 Рассекая тьму на куски,
 Скрещиваются, ползут вдоль дорог,
 Обшаривают рубежи,
 Как будто смерть точит свои ножи
 Клинок о клинок.
 Она готова снова напасть на нас
 По первому приказанью...

Я знаю: наверное, в этот час,
 Окружённая мрачным Лондоном,
 Измышляет страшные наказания
 Леди Туман своим дерзким подданным.
 Хочет она, чтоб навек погас
 Наш светоч прекрасный – солнце свободы,
 Что никогда не угаснет в нас,
 В непокорном сердце народа.
 Напрасно! Мы знаем силу свою:
 Нигде, ни в каком краю,
 Никогда, ни в какие тяжкие годы
 Не покорялось туману
 Солнце свободы!

XIII

Ночь... Среди непроглядной тьмы
 Я пишу тебе из городской тюрьмы.
 В первое утро после восстанья
 Арестовали меня англичане.
 В то ясное утро, когда Анастасису
 Мы отдавали последний долг,

На нас набросился целый полк:
 Солдаты,
 Бронемшины,
 И от нашего августа урожайного,
 Что защищали мы так упорно,
 Остались одни лишь чёрные,
 Обугленные руины.
 Остались лишь пепелища,
 Расплющенные кусты,
 Растоптанные восходы,
 Растерзанные закаты,
 Разрушенные жилища,
 Развеянные мечты...
 И наше селенье, где прах героя,
 Покинули мы, как развалины Трои,
 Как взорванные Миссолонги,
 И отправились мимо горящих стен
 По дороге печали —
 В плен.

Осень...
 Должно быть опять на рассвете
 Резвятся дети у школьных зданий...
 И часто прежние ученики
 Ко мне приходят в часы свиданий.
 Настали опять учебные дни.
 Когда же я снова буду на воле?
 Когда же мне судьи позволят снова
 Занять своё место в школе? —
 Так всё настойчивей с каждым днём
 Спрашивают они.

— Разве я и сейчас не на месте своём? —
 Возражаю я им сурово. —

Пускай мне выносят судьи. –
 Любой приговор жестокий,
 Всё равно не заставят меня эти люди
 Ни на секунду прервать уроки
 В этой огромной школе,
 Что называется – Время.
 В этой огромной школе,
 Что властвует надо всеми
 И учит нас ежедневно,
 Как надо любить друзей
 И как ненавидеть надо врагов –
 Непримируемо, гневно!
 А этой школе – тысячи лет,
 В ней учимся мы до последних дней,
 И в этой школе каникул нет
 Ни для тех, кто учит,
 Ни для тех, кто учится в ней.
 И не в силах тираны закрыть эту школу,
 Разрушить по своему произволу,
 Не в силах тираны справиться с теми,
 Кто пожелал её лекции слушать:
 Эта великая школа – время,
 А время не может никто разрушить!
 Я хочу, чтоб и вы в этой школе были
 Примерными учениками,
 Чтоб всегда с отличием переходили
 Из года в год, как из класса в класс!

И слушают дети, за решётку держась руками,
 И с меня не спускают глаз.

Вот так же и в школе, в прежние дни
 Мне молча в глаза глядели они,
 Внимательно слушали каждый урок

И не болтали о всяком вздоре –
 Не потому, что я был так строг,
 Потому, что я – учитель истории.
 Мне двадцать пять лет,
 Я – не стар, не сед,
 Но в эти часы говорили с ними
 Герои давно отгремевших побед,
 Славные подвиги былыми.
 Они о прошлом им говорили,
 Как внукам – седые деды;
 И слушая голос далёких дней –
 Голос борцов, мудрецов, вождей,
 Стихали маленькие непоседы.
 А сейчас, дыхание затаив,
 Как на уроке в классе,
 Мои рассказы слушают дети
 О том, кого уже нет на свете,
 Но кто навеки остался жив –
 Об Анастасисе.
 Увы, как скоро – подумать страшно –
 Историей стал для нас
 Этот могучий, отважный парень
 С весёлым прищуром глаз,
 Как скоро стал он бессмертным вестником
 Тот, кто вчера был моим ровесником!

Я пишу тебе из тюремной камеры.
 Кругом – никого... Тишина и мгла...
 Ведь эта камера – так мала,
 Что может вместить лишь меня одного,
 Ведь эта камера – так огромна,
 Что может вместить в своей клетке тёмной
 Сотни невидимых палачей:
 Голод,

Холод,
 Мрак,
 Одиночество,
 Что могут душу ограбить дочиста
 За тысячи долгих дней и ночей!
 О, хитроумны колонизаторы!
 Об этом знаем и я и ты:
 Нет, наверное, в целом мире
 Лучших строителей темноты!

Я пишу тебе из тюремной камеры,
 О мой далёкий брат!
 Пускай друг друга не знаем мы,
 Но знаем всё друг о друге.
 Сквозь толстые стены своей тюрьмы
 Слышу твой голос, вижу твой взгляд
 Всюду: на севере, на востоке,
 На западе и на юге!
 Мне двадцать пять лет,
 Я полон здоровья –
 Не прокажённый я, не калека.
 Я – человек двадцатого века,
 А пишу из камеры средневековья.

Счастливый, беспечный, никем не гонимый,
 Мог бы сегодня сидеть и ждать я,
 И слышать вкрадчивый шорох платья,
 Летучую поступь моей любимой.
 Она подкрадывается сзади,
 Словно сама тишина, легка,
 Прохладными, ласковыми ладонями
 Закрывает глаза мои, и не глядя,
 Я угадаю наверняка:
 Это – она!

А здесь – за стеной, за моей спиной
 Звучит монотонный, бессонный шаг,
 Тяжёлыми, каменными руками
 Глаза мои закрывает мрак,
 И, содрогаясь от каждого звука,
 Я угадать могу не всегда,
 Какая крадётся новая мўка,
 Какая новая ждёт беда...

Я мог бы, как прежде, каждое утро
 Прозрачную осенью,
 Тёплой зимой
 Спокойно идти то из дома в школу,
 То из школы – к себе домой.
 Но не могу: я живу как в бреду –
 То из камеры к следователю иду,
 То от следователя – в камеру.
 Но не дам над собой смеяться врагу,
 Сердце моё до сих пор не замерло!

Я – молодой.
 Мне двадцать пять лет.
 Веткой тугою я рвусь на свет.
 Я – весна, которая сдаться не хочет,
 Я – струна, которая рваться не хочет,
 Я – волна, которая камень точит,
 Я – солдат, сражающийся против ночи.
 Я – солдат,
 И пока я сражаться могу,
 Своё укрепление
 Не сдам
 Врагу!

БРЕСТСКИЙ ПОЕЗД

Старуха вошла в вагон
и села на место устало.
И наше купе —
прокуренная, шатающаяся комната,
похожая на ночной ресторан, —
сразу похоже стало
на картинную галерею,
где на стене — Джиоконда...

Мы замолчали, как по команде,
(хотя её не было — знаю!) —
Так замолкают люди
перед красивым закатом.
Так замолкают люди
перед старинным знаменем,
над которым в походах гремели
пушечные раскаты...

Щёки в морщинах.
Губы
серые, как сухая земля.
И только свет её глаз голубой
женщину не покидал.
Как солдат,
который умрёт вместе с нею.
Или, как капитан,
который не оставляет гибнущего корабля.
У неё улыбка весенняя.
А сама она — белая, зимняя...

— Почему замолчали, дети?
Мне нравятся ваши песни.

У меня огромная радость, —
я еду на встречу с сыном,
от которого целых пятнадцать лет
я не имела известий...

И один из нас, прерывая молчанье,
попробовал догадаться тогда:
— Наверно, ваш сын путешествовал...
По странам чужим плутал...
Наверное, целый мир он
объездил за эти годы.

— Нет. Он всегда был на нашей земле.
Ты не угадал.

И мы замолчали снова.

И тихо сказал другой:

— Наверное, он убежал из дома,
и стыдно теперь ему...

— Нет... —

ответила женщина, покачивая головой.

И третий сказал:

— Наверное,
его посадили в тюрьму...

— Что ты, сынок! Что ты! —
ответила женщина медленно ...

И хитро подумал четвёртый.

И сразу решил, что прав:

— Наверное, он скрывался,
чтоб ей не платить алиментов...

— Нет, — ответила женщина,
мысли его угадав...

— Он в сорок первом ушёл служить.

Я не знала о нём ничего.

А теперь он нашёлся —

в крепости брестской
нашли останки его...

Мы замерли на наших местах.
Огни за окном неслись...
Но поезд толкнул нас,
требуя,
чтоб мы, как один, поднялись!
Гудок рокотал над поездом,
кутался в дымный след:
— Встаньте!
Слышите?
Встаньте! —
гудок будоражил тьму, —
Встаньте перед солдатом,
который через пятнадцать лет
явился требовать почести,
принадлежащей ему!..
— Почему вы стоите, дети? —
Пусть отдохнут ваши ноги...
Далеко нам ехать, и время
в разговорах быстрее пролетает...
И сказал один из нас:
— Двое суток.
Двое суток до Бреста мы будем в дороге...
— Да, —
ответила женщина, — двое суток,
пятнадцать лет не считая...

Бежит поезд к Бресту.
Бежит среди ночи...
Дак-дак. Дук-дук. Дак-дак. Дук-дук...
Стальные удары грохочут под нами,
как будто под землёй окровавленной

тысячи неизвестных солдат
стучат,
стучат,
стучат.
Как будто тысячи правд людских,
как шахтёры заваленные,
просят людей о помощи,
в полный голос кричат...

Бежит поезд к Бресту.
Бежит среди ночи...

– Нашли только горсть костей
и его военный билет, –
продолжает шептать старуха
тихо и безнадёжно.
– Как будто мой сын продирался сквозь
землю
все эти пятнадцать лет.

Поэтому износилась,
истлела его одежда.
И обувь его истерлась.
И письма мои –
тоже.
И фотография девушки, –
вы понимаете, дети?! –
И только один военный билет,
как это ему и положено, –
всё вытерпел
и с солдатским упорством
к живым пришёл, как свидетель...
Пятнадцать лет боролся мой сын,
чтобы выйти из окруженья.

Из окруженья молчания,
 пришлось ему пробираться.
 Забвение —
 самая страшная смерть.
 Ужасная смерть — забвение.
 Наверное, это — единственное,
 чего солдаты боятся.
 Вот почему и умер мой сын.
 Он умер, чтоб избежать этой смерти.
 Понимаете,
 как он наверх выкарабкался?
 Вы понимаете, дети?

Бежит брестский поезд.
 Бежит среди ночи...
 Ах, если б и правда так быстро бежала!
 От скольких бы мук,
 жестоких, напрасных
 люди бы освободились тогда.
 Но правда опаздывает иногда.
 Так опаздывает!
 Так опаздывает!..

Бежит брестский поезд.
 Несётся вперёд.
 А мы?
 Мы бежим назад —
 за материнским рассказом.

Война...
 Это тысячи,
 это миллионы расставаний.
 Война, это вроде поезда,
 который маневрирует взад и вперёд

в оглушительной тишине,
маневрирует мимо чёрных шлагбаумов, —
жаловаться не пытайся —
поздно. —
Маневрирует поезд,
и ты не видишь
тех, кто на той стороне.

Но однажды этот поезд прошёл,
и дни расставаний длинные —
эти бесчисленные вагоны —
мимо с грохотом пролетели.
И тогда поднялись шлагбаумы.
И, перешагнув через линию,
люди соединились
и перекличку сделали.

Назывались миллионы имён.
И одни отвечали: «Есть!» —
и бросались в объятьях земли.
Другие —
лежали в объятьях земли.
Некоторые не отвечали совсем.
Их имена можно было прочесть,
но где они сами,
что с ними стало —
люди сказать не могли.

Фамилии тех, кто вернулся,
отмечались птичкой.
Это значило, что они сохранили
крылья среди военного грома.
Тех, что погибли,
отмечали крестиком.

По привычке.
 И ещё потому, что значенье крестика
 понятно любому.
 А перед теми,
 о ком ничего не знали,
 поставили
 вопросительные
 знаки.

Так наша попутчица
 превратилась из матери воина
 в мать, которая вынянчила и вскормила
 вопросительный знак.
 Может, сын погиб...
 Может, умер в лагере, как невольник...
 Или...
 Или...

Знаки вопроса, как скользкие змеи,
 У сердца шипели.
 Пять лет прошло.
 Десять лет прошло,
 и больше прошло.
 Порою соседки,
 видя, как ей тяжело,
 утешить её,
 успокоить её хотели.

Говорили они: «Не расстраивайся...
 Наверное, он живой».
 И тогда она с гневом смотрела на них,
 как будто они говорили:
 «Погиб он...»

«Он, наверно, погиб на фронте...»
 Говорили они порой.
 И она спокойно смотрела на них,
 будто они говорили:
 «Жив он...»

И бежало время,
 как яростный конь.
 Сквозь года.
 И она не знала,
 куда этот конь её привезёт:
 к воротам добрых известий,
 к воротам стыда. ...
 А, может, сбросит в канаву,
 и окончится всё.
 И она умрёт,
 не прибыв никуда, ничего не зная.
 И шли годы...
 И она стояла в тупике вопросительного знака,
 как стоит слепая
 в тупике незнакомого города.
 И шли годы...

И где-то там,
 глубоко под землёй,
 по солдатскому праву
 сын боролся и шёл
 уже без дыханья и крови,
 чтоб прийти к ней на помощь,
 осветить ей дорогу факелом славы,
 провести её на шоссе,
 где шагают матери
 погибших героев.

Она ничего не знала об этом сражении
долгом.

Она только знала одно:
сын был большим и сильным.

Иногда ей казалась жизнь
очень простой и доброй,
очень похожей на детскую комнату сына.
В детстве
прятался под кроватью,
а когда повзрослее стал он
и они к реке приходили,
он в воду нырял сгоряча,
и осторожно на берег выходил за кустами,
а потом показывался на глаза,
весело хохоча.

А если шли по грибам,
то он убегал опять,
и, когда она от отчаянья
не видела ничего
и когда домой поворачивала,
чтоб людей на помощь позвать,
вдруг раздавалась с дерева
любимая песня его.

«Не спи, вставай, кудрявая,
в цехах звеня,
Страна встает со славою
на встречу дня».

Да жизнь ей порой казалась похожей
на реку, на лес.

И кричала она, шагая
 в комнате одиночества:
 – Хватит, сынок, не балуйся,
 Куда, ты, сынок, исчез?
 Выйди, сынок, пожалуйста,
 тебя мне увидеть хочется...

И казалось ей,
 что стоит она посередине улицы
 и добраться до тротуара нельзя –
 отказали силы.
 Одни шофера жалеют её,
 другие ругают, хмурятся
 и норовят ударить крылом,
 и такое ведь тоже было.

В одном из бесчисленных кабинетов,
 в двери которых стучала она,
 сидел человечек маленький,
 холодный, как каменная стена.
 Он копался в карточках мёртвых,
 как ворон копается в трупах:
 – Разве можно так беспокоить людей,
 надоело уже старуха!
 Сына мы можем искать на земле,
 как ветра искать в поле чистом.
 А он ведь может однажды спуститься,
 с неба, парашютистом...

Да, она и таких встречала
 за этот нелёгкий срок.
 Они, как несчастные случаи,
 в жизни редкие, но опасные...

Сынок! Сынок!
 Выйди, сынок!
 Не балуйся, слышишь?
 Выйди, сынок!
 Сынок, сынок!
 Пожалуйста, выйди,
 Неужели я жду напрасно?

И он наконец вышел,
 но не так, как тогда, в детстве.
 И песня, которую пел он,
 сегодня была другой.
 Это была негромкая песня
 защитников Бреста,
 которую он записал перед смертью
 на стене ослабевшей рукой.
 «Пусть мало патронов и смерть впереди.
 Не станем вовек на колени!
 Товарищ, товарищ, на стены иди —
 Там знамя советское реет!..»
 Целый месяц битва свирепствовала,
 камни испепеля.
 Всё враги уничтожили.
 Осталась только земля.
 Только она одна
 к партизанам уйти не смогла.
 Только она одна
 не поставлена к стенке была.
 Только её одну
 не смогли заточить в лагерь.
 Она была главным свидетелем.

Дымясь,
 взрываясь, горя, —
 это она всё видела
 с начала и до конца.
 Это в горячей, как кровь, земле
 бьются героев сердца.
 Это любой её камень,
 любая песчинка земли
 кричала:
 «Люди! Придите на помощь!!»
 И люди пришли...

И начали жадно копать.
 Их жадность была больше жадности
 людей, которые ищут уголь,
 золото или скульптуры древние.
 Они копали, чтоб правду найти.
 Правду великую и безжалостную,
 которая в жизни огромней всего
 и всего драгоценнее.

И выходили герои.
 И выходила правда.
 И выходили герои,
 и отдавали рапорты...

Так вышел и сын попугачицы нашей,
 Вышел без жалоб на то,
 что потерял он пятнадцать лет
 воинской славы.
 Что значат пятнадцать лет для вечности —
 Не больше минуты, право.

Что значат пятнадцать лет для вечности?
 Минута.
 Почти ничего.
 В минуту солдат завяжет ботинок
 и догоняет часть.
 Отстанет он на момент от колонны
 и вновь догонит её...

А для старухи пятнадцать лет,
 это не минута, не час.
 Это всё же пятнадцать лет,
 которые взяли своё.
 И те спокойные годы,
 что ей коротать одной,
 это лишь маленький ручеёк
 в ледяной синеве.
 Ручеёк в неподвижных снегах
 жизни, которая за спиной.
 Так их мало — будущих лет, —
 как тёмных волос
 на её голове...

Опоздала прийти к ней почесть.
 Опоздала очень.
 Опоздала прийти к ней почесть...
 Впрочем,
 это бывает часто со всеми творцами.
 И с поэтами,
 и с художниками,
 и с борцами...

Сегодня первый день,
 как она — мать героя,

И эти пятнадцать лет теперь вспоминает
она,
как тяжёлый недуг,
которым была больна.
Бежит брестский поезд.
Бежит среди ночи...

Ритмичные стуки колёс раздаются под
нами.

Но кажется нам:
не колёса это грохочут,
а тысячи неизвестных солдат
в землю стучат кулаками.
Стучат они в росное утро,
в холодную полночь:
«Прийдите на помощь!
Скорее приходите на помощь!!»

Бежит брестский поезд.
Бежит он за часом час.
Дак-дак.
Дук-дук.
Дак-дак.
Дук-дук.
Не забывайте нас.
Не забывайте нас.
Не забывайте нас.
Дак-дак.
Дук-дук.
Дак-дак.
Дук-дук...

Не забываем мы вас.
Не забываем!
Никогда не забудем!
И почти каждый день вручаются
неизвестным героям награды,
отдаются посмертные почести
гордым людям.
Есть правда на нашей земле!
Но и под нашей землёй
есть правда!..

И всех мы отыщем.
Всех!..

ПОЭМА О ЦИОЛКОВСКОМ

I

Так в садах безвестной маленькой Калуги
Зеленеют яблони и шумят,
Но приходит осень, и приходят люди,
И своё богатство отдаёт им сад.

Зеленеют нивы там, вокруг Калуги,
Золотое солнце всходы жадно пьют,
Но приходит осень, и приходят люди,
И своё богатство нивы отдают.

В маленькой Калуге, в деревянном доме –
Плодоносный разум, как богатый сад.
Здесь живёт учитель, беден он и скромн.
Перед ним бумаги на столе лежат:

Сложные расчёты, чертежи и схемы,
Крылья, что поднимут до других миров,
Пропуска к далёким тайникам Вселенной,
Груда драгоценных золотых плодов.

Сколько лет учитель, чтобы дать созреть им,
Согревал их сердцем и своим трудом...
Не приходят люди за богатством этим
В городок Калугу, в деревянный дом.

А вокруг – в Калуге,
А вокруг – в России,
И по всей – по всей земле вокруг
Заперли подвалы рыцари скупые
И ключи боятся выпустить из рук.

Как они боятся за свои богатства,
 Как дрожат при мысли, что когда-нибудь,
 Может быть, придётся с ними расставаться,
 Может быть, придётся людям их вернуть....

В деревянном доме в маленькой Калуге
 Щедрый рыцарь просит только об одном:
 Пусть не забывают, пусть приходят люди
 За его богатством, за его трудом.

– Люди! У меня есть сокровище!
 Люди! Я ничего не хочу за него взамен,
 Скажите только, что нам его дал

Простой учитель из России,
 Простой учитель из Калуги.

Люди, люди!
 Год за годом идёт он вперёд вдохновенно,
 Его голос звучит непреклонно и гордо,
 А на улицах грязь – по колено,
 В министерских коридорах – по горло.
 Даже просто не сразу пройдёшь, так легко
 оступиться...

Но труднее стократ –
 с драгоценной мечтой за плечами.

Сколько раз он стучался
 в тяжёлые двери столицы,
 Но его выгоняли – с жестоким молчаньем.
 Если б его выгоняли камнями,
 Если б его выгоняли штыками,
 Если бы пули вдогонку мчались, –
 Его раны болели бы долго – годами –
 Но когда-нибудь зарубцевались.

Но молчанье наносит такие раны,
 Которые вечно кровоточат...
 Были на свете люди-титаны,
 Погибшие от руки палача.
 На кострах ненависти их сжигали,
 От дыма они задыхались и слепли,
 Но высшая мýка, когда под тобой расстилают
 Равнодушия серый холодный пепел.
 Он убивает медленно-медленно...

Там в садах безвестно
 маленькой Калуги
 Раз в году приносят урожай сады,
 Раз в году на жатву там выходят люди, —
 Разум человека в деревянном доме
 Каждый день приносит там свои плоды.

Иногда при встрече у жены соседи
 Спрашивают: «Муж твой, он не заболел?
 Что его не видно? Где он?» — «Он на небе.
 У него на небе много разных дел».
 Говорит так просто, как другие жёны
 Говорят, «он в поле» или «он в саду».
 Где он?

Он, как воин в битве напряжённой,
 В трудной битве с небом каждый день в году,
 Небо! Легче марли, тоньше и прозрачней
 Ты для тех, кто смотрит на тебя с земли,
 Но прочней гранита —
 ты для тех,

кто начал

Прорубать дорогу сквозь пласты твои.
 Но проложат люди этот путь. Проложат!

Разум — их мотыга,
 разум — их кирка.
 Твёрд гранит небесный, но упорней, твёрже
 Разум человека и его рука.
 Вот с земли на небо первый шаг свой сделал
 За огнём далёким первый Прометей,
 Вот Фархат
 свой заступ
 поднимает смело,
 Пробивая к звёздам
 первый путь людей.
 Он идёт,
 идёт
 в пустыне
 бесконечной,
 Он идёт, вокруг безмолвья льды.
 Он идёт, здесь мысли человеческой
 Редко попадают следы.
 Он идёт... Следы всё реже — реже,
 Вот уже совсем их больше нет,
 Он идёт. В гранит познания врезан
 Новый след!..
 Неизвестность
 Голиафом
 высится,
 Перед ней отступай, Давид!
 Неизвестность человеческой мысли
 Лабиринтов тупиков грозит.

 Перед ним
 сомненье
 бездной чёрной,
 Всё вовлечено в водоворот,

Дальше нет дороги, нет опоры
 И безумен новый шаг вперёд.
 Значит, надо повернуть обратно,
 Значит, надо снова путь искать.
 О, пустыня, как ты необъятна,
 Море – море синего песка!
 Кажется, совсем вблизи оазис,
 Нет, опять мираж, обман опять,
 И пустыня снова

дразнит-дразнит,

И не хочет тайны выдавать.

Так за годом год,

пока,

бесстрашный,

Не увидит он перед собой

Тот оазис истины прекрасной,

Тот оазис с чуткою листвою,

До которой

не касались

пальцы мысли

И которая сейчас шумит над ним:

– Ты пришёл за мною в эти выси!

Ты пришёл за тайной! Так возьми,

Вот она! Тебе даётся в руки.

Смертный человек Земли, владей,

Вот она! Учитель из Калуги,

Небо покоровивший для людей.

И тогда

забываются сразу

и трудные годы,

и возраст,

Он становится лёгким,
 как мальчик,
 что ловко взобрался
 на высокую яблоню:

– Эй, я бросаю вам звёзды!
 Открывайте пошире мешки!
 Подставляйте корзины!
 Люди моей Калуги,
 моей России,
 моей земли,

Моего мироздания... —
 Но в ответ лишь
 молчанье,
 молчанье,
 молчанье.
 Люди не видят его,
 так высоко он взобрался,
 Их ослепила глазная болезнь —
 рабство.
 Люди не слышат голоса,
 зовущего их вдали,
 Их оглушили стоны земли.
 А те, которые видят и слышат,
 Не могут прийти на зов,
 Им не вырваться из оков,
 Петропавловская крепость
 привязана к их ногам
 И железные гири Сибири.
 Молчанье,
 молчанье,
 молчанье.

Голос жены иногда
 разрушает молчание это,
 Он спускается с неба, садится за стол,
 Бедные щи на столе...
 после нужно колоть дрова.
 Нужно думать о долге
 (бакалейщику вновь задолжали).
 Нужно в школу идти
 и давать там уроки...
 Жизнь земная вступает в свои права.
 И с землёю, и с небом
 он в битве жесткой.
 На два фронта борьба —
 из окопа в окоп,
 День за днём, перемирия нет,
 И морщины
 как шрамы,
 изрезали лоб,
 Что склонялся над первым
 макетом ракет.
 Там в Калуге
 учитель стоит
 перед классной доской,
 Учит класс,
 как простые задачи решать...
 Ежемесячно платят
 за это ему
 сто рублей.
 Там в Калуге
 учитель стоит
 перед чёрной небесной доской
 И учит весь род людской,
 как до звёзд довести
 караван кораблей,

И за это награды ему
 не дают никакой, ни гроша...
 С каждым годом ещё равнодушной столица,
 С каждым годом упорней не хочет ему отвечать.
 Легче к звёздам,
 к далёким планетам пробиться,
 Сердце неба задеть, взволновать,
 Чем пробить равнодушие,
 клетку безмозглую,
 Тупость царских чиновников,
 Царских учёных мужей.
 С каждым годом
 бороться трудней и трудней
 За победу, за истину звёздную.
 Высшее общество царских умов
 Никак не желает решить вопрос:
 Признать им или нет того, кто давно
 Признан в высшем обществе звёзд.

||

Циолковский, Циолковский! –
 говорит ему небо, –
 Астронавт! Россия родила тебя раньше,
 Чем родить время астронавтов.
 Родила тебя раньше своей свободы.
 Ты ушёл далеко,
 посиди, подожди,
 Чтоб догнали тебя,
 И не сетуй, что ждать ещё долгие годы.
 – Нет, не долгие годы, –
 он небу бросает в ответ,

Очень быстро идут
 те,
 кто должен меня догнать,
 Я – разведчик,
 пускай ещё армии нет,
 Но она собирается,
 эта могучая рать,
 И придёт,
 и догонит меня...
 Да, я послан вперёд,
 И я должен готовить им встречу,
 идушим за мной,
 Нужно многое сделать,
 нелёгок их будет поход,
 Я их встречу,
 исполнив обычай земной,
 Встречу хлебом и солью!
 Ты услышишь,
 как завтра,
 А не через долгие-долгие годы,
 Я скажу:
 «Добро пожаловать, время астронавтов!
 Добро пожаловать,
 дни астронавтной свободы!
 Астронавты!
 Войдите в этот дом как в свой,
 Правьте небом,
 как начали править землёй!
 Они идут,
 и я должен рассказать им о многом,
 Среди всех небесных дорог
 Показать им самую кратчайшую дорогу
 И отдать им всё, что сделать смог».

– Ты говоришь, что они идут,
 И откуда ты знаешь об этом сам?
 Ты по звёздам моим
 об этом прочёл?
 – Нет, я об этом прочёл по глазам
 Тех, кто придёт,
 кого ещё нет,
 И напрасно ты, небо, споришь со мной,
 В истории разума гордых побед,
 Ты будешь,
 ты станешь
 страницей простой,
 От общей судьбы не уйти и тебе,
 Люди тебя одолеют в борьбе,
 Ты сдашься на милость людям.
 Ты
 нам отдашь ключи!
 Так было всегда и так будет!
 – Нет, Циолковский!
 Молчи!
 Посмотри на себя! Ты уже старик,
 Глаза твои всё глубже
 уходят в глазницы,
 Как два зверя,
 что перед смертью
 прячутся в норы,
 Поседела твоя борода,
 и бела, как стена больницы,
 Как саван,
 который тебя вовсе закроет скоро.
 Годы,
 как слепые крысы,
 корни жизни твоей грызут,

И от смерти тебе не скрыться.
 И погибает с тобой твой труд.
 Посмотри на себя!
 Сколько лет ты отдал,
 Чтоб похитить две-три моих тайны,
 А ведь их у меня миллионы.
 Ты умрёшь,
 станешь прахом, а я,
 Бесконечное и непреклонное,
 Все загадки свои тая
 Буду вечно недосягаемым.
 И ни ты, и никто другой
 Не увидят меня с покорною
 Побеждённою головой.
 – Люди – смертные,
 но человечество
 Также вечно, небо, как ты,
 И пугать меня смертью нечего,
 И угрозы твои пусты...
 Я увижу твоё поражение,
 глазами других людей,
 И проникну в твои владения
 на крыльях других людей.
 Потому я так твёрдо уверен в себе,
 Что уверен в их славной судьбе.
 И победы своей я достиг,
 Потому что я верю в них.
 Две ноги у меня,
 я смогу спотыкаться,
 Я могу оступиться,
 свалиться в ловушку твою,
 Но человечество мудрое братство
 Не упадёт,
 не уступит в бою –

У него миллиарды ног.
 Две руки у меня, они могут устать
 И отпустят тяжёлый плуг.
 Но люди будут небо пахать —
 У них миллиарды рук.
 И тогда победы, что завоёваны мною,
 Пожалуй, покажутся очень малыми
 По сравнению с победами небывалыми,
 По сравнению с победами небывалыми,
 Что завоюют завтра
 Новые астронавты.
 Но сердце моё
 не окажется меньше,
 чем их сердца.
 Потому что я славил их приход,
 Когда тьма,
 выползавшая из дворца,
 Окутывала мой народ.
 Потому что я верил:
 они завоюют Вселенную,
 Когда право на землю
 они ведь не получили,
 Потому что я верил
 в сиянье прожектора,
 Когда в избах чадили лучины,
 Потому что я не верил в человечество,
 Когда оно ещё не верило в меня...
 Я творил,
 и бояться мне нечего
 Того дня,
 Когда люди склонятся над моими бумагами,
 Может быть, обнаружат ошибки, просчёты,

Но увидят,
 что верно в них —
 самое главное,
Без чего не свершил бы я этой работы:
Ни единой ошибки они не найдут
В моей любви к человечеству,
Я любил его,
 Как свою Россию,
 Калугу,
 свой дом...

В этом правда моя перед вечностью,
Перед строгим потомков судом.

УЗБЕК

У плотины я вижу его всегда,
Где бурлит стремительная вода,
Где синеву горячих небес
Отражает широкий пруд.
Он сторожем служит колхозной ГЭС.
«Телохранитель земного солнца» –
Так многие в шутку его зовут.

Эта дорога ведёт от завода
К нашему дому.
Она проходит
Мимо больших колхозных садов.
И каждое утро
К работе знакомой, и каждый вечер,
Расправив плечи,
Усталые после дневных трудов,
По этой дороге идут рабочие,
Шагают гурьбой
И машут руками,
Здороваясь по пути с декханами,
Любуясь полями – коврами ткаными
И разговаривая с ручейками.
А вслед – детвора пробегает шустрая,
И, свежую зелень шевеля,
Колхозная радуется земля,
Приветствуя молодую индустрию.
Точь-в-точь, как приветствуют издалека
Друг друга два боевых полка,
Когда повстречаются в дальнем походе:
– Привет артиллерии!
– Привет пехоте!

Я не помню дня,
 Чтобы наш старик
 Не присутствовал при этих встречах.
 Каждый из нас к нему привык,
 Словно к этим извилинам троп овечьих,
 К этим деревьям,
 И к этой древней
 Земле, опалённой жгучим огнём.
 И с каждым днём
 Звучит для нас родней и напевней
 Приветствие дружбы – «салам алейкум»,
 Которым обмениваемся мы
 При каждой встрече,
 И на рассвете,
 И возвращаясь домой под вечер:
 – Салам алейкум, дети!
 Салам алейкум, дядя Сулейман!

Нам особенно нравится
 Сидеть и беседовать с ним
 Тёплыми, летними вечерами,
 Когда луна,
 Кругла и ясна,
 То появляется, то скрывается,
 Блестя сквозь деревьев густую сень,
 Как будто вдали проходит декханин,
 Держа на плече золотой кетмень.

Он очень стар,
 Но, весёлый и мудрый,
 Напоминает мне Насреддина.
 Когда он родился, эта равнина,
 Словно покрытая вечной тьмой
 Была бесплодной,

Была от века
 Чужой и враждебной человеку,
 Словно идол глухонемой.
 Ещё недавно эти места
 Были сплошной равниной песчаной –
 Бесплодна была она и пуста,
 Как чёрствое сердце хана.
 Голодная степь начиналась отсюда,
 Безжизненная, рябая –
 Там ключ, журчащий увидишь не чаще,
 Чем, ласковую улыбку бая.
 Видели вы,
 Как беспомощно, жалко
 Дрожит спина человечья,
 Когда осужденного раздевают,
 Чтоб избивать кнутом или палкой
 До беспамьятства,
 До увечья?
 Вот так дрожала и наша земля
 На тысячи километров
 Под кнутами жгучего солнца
 И леденящих ветров.
 Разве мечтала она когда-то,
 Измученная зноем палящих дней,
 Что полосатых полей халаты
 Будут пестреть на ней?
 А этих атласных, лёгких рубах –
 Этих весенних лугов разноцветных
 Она не видала даже в мечтах,
 Даже в самых заветных
 Снах!

Детство моё как источник было:
 Вот он пробился с радостной силой

Сквозь груды песков,
 Доверчивый,
 Синий,
 И тут же проглочен жадной пустыней.
 А юность моя была как письмо:
 Его написала мне жизнь-невеста.
 Но тщетно!
 Ещё не дойдя до места,
 Оно перехвачено было людьми.
 О юность! Твоя золотая весть
 Ко мне не дошла:
 Нужда и страданье
 В клочья порвали твоё посланье
 Раньше, чем смог я его прочесть...

Вы видели,
 Как ураган хватает Юрты кочевников,
 Отрывает
 Прочь от земли
 И, как жалкий прах,
 Их в клочья размётывает в небесах?
 Вы видели.
 Как с торжествующим кличем
 Орёл хватает свою добычу,
 Уносит в когтях
 И в гнезде своём
 Клюёт и терзает её живьём?
 Таким был и хан,
 Насильник проклятый:
 Чтоб утолить свой недолгий пыл,
 Он девушку взял в свой гарем богатый —
 Ту, которую я любил.
 Любовь моя!
 Тепла и светла,

Ты юртою крепкой моей была –
 Юртою,
 Что из года в год
 Сердце моё берегла от невзгод.

Но где был путь, чтоб вернуть Айшу,
 Соединиться с нею?
 Сначала я думал:
 Всё сокрушу,
 Похитить её сумею!
 Но гибель грозила бы нам обоим:
 Ведь между нами свирепым прибором –
 Громадой враждебного океана
 Бурлило богатство и сила хана!
 А я был маленьким челноком –
 На таком через море не переправиться,
 Его опрокинуть смог бы прибой
 Любой нахлынувшей волной.
 А ещё между мной и моей возлюбленной,
 Моей загубленной красавицей
 Стоял стеной вековой обман,
 Сотни жалких страниц –
 Коран.
 Сотни страниц – сотни дверей,
 И каждая наглухо заперта,
 Бейся в тоске
 Хоть тысячу дней,
 Недостижима твоя мечта:
 Дверь – на замке, нет ключа в руке,
 Чтобы добраться к ней.

Я был бедняком, простым бедняком,
 Одним из погонщиков каравана,
 Что нашему хану

Каждое лето
 Не раз привозил для его щербета
 Снег с отдалённых склонов хребта
 И ключевую, целебную влагу
 Для водоёмов его гарема,
 Чтоб цвела, как в садах эдема,
 Жён его юная красота.
 Долгие годы горную воду
 Мы своему владыке возили,
 А за труды
 Не имели права
 Отведать хоть каплю этой воды.
 Изнемогая от зноя и пыли,
 Мы только затхлую воду пили —
 Ту, что в песках кое-где остаётся
 На дне заброшенного колодца.

Жажда нас мучила — даже весной,
 Но чем нестерпимей был этот зной,
 Сжигавший, дотла
 Сердца и посевы,
 Тем яростнее листва была,
 Тем гуще, смелей побеги ветвились,
 Тем корни упрямее становились
 У дерев гнева — всегда живого
 Дерев бедняка!
 И это дерево, как святыню,
 Берёт наш народ века и века:
 Его задушить не могла пустыня
 Своим раскалённым морем песка,
 Срубить не могла его ярость бая
 И отобрать за долги
 Сухая,
 Паучья лапа ростовщика.

Двадцать лет моя жизнь,
 Тускла и убога!
 Была словно глиняный, хрупкий сосуд,
 В котором чужую воду несут,
 А после – бросают возле порога.
 Двадцать лет я скитался, как неприкаянный –
 Нищий сосуд с драгоценной водой,
 Который, опорожнив, хозяин
 Мог, забавляясь, разбить ногой.
 Сосуд...
 Но ведь даже сосуд – дороже!
 Глина и та пропитаться может
 Хоть каплей, хоть крохотною частицей
 Богатства, которое в ней хранится.
 А я? Через выжженные края
 Сколько возил я таких сосудов,
 Но не отведал ни разу чистой воды.
 Я был лишь погонщиком ханских верблюдов,
 Был сыном народа,
 Сыном нужды.

На небе – аллах.
 В селеньях – бай.
 А если ты нищ, так терпи нужду
 И вечно живи в своём чёрном аду,
 И вечно строй чужой, недоступный рай.
 Я погибал от жажды, просил –
 Но свирепую бранью мне отвечали:
 Так я чужую радость возил
 По дороге своей печали.

Но вот однажды...

Это случилось во время первой войны.
 Болезнь, нужда, оскудевая,
 И всё мучительней гнёт владык.
 И солнце с пылающей вышины
 Свисало, безжизненное и белое,
 Словно сухой язык.
 В один из таких раскалённых дней
 Толпы людей,
 Обезумев от мук,
 От горя и жажды изнемогая,
 Сошлись из покинутых кишлаков
 И окружили колодец бая –
 Этот последний спасательный круг
 Среди моря знойных песков.
 Байские слуги били кнутами их,
 Чтобы они ушли,
 Но люди валялись в пыли,
 Но люди цеплялись отчаянно –
 Это жизнь – за каменный край колодца,
 – Спаси! Исцели! –
 Молили хозяина. –
 Иначе нам всем погибнуть придётся!..

Но бай был упрям: он свои стада
 Поил здесь из года в год.
 Для жадного бая был, как всегда,
 Дороже людей
 Скот.
 Бай был всесилен,
 Бай был богат,
 И, видя вокруг народ подневольный,
 Велел он прогнать бедняков назад,
 Назад – в горячие волны!
 А наш караван проходил как раз

От этих несчастных недалеке.
 Напрасно, увязнув в жгучем песке,
 Они в тоске махали руками,
 Уже не в силах крикнуть ни слова —
 Стража нас оттеснила прочь
 От этого скопища полуживого,
 Тонущего в песчаном море,
 И вскоре их скрыли от наших глаз
 Душная пыль
 И чёрная ночь.

Расположившийся на привал
 Наш караван во тьме отдыхал.
 Я встал,
 Тайком отвязал верблюда,
 Навьючил бочки и по пескам
 Бежал к умирающим беднякам.
 Они мне встретились по дороге,
 Уже не люди — бродящие тени,
 И бросились на колени,
 И ноги
 Мне целовали с восторгом и страхом,
 И называли меня аллахом,
 Потому что уже не могли поверить,
 Что может им человек помочь!
 И только когда отступила ночь,
 И стража в ярости налетела,
 И стали плети хлестать моё тело,
 И стали топтать копыта коня,
 Только тогда убедились люди,
 Что я — не аллах,
 Что я — их родня.

В бочку пустую меня затолкнули
 И путь продолжали
 К владениям хана.
 Мне угрожали петлёй и пульей,
 Страшными пытками мне угрожали.
 А я,
 Измученный,
 Скрюченный в бочке тесной,
 Бился о стенки руками, ногами, лбом,
 Крича:
 – Убейте!
 Отдайте меня палачу!
 Но не хочу этой жизни бесчестной,
 Не хочу быть больше ханским рабом,
 Народу служить хочу!

И всюду, где бы не проходили
 Верблюды нашего каравана,
 Слышали люди голос из бочки,
 Голос глухой и странный,
 И думали, это – сама вода
 Кричит им из бочки:
 – Скорей сюда!
 Не хочу быть больше рабом хана,
 С народом я быть хочу,
 Народу служить всегда! –

...Однажды в сырой тюремный подвал,
 Где смерти я каждый день ожидал,
 Стража швырнула ещё одного –
 Тоже приговорённого к смерти.
 И стало нас двое с этого дня:
 Голубыми были глаза у него,
 Карими – у меня.

Но раньше, чем я узнал его имя,
 Мы были уже друзьями, —
 Ведь участь у нас была одна,
 И одинаково смерть черна,
 Глядят ли в лицо ей глазами, как высь, голубыми
 Или карими, как земля.

— За что тебя, брат, казнить хотят? —
 Меня он спросил.
 — За то, что привёз я желанную воду
 Умиравшему в нищете народу!
 — А за что тебя умертвить хотят? —
 Его я спросил.
 — За то, что принёс я желанный свет
 Изнывавшему в темноте народу! —
 Так он сказал в ответ.

В этот день я узнал,
 Что солнце есть на земле,
 И что зовут это солнце —
 Ленин.

Так стали мы братьями
 В этой тюремной мгле:
 Я,
 Водивший всю жизнь верблюдов хана,
 И он,
 Водивший всю жизнь паровозы царя.

Мы ждали, вот-вот наступит заря,
 И будем оба мы бездыханны:
 Меня утопить обещали в бочке с водой,
 А его — собирались сжечь в паровозной топке.

И мы решили:
 Пока я не захлебнусь,
 Пока и он не будет в топке сожжён,
 Кричать до последнего вздоха мы будем
 Людям,
 Братьям своим:
 – Не хотим быть рабами смерти,
 Слугами жизни мы быть хотим! –
 С такою силой кричать,
 Чтобы услышал нас весь народ
 И поверил бы навсегда,
 Что это сам огонь кричит и зовёт,
 Кричит и зовёт
 Сама вода!

Революция освободила
 И нас,
 И огонь,
 И воду,
 Свободу дала и силу
 Воспрянувшему народу.
 Свой прежний ад навсегда оставил народ
 И вышел строить свой собственный рай.
 Вижу я, как из года в год
 Преображается край,
 Как рядом со старыми минаретами,
 Где прежде молился покорный люд,
 Поднимаются новые минареты –
 Заводские трубы встают.
 И дым, вздымаясь столбом седым,
 Тянется в небо, как борода
 Труда – единственного хаджи,
 Которого я всегда уважаю,
 И гудки оглашают наши пески,

Воспевая
Нового человека,
Не знающего ни горя, ни страха,
Человека – единственного аллаха,
В которого верю я,
И вы, мои дети, верьте!
А пустыни – жадные армии смерти –
Тоже меняются в наши дни:
Окружённые реками и каналами,
Одна за другой
Сдаются они!

Улыбается Сулейман,
Наш друг,
И широко раскрывает объятия,
Как ласковый чародей,
Приветствуя всё, что видит вокруг:
Свободную землю,
Свободные воды,
Свободных людей:
– Салам алейкум, братья!
– Салам алейкум!

ПАРАД В ПИРЕЙСКОМ ПОРТУ

I

За рядом ряд,
 за рядом ряд
 идут,
 идут к Пирею
 отряды греческих солдат,
 запроданных в Корею.

За рядом ряд,
 за рядом ряд
 вдоль набережной всей
 полки наёмников стоят,
 винтовки новые блестят,
 и репродукторы храпят,
 орут на весь Пирей.
 Орут,
 как только в силах,
 про бой при Фермопилах.

За рядом ряд,
 за рядом ряд
 стоят,
 стоят
 полки;
 дразня солдат,
 дразня солдат,
 на каждом здании висят
 знамёна-языки.

О флаги!
 Сколько их?
 Не счесть лоскутьев гордых.
 А завтра
 столько и будет здесь
 мантилий чёрных.
 В лесу штыков,
 в лесу штыков
 солдат просвета ищет,
 а завтра столько же крестов,
 убогих мачт без парусов,
 поставят на кладбищах.
 Порядок смотра чинно строг.
 Сначала битый час
 оратор на трибуне жёт
 огни бенгальских фраз.
 Взлетали в воздух искры слов:
 «Корея...
 враг...
 разбить...»
 Свечами завтра у гробов
 его словам чадить.

Идёт по плану торжество.
 Стоят полки пехоты.
 Солдаты – каждый – номер свой
 имеют, как банкноты.
 Корабль на рейде ждёт их, ждёт
 плавучей кассой чёрной,
 он их пожрёт за взводом взвод,
 когда прикажут горны.

Солдаты – рой притихших пчёл.
 Их всех сграбастать рад

наместник доллара – посол,
 заморский пчелокрад.
 Солдаты – табуны коней;
 торопится посол
 за шею тем, кто покрупней,
 венки оливковых ветвей
 набросить, как лассо.

Посол с трибуны смотрит вниз.
 Внизу

министров ряд,
 улыбки не снимая с лиц,
 приветствует парад.
 Их фраки чёрные слились
 в дорожку, и по ней
 потом сойдёт спокойно вниз,
 заморский лиходей.

||

Греция,
 яблоня, светом рождённая,
 хотят с твоих веток украсть сыновей,
 швырнуть
 в корабельные трюмы
 бездонные
 и прочь увезти
 за десятки морей!
 Греция!.. Гордые древние горы!
 Греция!.. Солнце, как кисть винограда!
 Рухнула ты
 на порог
 Средиземного моря,

кровью окрасила
 волн серебристых громады.
 В клочья изодрано платье твоё
 голубое,
 американский
 приставлен к виску автомат.
 Выполнил янки свой план шантажа
 и разбоя:
 выкрали всё
 и детей твоих
 выкрасть хотят.

III

Золотыми часами
 солнца диск
 над землёй.
 И насмешливо
 смотрит
 посол
 на светило,
 перекошены губы
 улыбкой кривой,
 мысль — забавная очень —
 посла осенила;
 от жары
 у него
 распалились мечты:
 вот подняться б
 в небесную высь,
 да и сбросить бы
 солнце
 к чертям
 с высоты,

как чужую рекламу,
 вниз,
 чтоб светил над землёю
 и ночью, и днём
 гангстерский
 тусклый фонарик
 карманный:
 было бы легче тогда
 промышлять грабежом,
 раздевать народы
 и страны.
 Но солнце висит
 на стене Вселенной,
 как листовка,
 которую каждый день
 жизнь вывешивает
 неизменно
 перед глазами
 миллионов людей.
 Свет солнца
 над миром льётся,
 льётся
 и будет литься,
 и так отвечает солнце
 мечтательному убийце:
 «Я — жизни цветок,
 мои корни в бескрайних
 просторах.
 Звёзды — несметные листья
 небесных ветвей,
 и живёт в них
 земля — соловей,
 на неё навели автомат
 палачи,

но мои ослепят их лучи,
 ослепят
 и спалят».
 Тихо солнце к закату клонится,
 золотое ухо своё
 приложило к груди земной,
 бьётся сердце земли,
 песню сердца земли
 слышит солнце,
 славит в песне земля
 солнца свет над собой.

IV

Эту песню вы слышите,
 эй, палачи!
 Эта песня –
 как поступь миллионов,
 идущих на бой
 против вас.
 Эта песня
 сегодня повсюду звучит,
 с ней герои Кореи
 шагают сейчас.
 В эту песнь
 свою кисть
 Пикассо обмакнул,
 и, как силы и радости вестник,
 наше сердце с собой
 унося в вышину,
 Голубь Мира
 взлетел в поднебесье.
 С этой песней Поль Робсон,
 Мичурин народных мелодий,

грустным песням рабов
 прививает побеги Свободы.
 С этой песнею Шолохов
 поит из «Тихого Дона»
 животворной водою
 сердца миллионов людей,
 их в Сахару хотят превратить
 ваши книги
 и ваши законы,
 смертоносные,
 как суховей.
 С этой песнею Шолохов
 в темнице своей
 за семнадцать тюремных лет
 семнадцать зажѐг негасимых огней.
 И песен его сокрушительный свет
 прорвался
 сквозь стены ваших ночей.
 С этой песней
 становится в наши
 ряды,
 в сотни окон неся рассвет,
 сторонник мира,
 гигант-богатырь –
 новый Московский университет.
 С этой песней с турбины рванѐтся
 Волга
 у Жигулей,
 и ваш подлый огонь
 захлебнѐтся
 в море чистых огней.

V

За рядом ряд,
 за рядом ряд...
 идут,
 идут солдаты,
 винтовки новые блестят,
 в груди солдат
 сердца стучат,
 их стук,
 как мерный стук часов,
 тоскливый и унылый,
 ведёт, ведёт подсчёт шагов
 от дома до могилы...
 Дымятся трубы кораблей.
 Дым, точно смерти знамя,
 повязок траурных черней
 висит над кораблями.
 За рядом ряд...
 за взводом взвод...
 идут,
 идут солдаты,
 их провожает подлый сброд,
 продавший греческий народ, –
 министры,
 депутаты,
 попы,
 военные чины.

Блестят медали,
 галуны,
 ремни,
 цилиндры,
 ризы...

Куда спешишь, солдат?!
 Пстой!
 Здесь провожатой нет одной,
 нет матери Отчизны.
 Здесь нет Эллады!
 Оглянись!
 Лишь смерть с тобою рядом...
 Но, славя мир
 и славя жизнь,
 по всей стране парадом
 идут,
 идут,
 идут,
 идут сыны Эллады!

За рядом ряд!
 За рядом ряд!
 К плечу плечо!
 В руке рука!

Знамёна в воздухе парят!
 Листовки по ветру летят!
 Кипит и плещет наш парад,
 как бурная река.
 За рядом ряд!
 За рядом ряд!
 К плечу плечо!
 В руке рука!

Идёт Эллада на парад.
 В груди людей сердца стучат;
 их стук,
 как звонкий стук птенца,
 когда, набравшись силы,

дробит он скорлупу яйца.
 В победу верят те сердца!
 Они несут в себе птенца
 голубки белокрылой!

Найдите,
 генералы тьмы,
 в наёмном войске вашем
 солдат, которые, как мы,
 сильны,
 ловки,
 бесстрашны.
 Солдат, которых бы на бой
 благословила мать,
 солдат,
 за мир и край родной
 готовых смерть принять.

Найдите,
 генералы зла,
 в наёмном вашем войске
 солдат,
 которых жизнь звала б
 на подвиг и геройство.
 Как широко открыты нам
 детей и жён объятья,
 так душит тех,
 кто служит вам,
 петля,
 петля проклятья.

Так согревает нас в пути
 подруг прощальный взгляд,

так пульей огненной в груди
он ваших жжёт солдат...

VI

Соберите же вместе
свинцовые тучи
ваших чёрных угроз,
вампиры,
превратит их в лохмотья
наш меч могучий —
тысячецветная радуга мира.

Триумфальной аркой ей в небе
искрится
над дорогами всей планеты,
когда будет последний сражён убийца
силой мира и света.

Собирайте свинцовые тучи,
вампиры!
Их рассеют народов громовые песни!
Будет небо лазурным
на празднике Мира,
будут птицы парить в поднебесье,
будут дети с цветами идти впереди,
будет,
свет проливая
на мирные дали,
наше солнце
у неба сиять на груди.

ПОВЕСТЬ О НЕИЗВЕСТНОМ БОКСЁРЕ

ГЛАВА I

Вверху, над нами, плыли тучи,
 Им в небе не было преград,
 А тут, истоптанный квадрат
 Обтянут ржавчиной колючей.
 Квадрат земли, на ринг похожий,
 Где чемпионом был любой,
 Кто вёл за жизнь неравный бой.
 Где мёртвый не сдавался тоже.

Вот так тогда казалось мне —
 Боксёру, брошенному в лагерь,
 А тучи — траурные флаги,
 Всё так же плыли в вышине.
 С полей войны жестокой лапой
 Зброшен я на ринг гестапо.
 Штыком отсечена свобода,
 И пулемёт, как пёс, у входа.

Со мною пятьдесят ребят:
 Крестьяне, моряки, шахтёры,
 А в сущности — мы все боксёры,
 И все на ринге пятьдесят.
 Здесь мастерски сбивали с ног,
 Здесь каждый день кулак расстрела
 Швырял в нокаут чьё-то тело,
 Но он сломить сердца не мог.

Сердца — оружие в борьбе.
 А сколько сделано попыток
 Клещами голода и пыток

Сдавить их, подчинить себе?
 Фашисты множили могилы
 И угрожали: «Твой черёд!»,
 Но у живых хватало силы
 Под взглядом дул шагнуть вперёд.

Блок смертников. В ограде — ток.
 За этой жалящей оградой
 Блок уголовников был рядом —
 Соседний, но далёкий блок.
 Там не трубили трубы смерти,
 Там хлеб давали, а не жмых,
 Туда в надорванном конверте
 Влетали вести от родных.

И кто в том блоке только не был:
 Старик, стащивший корку хлеба,
 И доктор, что больного спас,
 Нарушив комендантский час.
 И сотни новых жертв в те дни
 Туда швыряли конвоиры,
 Но в трюме лагеря они
 Лишь временные пассажиры.

Их по утрам автомобили
 В соседний город увозили.
 Они работали в порту —
 Ладонь в крови, спина в поту,
 Но мы завидовали им,
 Мы, погребённые, — живым.
 Живым, кто в день хоть полчаса
 Мог слушать близких голоса.

Здесь зависть — гость довольно частый:
 Всему завидует несчастный:
 У нас ведь никаких известий
 О родине, о доме, о невесте.
 От них, ходивших за ворота,
 Нас отделял приказ — Ферботен¹⁰.
 И часовые. Даже знак
 Мы не могли подать никак.

ГЛАВА II

Блок смертников. Тут с каждой каланчи
 Угрюмо смотрят пулемёты,
 А в их кольца — лишённые работы
 Литейщики, крестьяне и врачи.
 Вон тот — моряк, а этот — музыкант,
 И я среди них, боксёр в тяжёлом весе.
 — Вы редкая коллекция профессий, —
 Там говорил нам немец-комендант.

Смеялся он: — Коллекции моей
 Теперь никто лишит меня не в силах,
 Её навек я сохраню в могилах,
 Ведь смерть — замок и нет замка верней.
 И вы все по тюремным документам —
 Теперь моя недвижимость навек.
 Не люди вы, а только инструменты,
 Забудьте даже слово — человек.

Он говорил спокойно и зловеще:
 — Не слуги вы и даже не рабы.
 Я — Ганс, а вы всего лишь Ганса вещи,

¹⁰ Ферботен (нем.) — запрещается.

Я, как в футляры, спрячу вас в гробы.
 Вам не взглянуть уже в глаза любимым,
 Вы станете землёю, пеплом, дымом... —
 Но мы надеялись вернуться вновь
 В Семью, в Свободу, в Счастье и в Любовь.

А по утрам, когда была поверка,
 Меня хвалил: — Боксёр, ты молодец...
 (Он говорил по-гречески, подлец,
 Хотя обычно все слова коверкал.) —
 И улыбался он при этом злобно
 И повторял: — Не сумкулы, а медь,
 Давным-давно я экземпляр подобный
 Хотел в своей коллекции иметь.

Такого вот боксёра — медалиста,
 Чтоб был, как ты, тяжеловесом он,
 Чтоб был, как ты, известным, чемпион,
 Чтоб был, как ты, боксёром-коммунистом.
 И Ганс в упор разглядывал меня,
 Ощупывал придирчиво и грубо —
 Так на базаре, чтоб купить коня,
 Задрав губу, разглядывают зубы.

Затем к колючей подходил решётке,
 Что отделяла от соседей нас,
 Там тоже шла поверка в этот час,
 И зубоскалил, не жалея глотки.
 — Эй, Курт, — кричал он, — ты разводишь блох.
 Найди среди своей вонючей своры
 Противника для моего боксёра,
 Такого только, чтоб не сразу сдох.

Подражаться каждый парень будет рад,
 И чешутся у них, наверно, руки,
 И станет этот матч-чемпионат
 Лекарством верным от служебной скуки.
 А мы с тобою заключим пари,
 И хлынет кровь, и разгорятся страсти,
 Пусть нас потешат, чёрт их подери,
 Пускай друг друга раздерут на части. —

Курт бесновался. Узников своих
 Ругал — и падалью, и рванью:
 Не мог он подобрать для состязанья
 Приличного боксёра среди них.
 А Ганс шутил: — У Курта детский сад... —
 И Курт рычал, как пёс, избитый палкой.
 Неделю, а быть может, две подряд
 Словесная тянулась перепалка.

А в это время Ганс, на всякий случай,
 Меня кормить стал очень хорошо,
 И Курт боксёра, наконец нашёл
 И сам привёл его к стене колючей.
 Мы с двух сторон стояли у ограды.
 Противник мой был с виду очень смел.
 Когда ж в упор столкнулись наши взгляды —
 Я понял всё: он драться не умел.

Он мне грозил: — Расправлюсь я с тобой... —
 И принимал воинственные позы.
 Я согласился на неравный бой
 И отвечал угрозой на угрозы.
 Товарищи, предальство кляня,
 Смотрели с отвращеньем на меня.

Один сказал: – Пусть тешит иноземцев –
Немецкая овчарка любит немцев. –

Но я стерпел и промолчал тогда,
Я видел, что противник никогда
Не подлезал в перчатках под канаты.
Он был плечист, но руки слабоваты.
Я угадал, хоть он скрывал неплохо,
Что не боксёр он вовсе, а связной,
Что просто ищет встречи он со мной,
Что он посланец из другого блока.

ГЛАВА III

На ринг взошли мы в воскресенье:
Я в сотый раз, он в первый раз.
Бой без судьи, бой до паденья
В нокаут одного из нас.
Бой только до победы «чистой»,
Чтоб сбитый не поднялся вновь...
И окружили нас фашисты;
Они, как звери, чуют кровь.

Мы были ростом наравне,
Но он – худой, я – коренастый.
– Товарищ, бей, – он шепчет мне, –
Я выдержу, я был гимнастом.
Наш блок послал меня к тебе,
Чтоб передать ребятам вести,
Чтоб в наступающей борьбе
Мы с вами тоже были вместе... –

И гонг раздался, словно гром,
И дождь ударов хлынул звонок,

Скакало сердце, как ребёнок,
Играя, скачет под дождём.
Оно в груди от счастья пело,
И потому любой удар
Мы принимали, словно дар, —
Не ощущало боли тело.

Он шепчет быстро: — Сталинград...
Фон Паулюс в тиски зажат... —
Он бьёт, а я ударам рад:
Фон Паулюс в тиски зажат.
— Замкнули русские кольцо... —
Он говорит, а сам дерётся,
И хоть в крови его лицо,
Мне кажется, что он смеётся.

Везде при слове Сталинград
Друг друга обнимают люди,
И в честь Победы из орудий
Салюты гулкие гремят.
А здесь, внутри большого круга,
Сходясь и расступаясь вновь,
Бьют два товарища друг друга,
На землю сплёвывая кровь.

Кричат фашисты: — в челюсть... справа... —
Спокойны только мы вдвоём,
Мы насладиться псам даём
Тем зрелищем, что им по нраву.
И мы безжалостно калечим
Друг другу тело и лицо:
Коль мы насытим подлещов,
Тогда нас ждут другие встречи.

О, как мы жаждем всей душою
 Опять встречаться и опять, —
 О многом надо нам сказать
 За время боя небольшое.
 Но мой «противник» на беду
 Стал оступаться и шататься.
 Он шепчет мне: — Я упаду..
 Устал... Ослаб... Не продержаться.

— Нет, должен я сегодня лечь,
 Чтоб показался ты фашистам
 Пригодным для дальнейших встреч.
 Так бей в живот мне, только быстро. —
 Ему мой замысел стал ясен.
 Он взглядом отвечал: — Согласен. —
 Удар неточен был и вял,
 Но я согнулся и упал.

Ганс выл от злости, как собака,
 А Курт задрал прыщавый нос.
 А я? Я счастье всем принёс
 Под крышу грязного барака.
 К нам звонких ветров голоса
 Всю ночь с Большой земли летели,
 И, как под ветром паруса,
 В ту ночь надежды наши пели.

— Реванш. — Всё время Ганс твердит.
 Хотя он на меня сердит,
 Но дал для прыгалок верёвку,
 И сам пришёл на тренировку.
 И блок меня готовит к встрече:
 Я тексты писем, словно стих,

Учу, как школьник, каждый вечер,
 Чтоб передать связному их.

Дней через десять или раньше
 Был дан реванш. Я победил.
 Теперь не Ганс, а Курт твердил
 О новом бое, о реванше.
 А Ганс смеялся: – Подожди,
 Сначала подлечи гимнаста... –
 И скоро, матчи стали часты,
 Как поздней осенью дожди.

Ринг стал подпольной нашей явкой,
 Он нас связал с Большой землёй.
 А немцы, развалясь на лавке,
 Беспечно наблюдали бой.
 Посланья, с синяками вместе,
 Я приносил уже не раз,
 Но ждали больше всех известий
 Мы о восстании приказ.

Мы знали, поздно или рано,
 Ворвутся в лагерь партизаны,
 И самодельных шесть ножей
 Блок притаил на сторожей.
 Но трудно ждать. Людей среди ночи
 В белье уводят палачи,
 И выстрелы гремят в ночи,
 А утром взглянешь – строй короче.

Однажды утром Ганс сказал:
 – Пришёл приказ, меняют стражу.
 Придётся мне прикрыть «спортзал»,
 О боксе позабудьте даже.

Уйду и я, уйдёт и Курт,
 А новый ваш начальник крут... –
 Так, значит, связь порвётся вскоре?!
 Мы слушаем, застыв от горя.

Ганс продолжал: – Пока нет смены,
 Я многое могу успеть.
 Я вас порадую, спортсмены,
 Устроив бой на Жизнь и Смерть.
 Боксёр, запомни: матч последний,
 И если выиграешь бой,
 Противник в блок приходит твой,
 А ты уходишь в блок соседний.

И номер твой, и эта куртка,
 Всё перейдёт к нему на век,
 И он – погибший человек.
 Что, неплохая, в общем, шутка?!
 Старайся. Жизнь – бесценный приз.
 Я любил тебя за силу,
 Так сбей его в свою могилу –
 Вот на прощанье мой сюрприз.

А с Куртом мы покончим спор:
 Я ставлю на тебя сто марок.
 Так на прощание, боксёр,
 Ты тоже сделай мне подарок.
 Ты класс свой докажи на деле,
 Чтоб эти марки у меня
 К исходу завтрашнего дня
 В кармане весело хрустели...–

Весь блок его с презреньем слушал,
 А мне заткнуть хотелось уши,

И я, как все, был убеждён,
 Что деньги проиграет он.
 Мы думали о дне восстанья,
 И всех терзала мысль одна:
 Не будет встреч. И вновь молчанья
 Меж нами вырастет стена.

ГЛАВА IV

Разделись мы. И стало жутко.
 Призы невинные на вид:
 Вот куртка смертника лежит,
 А рядом с нею Жизни куртка.
 Я твёрдо знал, что, как и прежде,
 Мне надо проиграть. И он
 В своей останется одежде
 И в блок свой будет возвращён.

Вот мы сошлись на ринге снова,
 Кулак в кулак, глаза в глаза.
 Но не атака вдруг, а слово
 Меня отбросило назад.
 – Приказ. Передаю приказ:
 Ты должен победить сейчас...
 Мы поменяемся местами...
 Я знаю точный план восстанья...

Боксёр, крепись... боксёр, держись...
 Не выдавай врагам волненья...
 В твоих руках людей спасенье,
 А я – один, одна лишь жизнь.
 Я передать не в состоянье
 Тебе весь план: последний бой...

Прощай, дружище! В час восстанья
Ещё мы встретимся с тобой...

На нас уже косится Ганс,
Я понимаю: надо бить,
Сегодня лопнет связи нить,
И этот матч — последний шанс.
Я бью. Я бью ещё сильнее,
И не могу сдержать в себе я
Слёз гордой радости моей
За нестигаемых людей.

Но я боксёром был недаром:
Я сердце сжал и друга бил,
Я бил того, кого любил,
А он навстречу шёл ударам.
Не поднимают глаз рабы,
И трус не умирает стоя.
А он стоял на поле боя
Кровавым символом борьбы.

Он был слабей меня, моложе,
Но в этот час наверняка
Он старше всех был на века:
В нём гордый дух Эллады ожил.
И дали сил ему избыток
Десятки, сотни поколений
Людей, не вставших на колени,
Не сломленных веками пыток.

Я бью в лицо. Разбита бровь,
И набухает кровью рана.
Пьянеет, видя эту кровь,
И Ганс, и Курт, и вся охрана.

Он на ногах стоит, едва.
 Удар. Он падает в нокаут.
 Толпа считает: «Раз» и «Два» ...
 Он встать не может: «Девять», «Аут!»

Ганс что-то громко крикнул Курту,
 Схватил с земли гимнаста куртку,
 И, гогоча, в соседний блок
 Меня торжественно повлѣк.
 А он лежать остался тут,
 Недвижим, окружѣн врагами,
 И проигравший деньги Курт
 От злости бил его ногами...

Его триумф врагам неведом.
 Но я-то знал: он победил,
 А я всего лишь только был
 Помощником его победы.
 Враги кругом, и смерть кругом,
 Но сердце верное Отчизне
 И на кровавом ринге Жизни
 Торжествовало над врагом.

ГЛАВА V

Стоял апрель. Гремели грозы,
 Клинками молнии хлестали.
 И вдруг весенней, алой розой
 Расцвѣл огонь, — огонь восстанья.
 Наш гнев и яростно и смело
 Разлился пламенем в ночи:
 Столбы, бараки, каланчи —
 Всё, что могло гореть, — горело.

По трупам немцев и руинам,
 Через ограду, где был ток,
 Бегу туда – в соседний блок,
 А там... в живых лишь половина.
 – А он? – я спрашиваю их, –
 А он, остался ли в живых? –
 Никто в глаза мне не смотрел...
 – У смертников один удел:

Два дня назад прочли твой «номер» –
 Он вышел и сказал: «Я здесь».
 Он был в поступке этом весь:
 Героем жил, героем умер.
 Их, уходящих на расстрел,
 Овчарки окружили с лаем...
 Он и проститься не успел,
 Мы даже имени не знаем...

Да, потерялось друга имя
 В могильной, в непроглядной мгле.
 Он с безымянными другими
 Теперь лежит в сырой земле.
 И вспоминаю я порою
 Его слова: – Боксёр, держись ... –
 Он был герой, а у героя
 Есть имя. Это имя – Жизнь!

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР. 25

I

Все зданья выстроились в ряд,
и только этот дом старинный
Задумчиво стоит поодаль —
там, за оградой, в глубине,
И держит улица его,
как держит мать любимца-сына:
Она к груди его прижала,
чтоб с ним побыть наедине.

Старинный дом, известный дом —
он кузницею стал для многих:
Здесь кузнецами — педагоги,
ученье — тысячи подков,
Ведь знаньем надо подковать
пегасов наших легконогих
И мощных тружеников прозы —
медлительных ломовиков.

Здесь новичков экзаменуют
не только в длинном, строгом зале,
Где проверяет их с пристрастием
седой синклит профессоров,
Но и в саду, где мы не раз
друг друга экзаменовали:
Принять в сословие поэтов
или отвергнуть с первых слов.

Шумят, волнуются деревья,
и чудится, что мать-природа

Сама, волнуясь, ждёт исхода
 экзаменов... О если б ей
 Сейчас замолвить хоть словечко,
 профессора поймав у входа,
 За этих юношей-поэтов,
 её любимцев и друзей.

Но стены ей войти мешают,
 лишь ветви клонятся упруго
 И, словно подбодрить желая,
 заглядывают в окна к нам...
 Зато в саду нетрудно ей
 расположить сердца друг к другу,
 И здесь куда щедрей оценки
 даются робким новичкам.

О добрый, институтский сад –
 великодушный, старый рыцарь!
 Ты – покровитель всех, кто не был,
 увы, зачислен в институт.
 Пусть в будущих его архивах
 дано немногим очутиться,
 Огромен твой архив зелёный –
 здесь тысячи нашли приют!

О наши старые скамейки!
 Вы были с самого начала
 Местами встреч и размышлений,
 помощницами мудрых парт.
 Здесь, под зелёным балдахином,
 царевна-муза нас встречала,
 Здесь разгоралось вдохновенье
 и споров молодой азарт.

Как часто тронами вы были
 для девушек, друживших с нами,
 Но и скамьями подсудимых
 для тех, кто дружбу предавал.
 И многие из тех имён,
 что вырезаны здесь на память,
 Быть может, в мрамор врежет время
 и в нержавеющей металл.

Сюда и я осенним утром
 пришёл под липы вековые,
 Курил, сидел в тени деревьев,
 чтоб хоть на миг передохнуть,
 И знал, что скоро новой жизни
 переступлю порог впервые
 И в путь студенческий отправлюсь –
 в нелёгкий, пятилетний путь.

||

Сентябрь! Весна весёлых школ
 и пробужденье институтов!
 О сколько к лепесткам-страницам
 слетелось пчёл – пытливых глаз!
 Проходит по бульварам осень,
 деревья в золото закутав,
 И вспоминается, как в школу
 я отправлялся в первый раз.

Мать за руку меня ведёт,
 а по пути даёт советы –
 (О этот голос! Я узнал бы
 его из тысяч голосов!)

Как будто я на край земли
 сегодня отплыву с рассвета
 И с ней на много лет расстанусь —
 не на каких-то шесть часов.

Мне было восемь лет тогда,
 но, словно опытный мужчина,
 Я снисходительно и гордо
 выслушивал её слова,
 А ныне, после стольких лет,
 судьбой заброшен на чужбину,
 Её советы вспоминаю:
 о как была она права!

Да, сколько мне за четверть века
 пришлось изведать испытаний,
 Чтоб стать таким, каким когда-то
 меня хотела видеть мать!
 И чем я выше поднимаю
 наш флаг сражений и восстаний,
 Тем бережнее начинаю
 советам матери внимать.

Всегда хорошим сыном будь,
 останься сердцем чист и светел,
 Пусть нелегки года изгнания —
 отчаиваться не спеши.
 Ты думал, что морозен север,
 а как тепло тебя он встретил,
 Хоть слышит только в переводах
 трансляции твоей души.

Я не отстану от других
 наперекор любым помехам,

Пусть для меня законом станут
заветы матери родной:
Хочу, чтоб каждый мой успех
серьёзным, взрослым был успехом
И чтобы детским недостатком
был каждый недостаток мой.

Сижу в саду — и вижу мать,
и разговариваю с нею,
Точь-в-точь, как молятся иные,
когда уходят на войну
Или в далёкое скитанье,
чтоб стать упорней и сильнее...
Пора! И, как сигнал к отправке,
звонок пронзает тишину.

Вот лестница: её ступени
похожи на крутые сходни.
Сейчас мы в первый рейс выходим,
ждут берега далёких стран,
И Горький с мостика глядит —
он поведёт нас в путь сегодня:
— В моря столетий, в даль дерзаний
веди нас, зоркий капитан!

III

Живу, тружусь, учусь в Москве,
а плаваю по всей Вселенной —
По мглистому Средневековью,
по древним, голубым морям,
И путеводными огнями —
огнями мудрости нетленной

Глаза ослепшего Гомера
дорогу озаряют нам.

Вот строгий Данте – мрачный «Ад»,
чьи строки рая нам дороже,
А вот – трагедии Шекспира:
меж двух суровых берегов
Всегда бурлит его Ламанш,
на душу Гамлета похожий,
Что бьётся между двух вопросов,
не в силах сбросить их оков.

Вот слышен голос Дон-Кихота
над иберийскими холмами:
«Немало торгашей практичных
меня травило в наши дни.
Но где они? А я, романтик,
живу, сражаюсь вместе с вами,
И получается, что был я
куда практичней, чем они!»

Плывём, плывём из края в край,
а всё немало белых пятен,
Огромен путь вокруг искусства –
огромней, чем вокруг земли:
Ведь неизменен шар земной,
а мир искусства – необъятен,
Всё дальше, к новым континентам,
несутся годы-корабли.

О время – вечный мореход!
С какой неистощимой силой
Ты к новым берегам стремишься –
к архипелагам красоты!

Ты гений Пушкина и Гёте,
 Гюго и Шиллера открыло,
 И с каждым днём страны искусства
 границы расширяешь ты.

Тобой проложенным маршрутом
 мы свой корабль вести готовы,
 Наукой кораблевождения
 овладевать из года в год,
 И светятся, как Млечный Путь,
 росинки пота трудового
 И, словно вехи, отмечают
 наш неустанный путь вперёд.

Упорный, терпеливый труд –
 надёжней нет ориентира!
 Трудись – и к самой дальней цели
 всегда сумеешь путь найти.
 Но знай: не раз среди скитаний
 по незнакомым странам мира
 С холодной Вегой равнодушья
 ты повстречаешься в пути.

На звёздах Южного Креста
 ещё раз тебя распнут, быть может,
 Ты должен всё в пути изведать,
 но горе, если кто-нибудь
 Исподтишка кусок железа
 под верный компас твой подложит,
 Чтоб твой корабль на полдороге
 к чужому берегу свернуть.

Там в плен тебя возьмут пираты
 и умертвят тебя в неволе

Намыленной петлёю лести,
 тоски ударом ножевым,
 Глаза тебе замажут ложью,
 утопят сердце в алкоголе.
 Чтоб стал ужом твой вольный сокол,
 а сам ты – мертвецом живым.

IV

Так, что ни утро – то отплытье,
 и что ни вечер – возвращенье,
 И, с корабля спускаясь, видим
 наш берег – наш Тверской бульвар,
 И мы опять с родной эпохой
 сливаемся в одно мгновенье,
 Играющий огнями город
 берём, как драгоценный дар.

Усталость мыслей – отдых сердца,
 оно стучит свежо, упруго,
 Вот почему, сойдясь под вечер,
 с таким волненьем и теплом
 Лирические поцелуи
 дарили мы своим подругам
 И задушевные беседы
 вели за дружеским столом.

Вот почему стипендий нам
 хватало лишь на две недели,
 Ведь ни сердца свои, ни деньги
 мы не хранили взаперти,
 Но в ногу с временем шагать
 лишь наши деньги не умели,

Зато в стихах своих мы знали,
как в ногу с временем идти.

Бежит стремительное время,
несётся по октябрьским рельсам,
По рельсам, что уже покрыли
наполовину шар земной,
И скоро космос завоеует
бесстрашным, межпланетным рейсом
Все страны, все сердца,
все звёзды в семье объединив одной.

Полмира в нашем общежитье:
румыны, русские, албанцы,
Корейцы, чехи и узбеки,
кто жил в степи, кто среди гор,
Кто любит море, кто – тайгу,
кто хвалит Киев, кто – Констанцу,
Кто – знойный юг, кто – Заполярье, –
и долго не смолкает спор.

Но если заходила речь
о нашей огневой эпохе,
Все за неё голосовали,
все были сразу заодно!
Мы любим путь её крутой
и флагов алые сполохи,
В её суровый, трудный климат
навек сердце влюблено.

Мы и эпоха – близнецы,
счастливые молодожёны,
О самом дорогом друг другу
мы говорим наперерыв,

Но чуть ошибка или промах –
 смолкаем мы настороженно,
 Её обидеть не желая,
 досаду в сердце затаив.

Мы – не святоши, не ханжи,
 что всё готовы хором славить!
 Бывает, крепко любишь друга,
 но если он ошибся вдруг,
 Не отрекайся от него,
 а промах помощи исправить.
 Вот так и мы с эпохой дружим,
 она – наш неизменный друг.

Эй, критикан неугомонный!
 Напрасны все твои потуги,
 Когда из тёпленькой конурки
 наш век хулишь на все лады!
 Признайся лучше, почему
 о бизнесах своей супруги
 Всегда молчишь с невинным видом,
 как будто в рот набрал воды?

Ты нам, конечно, возразишь,
 что было б слишком негуманным
 Такое хрупкое создание
 попрёком грубым обижать...
 Червяк!.. По-твоему, гуманней
 жизнь отравлять своим обманом,
 Плевать на целую эпоху,
 миллионам в спину нож вонзать?

Мы и эпоха – близнецы,
 мы с нею путь прошли суровый

Мы вместе сквозь труды и битвы
 шагаем в будущие дни.
 Её призывы боевые
 мы понимаем с полуслова,
 А недостатки исправляя,
 не любим лишней болтовни.

Мы в нашем сердце счёт ведём
 её победам и потерям,
 Не чувствуя её дыханья,
 и дня прожить бы не смогли б,
 В разлуке со своей отчизной
 ты можешь ей остаться верен,
 В разлуке со своей эпохой
 ты изменил ей, ты – погиб.

Да, мы порой смолкаем строго,
 но это – мудрые мгновенья:
 Молчит поэт, когда он хочет
 стихотворенье перечесть,
 Исправить всё, что упустил
 в горячем вихре вдохновенья.
 Я знаю: есть молчанье смерти,
 но и молчанье жизни есть.

Мы славим песней и стихом
 её поля, её машины,
 Лавины тракторов и танков,
 морей лазурный окоём,
 И всё, что в нас, и всё, что с нами:
 невзгоды, раны и морщины,
 Любовь и дружбу, труд и счастье –
 своей эпохой мы зовём.

Все: мощный угольный комбайн,
 гудящий глубоко в забое,
 И лёгкий реактивный сокол,
 свистящий в небе грозовом,
 И светочи кремлёвских звёзд,
 весь мир зовущих за собою,
 И тихий свет неяркой лампы
 здесь, над студенческим столом.

V

Наш небольшой полуподвал
 ни днём, ни ночью не пустует:
 Ведь за стеною — ровень с полом —
 двор, мостовая, тротуар,
 И смело улица заходит к нам,
 в нашу комнату простую,
 И смело комната выходит
 на улицу и на бульвар.

И чувствует себя, как дома,
 весь город в этой комнатёнке,
 И чувствуем себя, как дома,
 мы в этом городе большом,
 Мы всё на улицу выносим:
 наш смех и спор, и говор звонкий,
 Хоть и ворчит порой прохожий
 и нас ругает поделом.

Мы всё на улицу выносим:
 любви и гнева жаркий ветер,
 Но не сердись на нас, прохожий,
 за нашу молодую прыть,

За наши шумные гулянья,
 когда резвимся мы, как дети:
 Тому виной большое сердце —
 его не в силах дом вместить.

Ты можешь нас ругать, прохожий,
 но как отец, как друг-приятель,
 Что ж, мы всегда послушать рады,
 ведь все мы — дружная родня.
 Мы позаботимся о том,
 чтоб ты напрасно слов не тратил,
 И за поводья схватим юность —
 нетерпеливого коня.

Зато попробуй нам сказать,
 вздохнув о временах старинных:
 «Эх, молодёжь пошла! Не может
 себя как следует вести!» —
 Молчи! Пусть не умеем мы
 вести себя в салонах чинных,
 Зато как следует сумели
 сквозь полымя войны пройти.

Да, поскользнулся и упал
 вчера мой однокурсник Боря,
 Когда у зеркала в прихожей
 учился танцевать фокстрот.
 Он ковыляет на протезах,
 но гордость в нём сильнее горя,
 Его душа не поскользнулась
 в годину бедствий и невзгод.

Свой галстук ни за что Володе
 не завязать узлом красивым:

Рука обрублена осколком,
 и ноет в рукаве культя,
 И трудно улыбнуться Диме:
 раздроблен подбородок взрывом,
 Торчат во рту стальные зубы,
 двойной обоймою блестя.

VI

А рядом, за стеной, смеётся
 и спорит молодняк шумливый.
 За бабочками рифм цветистых
 они гонялись в первый раз
 На стройках мирных городов
 и в шелесте колхозной нивы...
 Когда увяла наша юность,
 их юность только началась.

Закат чудовищной войны,
 победы пламенные зори —
 Вот тот рубеж неумолимый,
 невидимый водораздел,
 Что судьбы отделяет их,
 весёлых, не хлебнувших горя,
 От нас, так рано возмужавших
 среди траншей и мёртвых тел.

За бабочками первых рифм
 мы на полях войны гонялись,
 И были алыми от крови
 края их крылышек цветных,
 Они на страшные цветы —
 на губы павших опускались

И горестный нектар собирали –
последнее дыханье их.

Надёжно наше поколение,
оно надёжно, как «Победа»,
Что много тысяч километров
уже прошли в былые дни.
Теперь машины новых марок
стрелой летят за нами следом –
Пусть совершенней их моторы,
но не обкатаны они.

Они несутся автострадой –
не фронтовой дорогой тряской,
Задорней флагов фестиваля
их ярких красок пестрота,
А наши кузова покрыты
зелёною, защитной краской –
Как наши боевые судьбы,
она сурова и проста.

Там, за стеной, шумит, поёт
смеётся молодая поросьль,
А в нашей тесной комнатухе
что ни студент – то ветеран.
Друг другу мы во всём родня,
хоть на войне сражались порознь,
Мои залеченные раны –
ровесницы их старых ран.

А наше сердце в грубых шрамах
дом Павлова напоминает –
Оно не сдастся! И напрасно
его штурмует дней поток.

И с лёгким скрипом на бумаге
 перо не строчки оставляет —
 То на заснеженной равнине
 следы колёс, копыт, сапог.

Мы — поколение войны,
 так и сегодня нас зовите,
 Дала нам буря это имя,
 мы навсегда ему верны,
 Пусть прояснились небеса
 и пронеслась гроза событий,
 Но даже в дни труда и мира
 мы — поколение войны.

Мир! Мы глядим ему в лицо
 не так, как смотрят на чужбину
 Туристы праздные, гуляя
 по экзотической стране:
 На мир мы смотрим, как глядит
 художник на свою картину —
 Она рождалась в долгих муках
 и дорога ему вдвойне.

Мир! Мы четыре грозных года
 твой светлый образ создавали,
 Обмакивая наши кисти
 в золу и слёзы, в кровь и пот.
 Вот почему так хороши
 твои сиреневые дали,
 Твоих закатов алый бархат,
 твой каждый золотой восход!

VII

Втроём, за небольшим столом
 работаем до поздней ночи,
 Не скатерть, а страницы «Правды»
 всегда расстелены на нём.
 На их полях мы часто пишем
 летучие обрывки строчек,
 Лишь после долгой тренировки
 мы их в тетрадь перенесём.

На плитке чайник закипает,
 и, взвившись лёгкою пургой,
 Пар перед форточкой клубится,
 вот он на улицу проник
 И там, в морозной темноте,
 встречается с пургой другою,
 И, как изменчивое время,
 меняет формы каждый миг.

Мне чудится, что он похож
 на облик нашей музыки гневной:
 Её дымящиеся крылья
 возникли из котла войны,
 И всё клубится этот пар,
 свой вид меняя ежедневно —
 Сегодня в нём одни, а завтра
 другие облики видны.

То чистой лирики капель,
 а то — эпические ливни.
 Снег первой мудрости иль бурный
 весенний паводок страстей —

Но главное, что нас томит
 одной заботой непрерывной:
 Быть нужным времени и людям,
 быть нужным родине своей.

Быть нужным!.. В этом жизнь твоя,
 нет счастья большего на свете!
 Пускай на совесть людям служат
 твои заветные стихи!
 Ты – нужен. Значит, ты похож
 на солнце, на листву, на ветер,
 На благодатное дыханье
 живительных, земных стихий.

«Ты нужен мне!» – так шепчет жизнь,
 когда в газете иль журнале
 Свои стихи, склонясь, читаешь
 и сотню раз читать готов,
 И сразу забываешь ты
 про мелкие свои печали,
 И сразу по-другому смотришь
 и на друзей, и на врагов.

«Ты нужен мне!» – так шепчет жизнь,
 теперь вы с ней – вдвойне родные,
 Её отныне с полным правом
 своей любимую зови.
 Как будто женщина тебе
 «люблю!» ответила впервые,
 И каждое стихотворенье –
 как объяснение в любви.

И кто творит из года в год,
 тот вечно юношею будет:

Он с каждой новой строфою
 как будто воскресает вновь.
 Ложится иней на виски,
 но годы сердца не остудят —
 Ведь не стареет жизнь-подруга,
 всегда свежа её любовь.

Так сообщает о рожденье
 или победе небывалой...
 И днём, и ночью общежитье
 похоже на родильный дом.
 Сидим, с кровати ноги свесив,
 закутанные в одеяла,
 И судим каждый стих, рождённый
 бессонницею и трудом.

Ты кончил новые стихи...
 И вот у входа в общежитье,
 На лестнице и в раздевалке
 кого-то ловишь налету
 И в угол тащишь за рукав.
 И, как о мировом событье,
 С восторгом шепчешь, задыхаясь:
 «Давай стихи тебе прочту!»

Глядим, как судьи древней Спарты,
 на новорожденное чадо:
 Стихи удачны и живучи —
 их можно на Эврот¹¹ послать,
 А если немощны стихи,
 их сбросят с высоты Кеада...¹²

¹¹ Эврот – река в Греции, где воспитывали детей – спартанцев.

¹² Кеад – скала, с которой древние спартанцы сбрасывали слабых и уродливых младенцев. С этой же скалы бросались и дряхлые старики.

И, значит, ночь горячих споров
нам обеспечена опять!

Но ведь богаты были мы,
хоть этого не замечали, —
Богаты временем и дружбой,
и радостным избытком сил!
На девушек и на стихи
мы щедро время расточали,
Его дарили всем, кто с нами
и радовался, и грустил.

Иной мне скажет: время — деньги,
печатай из него червонцы!..
А мы — мы время превращали
в надежды, в дружбу, в звон строки.
Мы расточали наше время,
как ласку расточает солнце,
Делили поровну со всеми,
как делят хлеб фронтовики.

Мы время тратить не любили
на ссоры, свары, поединки,
Его мы тратили охотней
на примирение друзей,
А это лучший повод был
для следующей вечеринки,
И были встречи с каждым разом
всё искренней и веселей!

VIII

Да, радость наших тёплых встреч
всегда для нас была желанной

И доброй гостьей. Но порою,
внезапно, как свирепый шквал,
Врывался к нам запой соседа:
он вваливался, злой и пьяный,
Скандал в пивнушке начинал он,
а в общежитье — завершал.

А утром — путь опять открыт,
и вот, не в силах скрыть смятенья,
Мы входим снова в сердце друга —
как страшно изменился он!
Так входят после урагана,
пожара или наводнения
В знакомый дом и молча смотрят,
какой убыток причинён.

На лекцию бредём понуро,
как после боя, обессилев,
И словно горечь отступления,
на сердце — пустота и стыд:
Солдаты будущего мы,
что перед прошлым отступили —
Перед проклятым, чёрным прошлым,
что многим и сегодня мстит.

Так неужели мутный вал
сорокоградусной отравы
Плотина нашей старой дружбы
не сможет отшвырнуть назад?
Она напор фашистских волн
сумела отразить со славой,
А что теперь?.. О как он жалок,
вчерашний фронтовик-солдат!

Доколе будет он сдавать,
 захвачен в плен вонючей водкой,
 Те рубежи, где вместе с нами
 вчера он пролил кровь свою?
 Смотри, как он по коридору
 идёт расхлябанной походкой:
 Ему дорожке водка стала,
 чем кровь, пролитая в бою.

Он хочет боль войны забыть,
 залить её отравой винной...
 Но как ужасно видеть другу,
 который с ним давно знаком,
 Как тот, кто, гордый и прямой,
 прошёл от Волги до Берлина,
 От забегаловки до дома
 сегодня тащится ползком.

Воспалены его глаза:
 как пара красных светофоров,
 Они горят, — дорога к сердцу
 для нас закрыта в этот миг.
 Он словно наглухо замкнут,
 не слышит наших уговоров,
 Трясутся руки в лихорадке,
 и заплетается язык.

И кажутся бутылки с водкой
 бутылками с горючей смесью —
 Их враг из-за угла бросает
 на жизни быстроходный танк,
 И ты — предатель, если другу
 помочь не сможешь выйти с честью

Из этой схватки с чёрным прошлым,
ему ударившим во фланг.

Вы помните старушку-мать,
приехавшую из колхоза?
Она взяла в деревню сына,
уже не сына — полутруп...
— Вы не смогли его спасти! —
так сквозь непролитые слёзы
Она нам молча говорила,
не разжимая горьких губ.

— Ваш сын героем пал в бою! —
так на войне мы говорили,
И гордо мать сносила горе, —
но что сегодня скажем ей?
Его в расцвете мирных лет
два подлых недруга сгубили:
Бутылка с белою головкой
и равнодушие друзей.

Да, равнодушье! Равнодушье
знакомого, соседа, друга,
Удушливое равнодушье —
пособник злейшего врага!
То — немощ старческой души,
нет отвратительней недуга,
То — страх улитки, для которой
чужая жизнь не дорога.

Оно — жестоко и постыдно
езде: в столице и в деревне,
Но разве не ещё постыдней
его внезапно здесь найти,

Здесь, где портреты мудрецов
на нас глядят из жизни древней —
Тех, кто сгорел, чтоб от пожара
всё человечество спасти!

Я думаю о Чернышевском,
десятки лет страдавшем в ссылке,
Могилу Байрона я вижу,
Джордано Бруно на костре,
Я вижу тот кровавый ров,
где Петефи скончался пылкий,
И слышу голос их, летящий
навстречу будущей заре:

— Проклятье тем, проклятье тем,
кто с равнодушьем бессердечным
Взирает на чужие беды,
на раны горестей людских,
Но трижды будет проклят тот
и заклеимён презреньем вечным,
Кто с равнодушием взирает
на равнодушие других! —

Рази повсюду равнодушье,
куда б оно ни заползало!
Его под рясою аскета,
под лоском сноба ты найдёшь.
Порой лицо его открыто,
порой, как прочное забрало,
Его скрывает лицемерие
или сочувственная ложь.

Порою папенькиной дочки
оно манерней и капризней,

Перед последним словом моды
от восхищения дрожит,
Зато о скромном слове «труд» –
об этом первом слове жизни
И слушать даже не захочет,
нисколько им не дорожит.

Порою деревенским парнем
оно является в столицу,
И не успеешь оглянуться –
стал барином столичным он,
Уж много лет домой не ездит
и даже вспоминать стыдится,
Как пахнет пóтом и хлебами
земля, которой он рождён.

IX

Забуть свою родную землю...
Страшней измены быть не может!
Мой институт! Ты мне избегнуть
помог и этой западни.
Из всех твоих благодеяний
мне это благо всех дороже,
Что оказал ты мне когда-то
в мои студенческие дни.

Нередко, сидя на занятиях,
я улетал в родные дали,
И чудилось: шумят оливы,
ручьи змеятся между скал...
И как на фронте почтальона
в ущельях Граммоса мы ждали,

С таким же жгучим нетерпеньем
я по утрам газету ждал.

Её вывешивают утром,
во время первой перемены,
Она белеет в коридоре,
раскинув крылья на стене,
И дети многих стран бегом
к ней устремляются мгновенно,
Шумят, толкаются, но сразу
дорогу уступают мне.

Не потому, что старше я, —
причина здесь совсем иная:
Ведь каждому приходят письма,
и каждый письма шлёт родне,
А я — я от родных ни строчки
который год не получаю,
О Греции читать в газетах —
вот всё, что остаётся мне.

Читаю о моей стране
два-три коротких сообщения:
Расстрелы, голод, забастовки,
суды, корейская война...
Две-три строки... Но целый мир
творит из них воображенье.
И вот опять, как на ладони,
мне вся страна моя видна.

Две-три строки... Они — как дрожжи,
и вот в котле воспоминанья
Горячая опара всходит
и пахнет бурей наших дней.

Но горек хлеб моих стихов,
 он горек, как моё изгнание,
 Как судьбы моего народа,
 как слёзы матери моей.

Как будто в раковинах чутких,
 в тиши твоих аудиторий
 Я слышал, как рокочет эхо —
 времён немолкнувший прибой,
 Как плещется, лаская берег,
 Эгейское, родное море,
 Как пламенный, парнасский ветер
 поёт и плачет надо мной.

Расстрелы, голод, забастовки...
 Плывут перед глазами строки
 И, словно чёрные дороги,
 уходят в горестную даль...
 По ним бредут отец и мать,
 их гонит жизни вихрь жестокий...
 Да, в нашем доме сверхурочно
 работает одна печаль.

Там жизнь — как чуткие весы:
 на этой чаше — грусть и горе,
 А на другой — осколки счастья,
 его так мало в наши дни.
 Я из дому ушёл на фронт,
 брат заболел, уехал вскоре...
 Всё тяжелее чаша грусти,
 остались старики одни.

Эх, если б маленькую гирьку
 им положить на чашу счастья,

Чтоб хоть разок до них украдкой
дошли хоть две моих строки!
И письма-ласточки летят,
но кто-то облечённый властью
Там, в полицейском управленье,
их ловит в липкие силки.

И возвращаются обратно
мои крылатые посланья,
Наложён поперёк конверта
штамп: «неизвестен адресат».
Так возвращаются солдаты,
не в силах выполнить задания,
Другие – гибнут по дороге,
их «потеряли», говорят...

«Пусть он от наших пуль ушёл,
но мы судьбой его владеем,
Сразим ударами печали,
лишим спокойствия и сна,
Ползучею петлей тоски
мы задушить его сумеем!» –
Злорадствует мой старый недруг,
и – продолжается война.

Х

Москва! Надежда всей земли!
Ты стала крепостью моею,
И в яростную контратаку
израненный поэт идёт.
И как сигнальные ракеты,
высоко в небе пламенея,

Ему кремлёвское созвездье
указывает путь вперёд.

И улицы в огнях витрин,
и каждый дом, и сквер, и площадь,
И смех, и голоса прохожих,
знакомых, незнакомых мне,
И пристани Москва-реки,
и переделкинские рощи, —
Вы все — мои однополчане,
союзники в моей войне.

О сколько рек, лесов и птиц,
весенних зорь, закатных далей,
О сколько слов, улыбок, взглядов
меня спасали в эти дни,
Мне крылья помогли расправить,
хоть сами вряд ли сознавали,
Что в наших греческих окопах
сейчас сражаются они.

Я помню всех, кто мне помог
в часы тревоги неуёмной:
Смех девушки, мелькнувшей рядом,
чужого старика совет...
Как жалко, что не знают люди,
насколько их дела огромней,
Чем пишется в сухих колонках
их разлинованных анкет.

Да, люди во сто крат богаче,
чем сами думают об этом —
Не только люди: море, небо,
деревья, ручейки весны...

О скольким помогли они
 улыбкой, нежностью, советом.
 Большими, добрыми делами
 их биографии полны!

Мне рассказали, как однажды
 хотел с собой покончить кто-то,
 Крутой тропинкой шёл к обрыву,
 решив покинуть жизнь навек,
 И встретил там, на крутизне,
 крестьянина у поворота,
 И ласково сказал крестьянин:
 «День добрый, милый человек!»

Совсем обычные слова
 порой так много означают!
 И ночь отчаянья сменилась
 приливом новых чувств и сил!
 Идёт своим путём крестьянин,
 шагает, скромный, и не знает,
 Что спас от смерти человека,
 что подвиг в жизни совершил.

Да, есть у каждого из нас
 как бы незримая подмога,
 Знать обо всех своих деяньях
 и подвигах нам не дано,
 И никогда не говори:
 «Я в жизни сделал так немного!»
 Будь просто добрым, человеком
 а это — подвигу равно.

Земля моя, мои деревья,
 мои просторы, звёзды, зори,

В свой список подвигов внесите
 победу трудную мою:
 Вы помогли не сдаться мне
 в дни одиночества и горя,
 Когда тоску давил я в сердце,
 как давят каблуком змею.

XI

И ты, берёза Подмосковья,
 на переделкинской поляне,
 В свой список подвигов несчётных
 теперь ещё один впиши:
 Ты сына Греции хранила
 от бури тяжких испытаний,
 Его скитальческая муза
 нашла приют в твоей тиши.

Вокруг деревья — как святые,
 густая роща — храм старинный,
 И черти шевелят осокой
 в болотных впадинах земли.
 А ты стоишь, как богоматерь,
 держа в объятьях солнце-сына,
 И — городские пилигримы —
 к тебе мы причащаться шли.

Усталым шёл к тебе поэт,
 а возвращался окрылённым.
 Свою измученную музу
 к тебе я приводил не раз.
 Так набожные староверы
 больных детей несут к иконам

И молятся, чтоб чудотворец
ребёнка от болезни спас.

И выздоравливала муза,
и растворялись все печали...

Со многими ты совершала
не раз такие чудеса!

И первую из новых песен
всегда тебе мы посвящали,

И, как дары от всех народов,
хранишь ты наши голоса.

Я помню: светится луна,
уже совсем тепло в апреле,
Твои серебряные ветки
казались сотнями смычков,
Натёртых лунной канифолью,
и в них лучи, как струны, пели,
И властно воскрешал природу
твой колдовской, весенний зов.

Сюда возили мы подруг,
чтоб здесь, наедине с любовью,
Стыдливим спутницам поведать
мечты и замыслы свои,
Почтительно представить их
берёз высокому сословью...
О звёздные дворцы апреля,
аудиенции любви!

Сверкали звёзды в небесах —
в недостижимых глубинах,
А рядом — звёздами земными
в кустах мерцали светляки.

Гуляешь с девушкой в лесу,
 не отпуская рук любимых,
 И даришь ей земные звёзды —
 доверчивые огоньки.

О, север! Я не сразу свыкся
 с суровым климатом России,
 Зато любви прекрасный климат
 всегда и всюду близок мне.
 «Люблю... люблю...» — из края в край
 летят по миру позывные,
 Антенны всех сердец их ловят
 на одинаковой волне.

Любить! — от века этим правом
 всех одарила мать-природа,
 Её могучему велению,
 кто б ни был ты — не прекословь,
 И нет печальнее судьбы,
 и нет ужаснее уroda,
 Чем тот, чьё сердце потеряло
 святое право на любовь.

А растерять его нетрудно
 на длинных лестницах карьеры
 Или в туннелях-коридорах
 казённых ведомств и контор —
 Туда уходит поезд жизни,
 как в бесконечные пещеры,
 И много лет ползёт во мраке,
 не вырываясь на простор.

В плену, в богатстве, в нищете,
 в беде и на вершине славы,

Под пытками изнемогая,
 преодолая злой недуг,
 Борись, сражайся до конца
 за это радостное право
 И даже на пороге смерти
 не выпускай его из рук.

Вот Фучик едет после пыток
 по улицам любимой Праги
 И смотрит на красивых женщин,
 на линии их стройных ног,
 Они – как лавры на ветру,
 их платья – как цветные флаги:
 «Сегодня девять насчитал их –
 прекрасный выдался денёк!»

Прекрасна жизнь! Прекрасна жизнь! –
 да, вот что это означает.
 Как не назвать её прекрасной,
 когда под гнётом страшных дней
 Она оружием красоты
 любые муки побеждает!..
 Какой фашизм, какие пытки,
 какая смерть её сильнее?

Как не назвать её прекрасной,
 когда кругом так много света,
 Что дажи смертник слышит в сердце
 восторга радостную дрожь!
 И даже если ты расстрелян
 и песнь осталась недопетой,
 Любимую к своей могиле
 посмертной песней ты зовёшь!

Так в Моабите пел Джалиль —
 в застенок загнанная птица,
 И до последнего дыханья
 его любовь была жива.
 Так Белояннис перед казнью
 хотел с любимую проститься,
 И радостью любви дышали
 его предсмертные слова.

Любимые! Ваш взгляд и голос
 для нас останутся святыней,
 Вы — словно звуки нежных скрипок
 в наш век боёв, побед, потерь,
 Вы — песни счастья, что творит
 природа — дивный Паганини,
 В какие времена так ярко
 любили люди, как теперь?

Недаром, женщины, для вас
 сражались, воздвигали, пели
 Все времена и все народы,
 и каждый смертный человек.
 Мильоны лучших ради вас
 ни слёз, ни крови не жалели
 И не раскаивались в этом,
 и не раскаются вовек.

Так, ради вас не пожалели
 и мы в студенческие годы
 Ни лучших строк своих, рождённых
 дождём, бессонницей, ходьбой,
 Ни двоек, что на нас, бедняг,
 в разгаре праздника природы,

Как снег на голову, валились
цветущей, майскою порой.

XII

Эх, дни зачётов, дни зачётов,
весенней сессии волненья!
И праведники, и злодеи —
Все вызваны на Страшный суд.
Должны ответ мы судьям дать
за все земные прегрешенья,
И вдруг похожим на молеблю
наш становился институт.

Мы все молились богу знания,
чтоб нам помог не провалиться,
Над алтарями книг склонялись,
зубрили даты нараспев.
Так суеверные старухи
идут угоднику молиться
И монотонными псалмами
смягчить желают божий гнев.

И лишь порой перед глазами
миражи плыли золотые:
Вот у профессора «отлично»
мы получили наконец
И, выйдя в институтский сад,
гуляем, как в раю — святые,
Переливается над каждым
пятёрком солнечный венец.

Увы, обманывал мираж —
нас не всегда ждала награда,

Грехи у каждого водились,
 был часто грешником и я,
 Порой, не принятые в рай,
 спускались мы кругами ада,
 Но, правда, реже – иностранцы,
 а чаще – русские друзья.

Не потому, что меньше было
 у нас грехов и больше знаний, –
 Бывало, за столом потея,
 сидишь, поставленный в тупик,
 Горбатой двойки чёрный знак
 уже мерещится в тумане,
 Но русское гостеприимство
 тебя спасало в этот миг.

Глядел из-под очков профессор
 и, неожиданно раздобрясь,
 Четвёрку ставил... Мы встречались
 с такою щедростью не раз!
 И этой мудрой доброты
 мы все храним прекрасный образ –
 Жить бескорыстно и правдиво
 она обязывает нас.

Ещё ручаться ты не мог,
 что станет в будущем с тобою:
 Писакой ли завзятым станешь
 или большим поэтом ты,
 Но знал одно наверняка:
 куда ни занесён судьбою,
 До самой смерти не забудешь
 огромной русской доброты.

Она всегда неистошима,
 изменчива, как облик мира,
 Во всём, во всём, куда ни глянешь,
 видны черты её лица.
 Пусть хорошо мы не успели
 узнать ни Гёте, ни Шекспира,
 Но эту доброту святую
 познать успели до конца.

И те, кто в этом добром доме
 свой срок студенческий отбыли,
 Домой вернутся знатоками
 прекрасной щедрости людской.
 Пять лет на радостной земле
 они трудились и любили,
 Она им хлеб, тепло и кровлю
 дарила сестринской рукой.

Пять лет им отдала она,
 пять лет и ей они отдали,
 И как издревле побратимы
 соединяли кровь свою,
 С её дыханием они
 свой каждый вздох соединяли,
 Их приняла она, как братьев,
 в свою огромную семью.

Пока не пробил этот час,
 студентом быть не перестану,
 Всегда готовым — хоть сегодня —
 держать экзамены с утра.
 Трудом должна быть жизнь моя
 и подготовкой неустанной

Для нерастраченного сердца
и неподкупного пера.

Я многих проводил домой,
Придёт и мой черёд однажды,
протислся с многими друзьями,
увидю снова отчий дом.
Мне родине осталось сдать
последний, главный свой экзамен,
И знаю: без её печати
мой недействителен диплом.

Я – как студент перед зачётом,
когда один в толпе бурливой
Он бродит, дрожью ожиданья
и нетерпением томим.
Здесь, в отдаленье, каждый день –
мой репетитор терпеливый,
А там, на родине, он станет
экзаменатором моим.

Я это будущее вижу
отсюда, из раскрытых окон,
Да, из твоих широких окон,
мой институт, мой добрый дух.
Ты столько дал советов мне,
как стойким быть в пути далёком,
Чтоб одолеть преграды вражьи,
чтоб в бурю факел не потух.

ПРОЛОГ

Алексис Парнис. Русский поэт греческого происхождения. А. Захариадис.....	7
Дмитрию Мизгулину. Перевод А. Захариадиса.....	12
Предисловие.	
У этой книги непростая судьба. Д. Мизгулин.....	17

ПИРЕЙСКОЕ РОДНОЕ

Путь. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	20
Пирейская кантата. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	22
Миндальный цвет. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	27
Греческий характер. <i>Перевод П. Железнова</i>	29
Иммитос. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	32
Пентели. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	32
Творцы. <i>Перевод М. Светлова</i>	33
История с собакой. <i>Перевод М. Максимова</i>	34
Желание. <i>Перевод В. Корнилова</i>	37
Майское утро. <i>Перевод М. Максимова</i>	39
Лихорадка. <i>Перевод В. Корнилова</i>	39
Добро пожаловать, моя земля! <i>Перевод В. Соколова</i>	40
Ожидание. <i>Перевод В. Корнилова</i>	41
Игры. <i>Перевод В. Корнилова</i>	41
Одиссея. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	42
Дым отечества. <i>Перевод М. Максимова</i>	44

КРАСАВИЦА НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Красавица на морском берегу. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	46
Песенка. <i>Перевод С. Поликарпова</i>	50
Утренний сонет. <i>Перевод В. Корнилова</i>	51
Наша подруга. <i>Перевод К. Ваншенкина</i>	51
Церковушка. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	52
Летний день. <i>Перевод А. Голембы</i>	53
Белое и чёрное. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	54
Любовь. <i>Перевод Р. Рождественского</i>	55

Троянский конь. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	57
Гордое чувство. <i>Перевод В. Корнилова</i>	58
Подсолнух. <i>Перевод В. Корнилова</i>	59
Калипсо. <i>Перевод В. Корнилова</i>	60
Пигмалион. <i>Перевод М. Павловой</i>	62
Постаревшая красавица. <i>Перевод В. Корнилова</i>	68

МОЯ ЛИРА

Мой лирический герой. <i>Перевод М. Максимова</i>	72
Поэт «местного значения». <i>Перевод В. Корнилова</i>	73
Кинёгир. <i>Перевод В. Корнилова</i>	74
Берёза Есенина. <i>Перевод Н. Разговорова</i>	76
Свободный стих. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	80
Буцефал. <i>Перевод А. Мартынова</i>	82
Единственная. <i>Перевод Р. Рождественского</i>	83
Четверостишие. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	85
Жемчужина. <i>Перевод С. Поликарпова</i>	86
Бог. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	87
Трудись. <i>Перевод Е. Винокурова</i>	92
Письма. <i>Перевод М. Павловой</i>	93
Вдохновение. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	94

ВРЕМЯ – БОЕЦ

Октябрь – великий открыватель! <i>Перевод И. Разговорова</i>	96
Из камеры-одиночки. <i>Перевод В. Корнилова</i>	101
Знамя. <i>Перевод С. Поликарпова</i>	103
Утёс. <i>Перевод В. Корнилова</i>	104
Письмо турецкому поэту. <i>Перевод Н. Разговорова</i>	105
Судьбы. <i>Перевод В. Корнилова</i>	111
Разоружение. <i>Перевод С. Поликарпова</i>	113
России. <i>Перевод В. Корнилова</i>	114
Ты помнишь, Москва? <i>Перевод П. Железнова</i>	115
Фестивальная песня. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	118

Прага – Москва. <i>Перевод Н. Разговорова</i>	120
Первые дни войны. <i>Перевод П. Железнова</i>	127
Пленные. <i>Перевод П. Железнова</i>	139

ПЕРЕКРЁСТКИ

Оптимизм. <i>Перевод М. Максимова</i>	148
Прядильщик. <i>Перевод М. Максимова</i>	149
Адам. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	150
Воры. <i>Перевод В. Корнилова</i>	150
Наследственность. <i>Перевод В. Корнилова</i>	151
Недостойный. <i>Перевод С. Северцева</i>	153
Предчувствие. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	154

В СТРАНЕ НАДЕЖДЫ. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Проводы. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	156
Советская земля. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	159
Через степь. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	163
Город надежды. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	166
История нашего дома. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	171
Мирная песня. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	175
Новорожденный. <i>Перевод С. Северцева</i>	180
Русский язык. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	188

БЕЛОРУССКАЯ ТЕТРАДЬ

Белоруссия. <i>Перевод Н. Разговорова</i>	194
Общий язык. <i>Перевод Н. Разговорова</i>	196
Встреча. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	200
Озеро Нарочь. <i>Перевод И. Разговорова</i>	206
Партизаны. <i>Перевод Н. Разговорова</i>	211
Две матери. <i>Переводчик неизвестен</i>	217
Тамада. <i>Переводчик неизвестен</i>	222
Мосты. <i>Переводчик неизвестен</i>	224
Ленинградская стена. <i>Переводчик неизвестен</i>	228
Прощание. <i>Переводчик неизвестен</i>	238

ПОЭМЫ

Алжирское солнце. <i>Переводчик неизвестен</i>	240
Кипр – Кипру. <i>Переводчик неизвестен</i>	253
Брестский поезд. <i>Переводчик неизвестен</i>	291
Поэма о Циолковском. <i>Переводчик неизвестен</i>	306
Узбек. <i>Переводчик неизвестен</i>	319
Парад в Пирейском порту. <i>Переводчик неизвестен</i>	332
Повесть о неизвестном боксёре. <i>Переводчик неизвестен</i>	343
Тверской бульвар. 25. <i>Переводчик неизвестен</i>	357

АЛЕКСИС ПАРНИС
СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭМЫ

Редактор Валентина Рыбакова
Вёрстка, дизайн, графика – Анастасия Евменова
Графика – Галина Евменова
Корректор В. А. Неёлова

Подписано к печати 27. 02. 2023. Формат 60x84/16
Бумага «Колор Файн». Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. 14. Тираж 200
Заказ .

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06